

ГУБЕРНСКИЙ

ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

5/94

КОСТРОМА

ГУБЕРНСКИЙ ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

5/94

Время Общество Знание

- Костры горят далекие. Беседа с начальником управления образования С. А. Тарабухиным. 3
Каков из себя птеродактиль. Заметки о гимназии. 8
Учитель Чигарев. Диалог о сельской школе. 11
Воскресные беседы. Ищите в себе чудо. 15
Своя выходка, своя дробь. Рассказ о детском фольклорном коллективе. 18
Горация мы читали в подлиннике. В гостях у профессора Азева. 21
Город мастеров. Царевны Вали Толубаевой. 26

Свидетельства Архивы Документы

- Виктор Бочков. Дом над Волгой. 29
Лариса Сизинцева. Школа — лучший проводник света. 34
Ольга Пушкина. "Образцовые во всех отношениях". 42
Татьяна Войтюк. Была ли деревня темной? 45
Елизавета Новикова. "Золотой век" Костромской духовной семинарии. 50
Лариса Ковалева. "Для блага и пользы ближних". 54

Литература Искусство Культура

- Елена Сапрыгина. Графы Мусины-Пушкины и Костромской край. 59
Ольга Гуссаковская. Персиковая коробка. 63
Татьяна Дмитриева. Улица детства. Стихи. 72
Исторические анекдоты из жизни русских замечательных людей. 74
Александр Ишимов. Празднование Рождества Христова у разных народов. 76

Учредитель: администрация Костромской области.
Попечители: областное отделение Российского фонда культуры, областной государственный архив, Костромское епархиальное управление, дирекция фестиваля "Вехи", областная писательская организация, совет ректоров костромских вузов, объединение "Костромакурорт", областная научная библиотека.
Журнал зарегистрирован региональной инспекцией (г. Тверь).
Регистрационный номер Т-0162.

ОБЕРЕГИ ДУШИ НАШЕЙ

Знак солнца, солнечное колесо на воротах — охраняющий знак. Когда-то давно в народной архитектуре было принято венчать им самые уязвимые места «хоромины», чтобы охранить вход в дом от духов зла. На столбы выбирались в лесу особые деревья, а прежде чем вкопать их в землю, в яму клали клочок шерсти, горсть зерна, ладан или воск, которые считались оберегами.

Конечно, за такими чудесными, спасительными воротами, что еще сохранились в Костроме, не спрячешь нынче детей от жизни. Раньше родителей пугали двор и улица, теперь — вещевой рынок с его новой моралью и видео. Болеет учительское сердце: что ждет ребят за школьными воротами? Лишь бы не ожесточились, не потеряли сердечность и жажду познания. Тревоги и надежды — этим полна сегодня наша напряженная жизнь. Чтобы не потерять в ней человека и дорогу назад, к волшебным воротам с солнечным знаком, по старому обычаю бросим горсть зерна на дорогу. Новый год белым снежным мхом вышьет деревянные заборы. Новое — хорошо забытое старое. Так может, там, в прошлом нашего просвещения, культуры и поищем ответа на вопросы, которые не знаем как отгадать.

Мы предлагаем вам в этом номере журнала встречу с людьми, сохранившими в себе знак солнца. Умеющими переносить все тяготы не ожесточаясь, с

На улице Катушечной. Фото Георгия Белякова

верой, надеждой и любовью к жизни. Наверное, именно поэтому они были и остаются хорошими учителями детям, да и нам с вами.

...Клочок шерсти, горсть зерна, кусок воска — трогательные и наивные обряды древних. А

образование и воспитание — разве это не обереги человеческой души, спасающие ее от разрушения? Скрипнули старые ворота: «Милости просим!». С Новым годом всех, и с новым — хорошо забытым старым.

СОХРАНИМ ВЕЧНУЮ РОССИЮ

Тамара Ивановна Дурягина, учитель русского языка и литературы, выпускница Костромского педагогического института, год выпуска 1978. Последние пять лет заведует отделом образования в Чухломе.

Многое требуется от учителя сегодня. Требуется, требуется, всегда только требуется, скажет он устало. И вот тут, возможно, от усталости начинает гаснуть в нем искра Божья — умение любить чужих детей, умение прощать всех, умение завоевывать сердца в любых обстоятельствах. Самое страшное в нашем труде — это усталость, с которой не справились, раздражение, которое не смогли подавить. Именно непобежденная усталость превращает знания учителя в пыль. Но ведь именно это в учительском труде как раз и главное — любовь к знаниям, любознательность, как говаривали в старину. Любовь, которая позволяет долго-долго сохранять любопытство к новому и способностью заражать этим любопытством деточек.

Когда я это впервые поняла?

Еще студенткой нашего пединститута, когда слушала лекции Юрия Владимировича Лебедева, Вячеслава Александровича Сапогова... Уметь видеть доброе. До сих пор я храню клеенчатые студенческие тетради с конспектами их лекций. Ведь, казалось бы, классика так далека теперь от современной жизни. Но видно было что-то в этих лекциях, что не стареет с годами. Когда-то в Боговаровской средней школе учительница Вера Михайловна Мелькова давала нам такие же прекрасные уроки для подражания. Она умела быть доброй, не сладко-добренькой, а по-настоящему доброй, когда в ответе за тех, кого приручил однажды. Возможность встретиться с таким человеком в жизни — великое дело. И в нашем районе у меня было немало таких встреч. Ольга Сергеевна Пискарева. Школа, в селе Георгий, где она директором, какая-то особенная — теплый, а не казенный дом. Обычное типовое здание ребята вместе с учителями отделали деревянным кружевом и резьбой. Помогали и мужья учителей, выходя работать во вторую бесплатную смену. Домашний интерьер, кругом цветы, порядок и уют. Когда дети сами участвуют в создании красоты, они по-иному смотрят на тех, кто ее пытается сохранить.

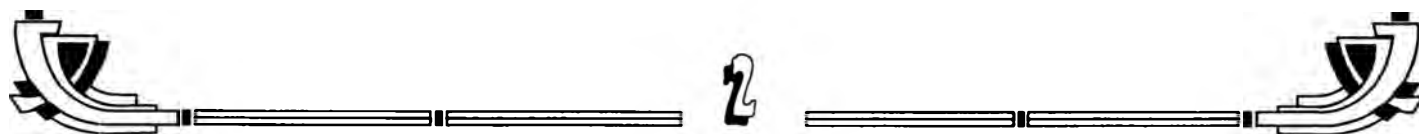
Ростки добра и творчества дает нам воспитание на народных традициях. В судайской школе есть прекрасный этнографический музей, собранный ребятами. «Русская изба» называется он. Печь, крестьянская утварь, старинная столовая посуда, ткацкий станок — вещи,

помогающие ребятам понять историю жизни своих предков как семейную историю и научиться у них добру и способности чувствовать прекрасное. Дети со всего района побывали на экскурсиях здесь.

В этой школе работает прекрасный педагог и удивительный человек Галина Сергеевна Гусева. Детский театр, созданный ею, объездил всю округу с постановками русской классики — Островского и Гоголя.

Ростки добра... Они тоже нуждаются в экологической защите. Когда на уроках в школе дети слышат правильные слова о необходимости охраны природы, а за школьным порогом видят жестокость и равнодушие по отношению к ней, как трудно бывает сберечь эти ростки добрых побуждений и представлений. Вот гибнет наша жемчужина — Чухломское озеро. В Жаровской средней школе, что на самом озере стоит, ведется экологический факультатив. Дети вместе со взрослыми ищут способы охраны озера от гибели. В Вигской средней школе объектом заботы ребят стала река Вига. Изучая цветущую, щебечущую пойму реки, ребята собирают гербарии, мечтают в экоцентре при школе вырастить зимний сад.

В чем источник моей надежды, что все эти занятия и уроки доброты не пройдут мимо души? Я верю, что несмотря на переживаемые трудности, учитель все же удержится на высоте своего призвания, и сможет, как говорил Василий Сухомлинский, «повести к высоте человеческого духа» новое поколение детей, способных сохранить добрую, вечную Россию.

... вспоминаю своих прежних знакомых, своих друзей или просто тех, кто был для меня примечателен. Сережа Тарабухин. Учитель Пыщугской средней школы. Замечательный специалист, хороший собеседник, преданный товарищ, спортсмен, эрудит, любимец школьников. Сколько исходили мы с ним дорог и дорожек по Пыщугу и вокруг! Где теперь он?..

Юрий КУРАНОВ. Повесть «Глубокое на глубоком».

КОСТРЫ ГОРЯТ ДАЛЕКИЕ...

Беседа с начальником управления образования областной администрации
Сергеем Александровичем Тарабухиным

— *А действительно, где Вы, Сергей Александрович? И помните ли теперь главный начальник по школьным делам в области себя простым учителем, учеником? Ваш друг юности писатель Юрий Куранов так тепло пишет об этой поре...*

— Для меня, так же как и для Юры, Пыщуг и все, что связано с ним, — самая светлая, дорогая, незабываемая страница жизни. Иногда мне даже кажется, что душой я навсегда остался там, в школе учителем...

— *Тогда, если не возражаете, совершим небольшое сентиментальное путешествие во времени, с самой первой станции — школы 50-х, когда Сережа Тарабухин пошел в первый класс... Это была другая, непохожая на нашу школа?*

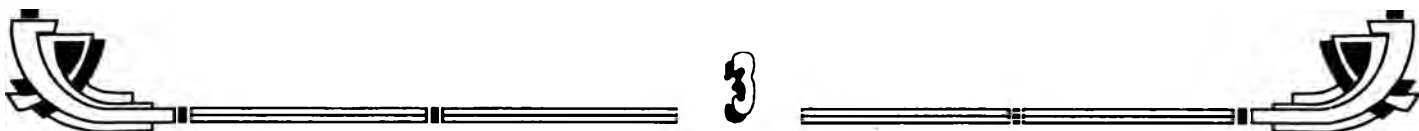
— Четыре класса я закончил во 2-й начальной школе Кос-

тромы, а потом учился в 26-й школе, довольно престижной, где директором был знаменитый в то время Иван Иванович Гречухин. Его уважали за строгость и терпеливость. Тогда еще было раздельное обучение мальчиков и девочек. Так вот, наша мужская школа не имела никакого сравнения с хулиганистыми классами, на которые теперь порой жалуются учителя. Несмотря на необыкновенную строгость Ивана Ивановича, на уроках происходило такое, что бывало не по себе: не только бумажный самолет в голову учителю могли запустить, но и, в случае чего, ножом пригрозить. В классе учились переростки, надо сказать, сообразительные на шалости. Вторая смена, быстро темнеет — мы выкручиваем лампочки из патрона, вставляем мокрые промокашки, и, ког-

да начинается урок, свет медленно гаснет. Учитель волнуется: что такое? как вести урок, — а нам только этого и надо. По домам! Особенно буйно наша мужская школа встречала весну. Били стекла, в окна выбрасывали парты. К концу учебного года все окна были заколочены фанерой, и свет проникал через какую-нибудь чудом уцелевшую форточку.

— *И вы тоже хулиганили?*

— Так активно нет, но поддерживать, конечно, поддерживал. А что вы хотите, воспитывал двор. Знаете, что такое «мужское братство»? Это тогда было все. Мама работала в химической лаборатории комбината им. Ленина, уходила рано утром, приходила затемно, так же другие матери из нашей коммуналки на Шагова. Лишившись во время войны кормильцев, наши

мамы старались как-то прокормить семью...

— *Двор 50-х был хорошим воспитателем?*

— И да и нет. Мы тянулись к старшим ребятам. Детство без отца — это всегда драма. Были свои кумиры, типа Вовки Самцова, храброго сильного парня, на которого всем хотелось походить. Конечно, танцы взрослых ребят нас не интересовали. Но что касается общих дел, например, белым днем обчистить огород роддома № 1, где росли в изобилии морковь и капуста, — тут нас долго звать не приходилось. За огурцами в теплицу, что была подалеже от забора, осмеливались делать вылазку лишь ночью. Ходили с колыями улица на улицу, в такой схватке мне однажды досталось поленом по голове. Одним словом, двор продолжил мое «мужское воспитание»...

Ну, а если без шуток, наш Двор давал возможность проявиться и глубокому, сердечному. Мой товарищ Витя Козырев научился играть на аккордеоне. И вот вечерами мы все выходили во двор и пели песни тех

Молодой учитель Сергей Тарабухин. Пыщуг, 60-е годы

военных лет. «Костры горят далекие»... Весь двор пел, рассевшись на дровах (тогда были свои кочегарки). С тех пор у меня осталась любовь к этим песням, и когда родился сын, вместо колыбельных пел их ему, а потом вместе пели...

В 21-й костромской школе, где потом учился, пел в хоре. Педагогом у нас был известный в городе человек, Валенти-

на Константиновна Карякина, может быть, слышали: она создала городскую оперу. С концертами мы выступали в филармонии, драматическом театре, во Дворце пионеров. В школе я начал играть и в духовом оркестре — на баритоне (это ведущий инструмент с мягким звуком).

Двор вырастил во мне и другую страсть — к спорту.

— *В какие игры тогда еще играли?*

— Когда сходил снег, мы ставили ворота, сами доставали мячи и с утра до вечера играли в футбол и волейбол. Наша дворовая команда вызывала на «сражения» соседние улицы, ездили в пионерские лагеря, сами — никто нас об этом не просил. И еще, помню, мы любили тогда лапту и городки, человек по 50 собиралось.

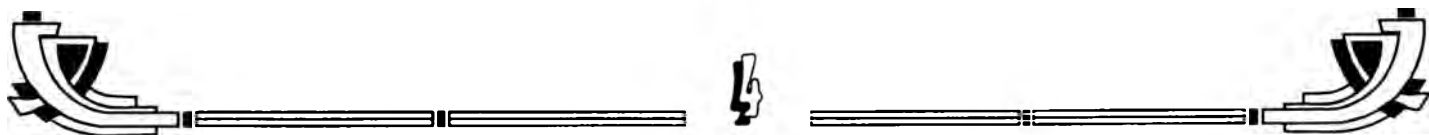
Были и не очень хорошие игры. Например, «почуралки». Когда весной снег начинал подтаивать, делали ямки на дороге, и смотрели — что будет. Или через тротуар проволоку натягивали. Или тыкву пополам разрезали, вырезали дырки для глаз, подставляли свечу и в темноте лезли на забор — поугадать соседей... От погони спасались в подвале, нырнули, и никто уже нас не мог оттуда достать. Еще играли в сыщики-разбойники...

— *Рассказывают, мальчишки послевоенного поколения обычно мечтали стать летчиками, офицерами... А Вы поступили в Костромской пединститут?*

— Да нет, никакого учительского призвания я в себе не чувствовал. Просто любил историю и литературу, а тут впервые на историко-филологическом факультете набиралась группа с историческим уклоном. Многие ребята пришли после армии, на 4—5 лет были старше меня. На вступительных

На грибной охоте с Юрием Курановым

Художник Алексей Козлов с сыном. Трошинцы, 60-е годы

познакомился с очень интересным человеком — Володей Попковым, мечтавшим стать режиссером и снимать кино. Это дружба очень многое определила в моем отношении к кино и литературе, учительству, к жизни. Володя в Москве снимает теперь свое кино; за фильм «Карусель» он был удостоен Гран при на Пражском фестивале, экранизировал Джека Лондона, последняя картина «Сердца трех».

— Пединститут 60-х, еще одна остановка. «Оттепель» что-то добавила к вашему мужскому воспитанию?

— Увлечение спортом. Пять лет играл в сборной института по баскетболу. Это стал мой любимый вид спорта на всю жизнь. И уже позднее, когда после распределения работал учителем истории в пыщугской школе, вторым предметом выбрал преподавание физкультуры. Вся школа заиграла в баскетбол, по две недели проводили баскетбольные турниры и, конечно, мой класс — две команды девочек и одна мальчиков выходили победителями.

60-е годы дали небывалую раньше свободу мысли, выбора чтения, все мы впитывали новое, искали его. Увлечение Пастернаком, Есениным. Декламировали наизусть. До сих пор многое помню.

Николай Николаевич Скатов... Это ему мы обязаны любовью к русскому Слову. Благодаря Скатову мы открыли Достоевского, перечитали классику. Институт воспитал наш ли-

тературный вкус. Когда стали выходить первые книжки никому неизвестных тогда Василия Шукшина, Юрия Казакова, Георгия Семенова, Виктора Лихоносова, я безошибочно принял их, понял, что впереди встреча с большим писательским и человеческим талантом.

— Вам Сергей Александрович, кажется, везло на интересные встречи, особенно в Пыщуге, да?

— Да, судьба подарила мне замечательных друзей юности. В пыщугской школе работала лаборантом жена Юрия Куранова, умница и красавица Зоя. Через нее мы и познакомились с ним.

В Пыщуге как молодые специалисты мы с женой получили первую в жизни 2-комнатную квартиру. Пригодилась моя учеба у костромского столяра Василия Степановича: смастерил стеллажи для книг, стол, скамейки, кровать. Однажды Юрий привел к нам своего друга, тогда никому неизвестного художника Алексея Козлова. Жил он на хуторе Трошинцы в 15 км от Пыщуга, жил страшно бедно. Вот зашел Алексей, осмотрел

Проводы учителя. Пыщуг

мои «хоромы», покачал головой, повздыхал, напирая на «о»: «Как хорошо живет сельский учитель!..», а потом: «Дай взаимы десять рублей, а...» Господи! Ну, о чем речь. Мы получали 110 рублей, огромная сумма по тем временам, а в деревне — куда особенно тратить...

В Трошинцы ходили мы пешком гостить, по грибы всей компанией, тогда я наснимал целую пленку и негативы подарил Алексею на память. У меня остался только альбом фотографий. Позднее, в Голубом зале «Комсомольской правды», когда я увидел впервые выставку его работ и посмертную, у нас в Костроме, понял, с каким талантливым человеком был знаком. Юра Куранов познакомил меня и с Шуваловыми. Это общение многое определило в моей жизни на долгие годы. Литература и живопись стали мне ближе. Юра все чаще приезжал из Москвы, где он пробивался к издателям. В Пыщуге для школьников мы устроили что-то вроде творческого клуба, назвав его «Радуга». Куранов мог часами рассказывать о прекрасном, и не только сельские дети раскрыв рот слушали эти импровизированные лекции, но и я. Между нами была разница в десять лет, но мы стали настоящими друзьями. Позднее об этом периоде жизни Юрий рассказал в новеллах «Глубокое на глубоком», Я гостил у него в деревне под Псковом и видел его за работой, когда он уже стал большим писателем.

— *Ваша учительская судьба не сложилась?*

— Увы, этим я тоже обязан Куранову и не раз потом сетовал ему на то, что он «выдвинул» меня в область.

Какая счастливая пора — мое учительство в Пыщугской сред-

ней школе! Это было время... Знаете такую шутивную поговорку: «Скорее бы утро, да на работу». В моей тогдашней жизни это действительно было. Скорей бы... С 8 утра до 10 вечера — школа, школа, школа. Стихи, баскетбол, рисование,

фотокружок, походы. Как-то сразу все сложилось и с ребятами, и с учителями. Я попал в одну из лучших школ области, где директором была прекрасный человек Маргарита Александровна Смирнова, человек с характером, умеющая

Юрий КУРАНОВ

ПЫЩУЖАНЕ

Полет от железнодорожной станции Шарья до районного села Пыщуг похож на прыжок кузнечика. Самолет разбежался, оттолкнулся, пролетел двадцать минут над лесами, густо обступившими золотые от солнца поляны, пролетел вдоль Ветлуги и мягко ткнулся в широкий луг сельского аэродрома.

Издали, с пригорка, спокойно поглядывают на приезжего длинные бревенчатые дома, вытянувшиеся в цепочку. С противоположной стороны подпирает село высокий холм. Неохотно расступились перед топором могучие леса, открывая увалистые богатырские дали. На холме шумит березовая роща. Днем сюда приходят школьники на уроки физкультуры, а вечером здесь веселится молодежь. Под холмом — ключ. Над ним небольшой теремковый сруб. Ключ ложится в желоб, здесь пыщужанки стирают белье в хрустальной студенной воде.

Между лесами затеряны поля, засеянные рожью, пшеницей и льном. От цветущего льна поля выглядят голубыми. Вокруг живут светловоло-

дые и трогательно близкие к природе люди. Любовь к земле, хозяйственное отношение к природе растет здесь в людях с детства.

Я вышел за грибами с шестилетним Мишей, увидел белый гриб, заторопился и прямо с землей выдернул его.

— Ты так не делай, — вежливо, но твердо сказал Миша, — ты его лучше ножиком бы отрезал, ведь от корешка новые грибы вырастут.

Девушки из Шарьи, приехавшие на уборку, прямо по пшенице помчались в обед на Пыщуг купаться.

— Куда вас леший по хлебу потащил, вот я вас вожжами понужну! — кричит, как взрослый, десятилетний Ленка и впрямь берется за вожжи.

помочь каждому из нас, собравшая в пыщутской школе великолепный учительский коллектив. Сколько заслуженных учителей работало здесь и просто великолепных учителей!

...Когда я улетал на самолете из Пыщуга навсегда, как увидел

внизу аэродромное поле, усеянное учениками, их родителями — не мог удержаться от слез.

— *Вот уже двенадцать лет Вы руководите образованием области. Были, наверное, и здесь свои светлые страницы?*

ПРИДОРОЖНЫЕ ОКНА

От Шарьи до самого Пыщуга, а может быть, и до Никольска, а пожалуй, и до Великого Устюга возле окон сидят по избам ребятишки. Они смотрят на тракт. Они словно чего-то ждут, эти внимательные дети. Синеглазые. Беловолосые. Похожие на святых.

Крошечная девочка в белой рубашке сидит на подоконнике, прижала растопыренные ладони к стеклу и околдованно смотрит на прохожих. Она разглядывает дорогу сквозь стекло, словно глядит в морское дно, диковинное и непонятное.

Кто они? Куда торопятся? Чем так заняты эти серьезные взрослые люди?

Старик ведет на веревке теленка. Продавать повел.

Почтовая машина, забитая посылками. На посылках сидит женщина из соседней деревни. Видно, к сыну поехала. А может, в Шарью к городским врачам...

Обочиной шагает с чемоданчиком девушка. В сапогах, в плаще. Она, видно, деньги несет сдавать. Говорят, что в таких чемоданах деньги в банк носят. А может быть, она идет учиться в институт, в Кострому, а то и в Ленинград.

За деревней овраг. И слышны топоры. Новый мост рубят. Девушка уже далеко за мостом. Наверное, пошла учиться.

У каждого было детство, и каждого манило оно к окошку, на гумно, за речку. И каждый выходил ночью босиком, накинув на тело отцовский пиджак, и стоял за овчарником, когда все уже спит, слушал далекую машину, конский топот или заколдованным взглядом следил, как проходят высоко над головой дорожные огни ночного самолета.

ЛИСТЬЯ

Те самые листья, которые так недавно шумели высоко под облаками, теперь летят ко мне под окно.

— Куда вы летите?

Они толпятся у завалины торопливой золотистой стаей. Они сияются поведать мне что-то. Но я не понимаю речей их.

— О чем вы?

Тогда они летят к малышу Гельке, который сидит посреди дороги и возводит из пыли какие-то лиловые города.

Они окружают его. Они вспархивают ему на локти и на плечи. Он улыбается им, он подбрасывает их, он их ловит. Он ни о чем их не спрашивает. Они ничего ему не говорят.

Они поняли друг друга.

Они просто играют.

(Новеллы из повести «Глубокое на глубоком».)

— Светлое? То, что, может быть, мне кажется светлым, другие и добрым словом не вспомнят. Что сейчас об этом говорить... За эти 10 лет бывало всякое. И как под нож, когда был режим диктата во всем, когда невозможно было сделать то, что хочешь. Но и тут счастье улыбалось, не было таких моментов, нет, чтобы кто-то меня преследовал за строптивость или плохо ко мне относился. Во всяком случае, я никогда не унижался, это не в моем характере.

О светлых воспоминаниях... Например, мы вышли на третье место в России по темпам строительства школ и на одиннадцатое — по дошкольным учреждениям...

Сегодня в области около 100 объектов в стадии строительства. Сумеем ли найти средства на завершение хотя бы начатого, на ремонт уже пришедших в ветхость школьных зданий, на развитие учебной базы — вот что тревожит. Сейчас намного интересней стало работать. Но только новое содержание образования, вариативность образовательных программ, учебников, уроков, творческий подъем в учительских коллективах не обеспечат то духовное восхождение, которое, на мой взгляд, началось сейчас в школе, несмотря на труднейшее экономическое состояние. Но это уже отдельный разговор. Вот на такой озабоченной ноте, давайте, и закончим наши воспоминания.

— *Ваш новый «управленческий хор», думаете, возьмет эту ноту?*

— Я надеюсь. Поживем — увидим.

*Беседу вела
Татьяна ГОНЧАРОВА.*

КАКОВ ИЗ СЕБЯ ПТЕРОДАКТИЛЬ

Пожалуй, это рассказ о мечте. О мечте, которая, к счастью, становится реальностью. Есть воспитанники, есть педагогический коллектив, есть Кодекс, определяющий цель их совместной деятельности, есть общеобразовательные концепции, есть нравственная атмосфера... Все вместе это называется: муниципальная мужская гимназия. Содружество, где превыше всего ценится индивидуальность, достоинство и нравственный долг, так необходимые для становления человека.

Мы настолько любим своих детей, что на их воспитание ни у родителей, ни у школы попросту не хватает мужества. Очаровательные ленивые малыши вырастают в необразованных озлобленных подростков, неспособных не только к совершенствованию мира, но и самих себя — чувство неполноценности убивает в молодом человеке гражданина. Образовательный проект гимназии, подготовленный авторским коллективом в составе Валерия Львовича Иванова, Владимира

Алексеевича Яблокова и Владимира Ивановича Ивкова ориентирует воспитанников не на объем знаний, а на систему жизни, и эта принципиальная разница в подходах делает обучение в гимназии и более сложным, и более привлекательным.

Сначала о сложном. Ребенка приглашают думать, воспитывают у него функциональную готовность к поиску. Я сознательно оставляю это слово: функциональную, или еще жестче — на уровне инстинкта. Само понятие поиска для гимназиста

Гимназисты на перемене

Учитель математики Павел Курышев

что-то вроде программы, которую на каждом уроке он закладывает в свой мозг: я думаю, на мой взгляд, я считаю... На глазах формируется некий мыслительный «инструментарий», позволяющий первокласснику в считанные доли секунды определить в ряду 21, 44,8, 90, 16 лишнее число, а второкласснику представить собственные версии доказательства того, что земля имеет форму шара. Просыпается воображение («они думали, что можно заглянуть за небосвод, и там будет день и все будет по-другому»). Выстраивается синонимический ряд. Отрабатывается точность словоупотребления. И появляется ощущение восторга. Похоже, не только у меня. Когда обучению сопутствует удача, энергетическое поле класса искрит, подпитывает тех, кто слабее. Мастерство учителя практически незаметно. Самореализуется класс. Самопознается. Кто он такой, первоклассник Ромочка, который не успевает писать под диктовку, зато очень внятно объясняет мне, каков собой птеродактиль? Ребенок, подготовленный к общению, возьмет от этого общения гораздо больше, чем тот, которого будут просто учить...

Теперь о привлекательном.

Учителя в гимназии не наказывают детей. Самому неугомонному могут сказать: «осторожнее, не упали». Но и только. Могут «не заметить» самого нетерпеливого. Самому невнимательному заглянуть в глаза: «неужели мы с тобой раздружимся?». Остальное — прерогатива администрации. Она действует в соответствии с Кодексом. И это честный уговор — Кодекс не делит гимназистов на хулиганов и любимчиков.

Этот документ — Кодекс — в историю народного образования Костромы наверняка вой-

дет как своеобразный литературный памятник, насколько он оригинален по сути и по форме, созвучен времени. В нем есть введение, основные правила для участников всех видов деятельности в гимназии, начиная от самих гимназистов, педагогов, родителей и кончая посетителями. Мной, например. Теперь я тоже участник гимназической деятельности, и в своей журналистской работе намерена руководствоваться интересами дела образования и воспитания гимназистов. Как человек в свое время много писавший о школе, я вполне могу утверждать, что принципы гимназического Кодекса несколько отличаются от школьных. Там — хорошие отметки, здесь — совершенство характера. Там — уважение к учителю, здесь — еще и уважение к чувствам других. «Очень важно воспитать в ребенке чувство нравственного долга. Нравственный долг — это правило, но правило чисто внутреннее, понимаемое рассудком и признаваемое совестью. Это правило, от которого никто не может нас освободить. Нарушить свой нравственный долг безнаказанно невозможно, так как наказание за нарушение нравственно-

На спортивных занятиях

го долга всецело зависит от самого строгого и неумолимого судьбы — нашей собственной совести. Тот, кто поступает против совести, теряет право называться честным человеком, а вместе с тем и уважение всех честных людей». Такова стилистика Кодекса, нравственные принципы Основных правил, которые являются основой всей гимназической деятельности. Здесь все расписано. И если участник подписал лист согласия с Кодексом, значит он живет под его правым судом и его защитой. Слава Богу, хоть в гимназии нам удалось создать «правовое государство»! Дожить бы до той поры, когда чувства долга и справедливости сегодняшние гимназисты сумеют применить во благо Отечества, любовь к которому все подписавшие Кодекс обязуются воспитывать в детях всеми доступными им способами. И прежде всего личным примером.

Если пойти традиционным путем, то о каждом учителе

гимназии можно рассказать немало — здесь работают люди «с судьбой». Когда-то заведующий горно, Валерий Львович Иванов теперь возглавляет гимназию. Свой опыт — и жизненный, и педагогический принес сюда Владимир Иванович Ивков, выросший без родителей и потому, наверное, так тонко чувствующий добро. «Костромские ведомости» рассказали о Павле Александровиче Курышеве. А о Владимире Алексеевиче Яблокове слышала много хорошего от его учеников и однокашников по институту... Но сегодня и тот, и другой, и третий говорят, что в работе, на которую они не надышатся вот уже третий год, самое главное — ансамблевость. Механизм, хоть по сути своей и не нов, собран из новых «деталей» и новыми «мастеровыми». Нужно время, чтобы семья осознала, что гимназист отличается от школьника, гимназия от школы, Кодекс от правил поведения — процесс нравственной переориентации не может быть навязан извне.

Шесть классов, около 80 мальчиков вместе со своими наставниками находятся сегодня у истоков возрождения гимназических традиций обучения и общения с людьми. «Гимназист учится для того, чтобы знать об окружающем мире, обществе и о себе как можно больше; знать как можно больше для того, чтобы достойно жить в обществе, для благополучия своей семьи и процветания Отечества». Поздно же мы вспомнили, что там, где нет воспитания, нет общества!

Сегодня в этом убедиться нетрудно, достаточно взглянуть вокруг. Труднее поверить в возможность преодоления собственной лени. Представить труд украшением, а нравственный долг — основой жизни. И посмотреть вдаль. Будущее награждает лишь тех, кто умеет раздвигать горизонты.

Фото Сергея КАЛИНИНА

Имеет сообщить

СПЕШИТЕ, СОСЕДИ

Три года как в Макарьеве открыт подростковый центр, где ребята из малообеспеченных семей имеют возможность подработать, получив при этом навыки рабочих профессий. Вот и в этом году для дошкольных учреждений в городе они построили три детских игровых площадки, а на лесозащитке в Выгорской неполной средней школе — две классные комнаты. Макарьевские девчонки по договорам центра и заказам, собранным здесь, вяжут детскую одежду. Спрос на их

изделия есть уже и в соседних районах. Спешите, соседи, заказать своим малышам рождественские вязанные подарки. Телефон центра 1-59.

УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ И ДРУГИЕ

Учитель музыки Александр Алексеевич Догадаев Вешкинскую неполную среднюю школу словно расколдовал. Здесь теперь все умеют петь, танцевать и в школе, как говорят, что ни день, то праздник. Сам Александр Алексеевич владеет 18-ю музыкальными инструментами, так что его ученикам повезло. В Кадыйском районе гремят духо-

вой, балалаечный, шумовой оркестры, созданные учителем в школе, — есть возможность детям проявить природное творческое начало. Даже если вы уже выросли, вам не откажут здесь в музыкальном ликбезе. Эстетическое направление, взятое при составлении школьной программы, открыло еще один учительский талант. Анатолий Александрович Пинков, преподаватель рисования и труда, с этого года будет вести новый предмет — народные промыслы, обучая ребят резьбе по дереву, плетению из лозы и бересты.

Валерий ЧИГАРЕВ:

«Я ВРОС В ЭТУ ЗЕМЛЮ, В ЭТУ ШКОЛУ...»

С одной стороны, школа стала для Валерия Чигарева чем-то очень родным и близким еще задолго до того, как он с новеньким портфелем и букетом цветов прошагал сюда в первый раз в первый класс. Разговоры про школьные дела, про учеников, их победы и неудачи слышал Валерий дома, сколько помнит себя. Его собственная мать стала и первой его учительницей...

А с другой стороны, — и тоже с ранних лет — жила в мальчишке мечта стать военным. И закончив свою родную восьмилетку, он делал было попытку поступить в суворовское училище, да опоздал с документами. И в Шарьинское педучилище, на отделение физвоспитания, вначале он поступил с одной целью: подтянуть себя физически, опять же для будущей военной карьеры. Но уже когда приехал в военное училище сдавать вступительные экзамены, вдруг передумал, сам забрал документы — и домой.

И вот с тех пор, с 1976 года, непрерывно работает Валерий Николаевич все в той же Петропавловской родной своей школе.

— Валерий Николаевич, восемнадцать лет, а точнее, если вычесть три года службы на флоте, — пятнадцать лет все в одной и той же маленькой школе... Одни и те же стены, люди, одни и те же уроки, программы... Мы ведь

встречаемся не впервые, и я много знаю вашу деятельную, энергичную натуру. Вы не устали от такого однообразия, от какой-то монотонности?

— Насчет маленькой школы... Мне трудно сравнивать: в

же: узнаешь их уже не по одним урокам физкультуры. Так что школа не загоняет в какие-то рамки — от звонка до звонка... Наоборот, всячески вытаскивает тебя из них.

А усталость?.. Усталость ка-

кая-то есть, особенно к концу учебного года. Это естественно. Надо уставать на работе, иначе какая же это работа, если нет усталости?.. А с другой стороны, всегда ищешь что-то новенькое, и вот эти встряхивания и помогают в оседлой жизни. Так что я бы не сказал о себе, что не выдохся.

— Валерий Николаевич, бытует такое мнение, что для деревенского ребенка физкультура не так и важна. Дескать, он и без того много бегает, прыгает, рабо-

тает физически...

— Об этом и мне не раз приходилось слышать. Возможно, лет пятьдесят, даже тридцать-двадцать, я бы в чем-то и согласился с этим. Тогда, действительно, сельские ребята много работали физически: круглый год дома, а летом еще помогали и в колхозе взрослым. Но сейчас их труд никому не нужен: сегодня безработные появляются и в колхозе.

Я знаю одно: хоть городская, хоть сельская, два урока физкультуры в неделю — этого мало, чтобы научить ребенка правильно бегать, ходить. Очень многие, заканчивая школу, не уме-

Первоклассница

большой-то я не работал. А вот как раз для разнообразия такая маленькая школа много дает. За эти пятнадцать лет какие только предметы не приходилось вести. Это сейчас более-менее нормально со специалистами, а раньше... То нет учителя немецкого языка, то некому вести географию, биологию. Преподавать пришлось в разные годы все, кроме русского языка и физики. Работал воспитателем в школьном интернате, был завучем. А новый предмет — значит, приходится много сидеть, готовиться. Это подтягивает, заставляет держать себя в узде. И с ребятами становишься бли-

ют плавать. Это элементарные жизненные функции, не говоря уж о каких-то видах спорта. Многие учащиеся не окрепшими и здоровыми выходят из стен школы, а, напротив, теряют часть своего здоровья в этих стенах, особенно в таких школах, как наша — старая, ветхая, холодная. А таких школ еще много в сельской местности.

И вот придя в школу, столкнувшись с этим, много думал, как расширить рамки этих двух уроков в неделю. Секции, кружки во внеурочное время... Но мешает разбросанность деревень, в которых живут ребята.

Сейчас попробовали заняться внедрением русских народных игр. Начали с лапты. На этой игре выросло и крепло физически не одно поколение русских людей. Об этой игре А.И. Куприн, например, очень высоко отзывался. Она и выносливость, и меткость, и быстроту развивает, глазомер, ловкость, силу, прыгучесть... Воспитывает и такие моральные качества, как товарищество, чувство локтя, взаимовыручку.

А еще важно, что не требует лапта специально оборудованных площадок, сложного инвентаря. К тому же очень азартная игра.

— *И высший-то смысл в том, чтобы не только на уроках ребята играли, а чтобы лапта вошла в их жизнь?*

— Да. И я сам даже не ожидал вначале такого результата. Проходишь по нашим деревням — и в каждой, где есть хотя бы немного учеников, видишь лапту. Мне уже и не надо учить маленьких, их учат лапте старшие. С детского возраста ребята уже бьют по мячу, бегают...

Так же и городки прижились. И теперь у меня такая мечта есть: записать и сделать сборник, в котором были бы описаны все те разнообразные игры, в какие играли наши деды и прадеды. И постепенно разучивать их с детьми. Ведь кроме лапты и городков их столько было!

— *Я знаю, что вы в Костроме прошлым летом и учителей физкультуры лапте обучали...*

— Вышло так, что в програм-

ме курсов в институте усовершенствования учителей была эта тема, но специалистов в Костроме по русской лапте не нашлось. Организаторы курсов, знакомя с программой, с сожалением об этом сказали. И вот тут я предложил свои услуги. Кстати, хоть и долго пришлось объяснять правила игры, в лапту преподаватели физкультуры играли с большим азартом. И такой был момент интересный. В перемену в спортзал 20-й школы, где проходили эти занятия с учителями области, заглянули школьники. И слышу потом: «Во, смотри, в бейсбол играют...» Это меня огорчило: американскую культуру мы сейчас, наверное, лучше знаем, чем свою, родную...

— *Валерий Николаевич, лет восемь назад, когда я впервые побывал в вашей школе, вы начинали создавать краеведческий музей. Помню, как радовались вы в тот день буденовке, которую разыскали ваши ученики у кого-то из старожил и принесли в школу. Но возникло тогда у меня и такое опасение: как приходилось наблюдать в некоторых школах, натащат ребята экспонатов для такого музея, сделают экспозицию — и все, работа исследовательская, поиск на этом иссякнут. А у вас, смотрю, интерес не пропал и спустя столько лет...*

— Я и раньше любил книги по истории читать, любил рассказы стариков слушать о прошлой жизни. А тут пришлось вести уроки истории, а затем столетний юбилей школы, который отмечали в 1986 году. Тогда всерьез и задумался вот над чем. Мы изучаем историю СССР (это тогда, а теперь — России), историю зарубежных стран, знаем всякие революции и свои, и французские, и английские, и нидерландские, и прочие. А вот что в нашем-то крае происходило — этого ведь не только дети, из взрослых-то мало кто знает. Мы в школьном музее работаем в разных на-

Трудный разговор

Сено — солома

правлениях: история школы, история сел и деревень (не всего нынешнего Павинского района, а именно нашей округи — Петропавловского сельсовета), крестьянский быт...

Действительно, сбор материалов, экспонатов будущего музея — наиболее интересный этап. А вот когда нужно это обрабатывать, оформлять экспозицию — ребятам становится уже не так интересно. И у нас такой кризисный период был, поприухли маленько. Но это затишье прошло. Все время ищем новое в работе нашего музея. Вот, например, ткацкий стан у нас — экспонат действующий. Девочки учатся на нем ткать, а учат их этому ремеслу бабушки, которые помогли стан собрать, снарядить.

Мы не просто собрали изделия из бересты и подробно записали, что это такое, как называется, для чего использовалось. На уроках труда мальчики попробовали сами плести туеса. Не скажу, что всем это нравится, но главное — они теперь хоть чуть-чуть знают, как береста снимается с дерева, как обрабатывается, прежде чем в дело идти, как само плетение производится. А ведь даже взрослые очень немногие теперь имеют об этом представление. Мало мастеров осталось, так хоть ка-

кие-то знания об этих ремеслах важно сохранить...

— *Любовь к краеведению в ваших учениках, очевидно, подогревают и походы по родному краю, в которые вы так любите водить ребят. Вот в вашей районной газете я прочитал, что нынче вам удалось даже в Смоленск съездить, по местам боев пройти с ребятами. Вообще-то учителей, которые любят учеников своих в походы водить, нынче не так много.*

— А мне кажется, особенно много таких педагогов никогда не было. Во-первых, ответственность большая. Во-вторых, в походе находишься постоянно с ними, все 24 часа в сутки, — это тяжело. Ну, а теперь еще и с финансами трудно. Хорошо, мы вовремя успели обзавестись всем туристским снаряжением и теперь не страдаем. У нас есть с чем идти: палатки, рюкзаки, спальные мешки, коврики, костюмы, веревки... И средствами нам помогают, потому что мы давно и всерьез занимаемся туризмом. Например, для того, чтобы наша небольшая группа смогла в Смоленскую область отправиться, нужна была заинтересованная поддержка и внимание вообще к молодежным проблемам Николая Анатольевича Боброва, главы администрации Павинского района.

По местам боев Ярославской стрелковой дивизии отправились мы вместе с ребятами из 40-й школы Волгореченска. Они давно уже совершают такие походы, и нам хотелось, во-первых, поучиться у них, а во-вторых, привезти экспонаты для выставки, которую мы думаем организовать в нашем музее к 50-летию Победы.

Участие в этой экспедиции произвело на всех нас сильное впечатление. Одно дело в книгах читать, другое — на месте, своими глазами убедиться, какой ценой одержана победа, сколько еще погибших наших солдат лежат непогребенными. И сколько смертоносных следов минувшей войны хранит еще здесь земля. Поразило и равнодушие к памяти незахороненных солдат...

В поход ведь нужно вести с какой-то целью. Спортивная или краеведческая, но хорошая цель должна быть. Просто пойти куда-то, поставить палатки, пообедать, переночевать, вернуться через сутки-двой обратно — это я походом не считаю. Наши места не раз меняли свою административно-территориальную принадлежность — поэтому сведения об истории края, его уроженцах приходится добывать и в Вохомском музее, и в Никольском музее и архиве, и в архиве Великого Устюга, а по последнему пятидесятилетию — в Костроме. Вообще я считаю, что походы заменяют для педагога те пуды соли, которые нужно съесть, чтобы хорошо узнать своих учеников.

Что меня радует — сейчас в школе сложился хороший коллектив, много молодых и задорных учителей. Среди них появилось много и любителей туризма. Постоянно стала ходить в походы историк Галина Алексеевна Пашкина, учитель труда Александр Николаевич Оленев, биолог Валентина Петровна Косарева. Сейчас уже многие классные руководители могут

самостоятельно провести туристический поход — однодневный и даже с ночевками.

— Валерий Николаевич, у вас не только здесь, в Петропавловском высокий авторитет. В Павине мне не раз говорили, что делалось за эти годы вам немало заманчивых предложений. Но вас здесь — то, в вашей маленькой школе, что держит?

— Да, предложений было много, даже чересчур — и здесь, и когда заканчивал заочно Кировский пединститут, предлагали аспирантуру... А почему даже мысли не было куда-то сорваться?.. Я, пожалуй, не смогу это объяснить. Я врос в эту землю и в эту школу. Так крепко обосновался, что чувствую себя здесь уверенно. И, может, не хочется терять этой уверенности.

А с другой стороны, родина есть родина. Здесь родители, которым уже требуется помощь. Ведь раньше забота о родителях была непосредственной обязанностью их детей, в частности, сыновей. А вот сейчас и это почти утрачено. Очень много брошенных стариков-одиночек, хотя есть у них где-то в городах и дети... Вот, наверное, все это вместе и держит меня. А может, еще и то, что очень мечтаю поработать в новой школе, которая строится в селе, в новом спортзале. Хочется создать тренажерный класс и сделать бассейн. Любого типа. Но все равно это необходимо, чтобы каждый ребенок научился плавать...

Планов много, вот только бы времени в сутках побольше. И только бы у меня не пропал интерес к общению с ребятами. А без него делать в школе нечего. Можно даже очень хорошо провести урок, но просто отработать на нем — и ученики сразу это почувствуют и выразят свое отношение к такому учителю.

Беседовал Владимир СМОРЧКОВ

Павинский р-н

Фото Сергея КАЛИНИНА

ИЗ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

Во дворе стоят кусты с опавшими листьями.

Сейчас не увидишь пышные грузди сирени.

Посмотришь на небо и увидишь, что голубое небо, которое было летом, редет.

Промокшие до нитки, воробышки ждали солнца.

Шпион наклеил бакенбарды и перешел границу.

После того, как Иван возвратился в родную деревню, он далеко пустил корни в землю.

Вот и лес. Бабушка первая заводила коров в лес. Я осталась последняя.

Ведь я пионерка. А пионеры не врут, не плачут, если больно не стукнут.

Мне пока удалось краешком прикоснуться к творчеству А.С. Пушкина.

Два мастера сделали два плуга. Один сразу стал работать, а другой завалился и от лени заржавел. А первый стал блестять от работы.

Имеет сообщить

КАНИКУЛЫ УЧИТЕЛЯ

Зимние каникулы для учителя в Кадые настоящий праздник, но по другой причине, чем для детей. В это время здесь проходит традиционный конкурс педагогических идей, в которых принимают участие творческие делегации всех школ района. Что здесь можно увидеть? Нестандартные уроки в форме занимательного путешествия, игры, коллективное творческое дело учителей, родителей и детей, новый тип педсовета и многое другое.

САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ

Маленький Илья Апекишев — самый знаменитый в Маркареве человек. Природа обделила его зрением, но дала необыкновенный музыкальный талант. Баян Ильи Апекишева покорила год назад участников международного конкурса в Москве, где он впервые стал призером. А в этом году он уже дважды представлял русский баян зарубежом — на международных конкурсах в Праге, и совсем недавно в Англии. Желающих стать спонсорами юного слепнувшего музыканта просим позвонить по телефону редакции 57-67-38.

«ИЩИТЕ В СЕБЕ ЧУДО»

Учительница воскресной школы при Костромском духовном училище Ольга Вячеславовна Несмелова вот уже три года преподает Ветхий и Новый заветы, Закон Божий самым маленьким детям. исполнилось малышу 5 лет и папа с мамой уже могут обратиться к матушке Ольге за духовной помощью.

Пока родители ждут детей с воскресной беседы, у них тоже есть занятие — специальный курс для взрослых. Об особенностях духовного воспитания детей и их родителей и расскажет нам сегодня Ольга Вячеславовна Несмелова.

— Матушка Ольга, прокомментируйте, пожалуйста, одну сцену, которой я была свидетельница. Во дворе, играя, две девочки поссорились. Одна ест шоколадные конфеты, а карамельки, похуже, предлагает подружке. Та возмущается: «А еще крещеная! Такая жадина... И выскочка. Везде лишь бы первой быть, а не добрая. Кошку вон пинаешь. Я вот некрещеная, но зато никогда не жадничаю и всем с тобой делюсь и не обижаю...»

— Да, да... Понимаю, о чем Вы хотите спросить. Был такой опасный момент, к которому поначалу мы не знали, как и отнестись. В воскресную школу после объявления о наборе стала обращаться наша костромская элита, для которой это было вопросом престижа. Вот ходит ребенок в музыкальную, художественную школу, на занятия по плаванию в бассейн, в секцию дзюдо, — давайте его еще запишем и в воскресную школу. Иначе он не будет дотягивать в духовном развитии, развитии

Хор воскресной детской школы

интеллекта. То есть, к нам приводили детей из атеистических семей, в которых вокруг слова «Церковь» появился эдакий модный ореол. Изменилось время, Церковь стала открытой, доступной, за посещение ее уже не снимали с работы. И многие чисто внешне стали усваивать ее обрядовые традиции: отмечать религиозные праздники, поститься, причащаться. Считая, что это спасет их от бед и несчастий. Мамам и папам из таких семей приходилось объяснять, что если ребенка окрестили и они регулярно ходят с ним в храм, в воскресную школу — это еще вовсе не значит, что душа этого ребенка и ваша навеки останутся безгрешной. Даже если вы выучите все божественные книги наизусть, но не будете определять свою жизнь добрыми делами, добрым отношением к друзьям, родителям, чужим людям, вы не можете

считать себя посвященным в духовное знание.

— И что же, Вы отказывали таким родителям?

— Нет, конечно, мы не имеем права отказать ищущим духовного света, тем более для детей. Но приходилось многие вещи терпеливо разъяснять. Для этого и потребовалось открыть параллельно взрослую воскресную школу, где занятия ведет отец Андрей Логвинов. Родители приходят обычно такими же неразвитыми в вопросах духовной этики, как и дети. Чаще всего и атеистические представления их поверхностны и стихийны. Усваивая новые знания, они легко расстаются со старыми стереотипами, меняя их на новые, и в этой легкости есть неприятная опасность для воспитания своей души, воспитания детей. Важно, чтобы взрослые и дети не отчуждали себя от поисков истины, от сложных

вопросов бытия, человеческих взаимоотношений, веры. Обсуждали их дома с доверием и уважением друг к другу.

— Скажите, а есть разница в том, что интересует в воскресной школе детей и взрослых?

— Да, есть любопытные наблюдения. Родителей больше интересуют практические вопросы, связанные с религией, Церковью. Они живут в материальном мире, полностью погружены в его заботы и надеются от Церкви получить защиту в дни болезни и несчастий. Их интересует: что можно православному человеку, а что нельзя; что и в какой последовательности делать в храме; как исполнять те или иные обряды. Если на занятиях они читают Библию, то их интересует, насколько прочитанная история соответствует современным научным представлениям. Разумное, рациональное отношение к миру большинства из них приводит к тому, что и в религиозном знании они ищут только пользы. Например, для здоровья...

Дети же не так еще погружены в земное, они, как правило, наблюдательнее и любопытнее к вечным загадкам и тайнам мироздания. Они ищут ответа на отвлеченные вопросы: что есть зло и добро, откуда взялся на земле человек, кто управляет движением светил. Они ждут чуда. Но когда говоришь: ищите чудо прежде всего в себе, — они не сразу понимают что это значит.

— А что это значит? И чем урок духовного воспитания отличается от обычного?

— Прежде всего тем, что на ребенка смотрят как на духовное существо, имеющее бессмертную душу. Знаете, еще ни разу ни одному малышу не пришла по сердцу мысль, что он произошел от обезьяны. Дети любопытные создания, и это продвигает их скорее, чем иных взрослых к внутренним духовным открытиям, к тому, чтобы,

разгадывая тайны сотворения мира, разгадать и себя. Ребенок познает себя как бы в другом свете, открывая это, сначала пугается, но постепенно привыкает к новому состоянию. Знания, которые даются ему вместе со Священным писанием, идут не просто на уровне новой информации, фактов, а с переживанием Священного писания как своей собственной судьбы.

— Маленький ребенок, кажется какое отношение имеет он к семи смертным грехам. Это и взрослым-то трудно признать за собой...

— Да, согласна, такие уроки этики самое сложное. Легче бывает вести воскресные беседы о создании природы, сотворении мира, рассказывать историю Спасителя как историю человеческого рода. Дети с увлечением рисуют на библейские исторические темы, иллюстрируют сотворение мира от жучка до человека. Однажды мы провели такой конкурс: «Как вы представляете мир, когда не было еще светил» или другой — «Да будет свет!». Сколько фантазии, таланта и какой-то удивительной мудрости было в этих детских рисунках!

Но если вы думаете, что дети не знают, что есть грех, вы очень ошибаетесь. Когда начинаешь с ними беседовать, то видишь, что они прекрасно знают, что хорошо, а что плохо. Дала такое задание — выписать в тетрадку известные им грехи. Дети называли до 16 плохих поступков, которых нельзя совершать в жизни. Что дети считают грехом? Злиться, драться, брать чужие вещи, убивать... И вдруг вопрос: «А муху можно убить?..»

После таких разговоров, когда дети уходят домой, в школу, в детский сад, — им труднее живется, возникает естественное противоречие со средой, где не задают таких вопросов. И главное, детям без поддержки со стороны бывает трудно признать необходимость измениться, критически оценить свой опыт, попытаться стать лучше. Да, они получают моральные знания, как надо жить, но им еще трудно быть не понятыми средой. И все же есть дети, которым нравится, что они особенные, воскресные беседы помогают им не бояться быть хорошими, не быть «как все». И у них исчезает страдание по поводу того, что они не поняты средой. Как же важно бывает, чтобы в этой духовной работе

Молебен, посвященный началу учебного года в городской классической гимназии

ребенок не остался один, чтобы семья проделала тоже такой путь вместе с ним и была просвещенной в вопросах духовных.

— *Есть ли какая-то особая от светской школы методика на ваших уроках?*

— Мне трудно об этом судить. Мы стараемся сделать уроки эмоциональными, в форме живой беседы, разговора с детьми. Учим много наизусть доступных детям молитв, много рисуем, поем, рассуждаем. Домашних заданий не бывает, кроме, может быть, рисования. Дети очень любят рисовать ангелов, Богородицу. Мы пытаемся развить их чувство, а не рассудок. И когда родители через год говорят, что их дети изменились, стали добрее, послушнее, сосредоточеннее, мы отвечаем, что это не наша заслуга, а их детей, которые смогли совершить духовную работу над собой. Побуждать к добру — для этого и существует воскресная школа. У нас есть традиция общего причастия из одной чаши...

— *Вы сказали «побуждать к добру» — знаете какой-то секрет, как это делать?*

— Понимаете, многие дети даже не подозревают, как их маленький мир связан с большим, взрослым миром. Надо им это объяснить. Вот библейское: «Если тебя бьют по правой щеке, подставь левую» — какой смысл скрыт в этой заповеди? Я спрашиваю малыша: ты знаешь, что случится, если ты дашь сдачи в драке? Тот, кому влетело, постарается выместить свое зло еще на ком-то, а тот — на другом. И так зло распространится очень широко. А если человек скроет в себе полученное зло и не обидит никого, то зло на нем как бы прервется. Он как бы подставил другую щеку — не явился распространителем зла на земле. Господь увидит, что обиженный страдает и воздаст за страдания. Вот и весь секрет.

Беседу вела Татьяна ГОНЧАРОВА.

Имеет сообщить

ПОКРОВИТЕЛЬ СТРОИТ ДОМ

Настоятель нерехтского кафедрального храма отец Андрей взял на баланс церкви разрушенное, непригодное сегодня для учебы здание Ковалевской школы, обязавшись, отремонтировав его, устроить здесь детский дом. Его содержание планируется на долевых началах с областным отделом народного образования. Детский дом рассчитан всего на 30 детей, в каждой комнате по 2 человека. Откроется домашняя церковь, где воспитание малышей в традициях православной веры может стать более последовательным, естественным и красивым. Такое сотрудничество государственных служб с церковью понятно, ведь содержание одного ребенка в интернате обходится сегодня в 200 тыс. рублей в месяц.

ПЕРВЫЙ ПРИЮТ И ШКОЛА

Выдана лицензия Богоявленско-Анастасииному монастырю на открытие при нем детского приюта. Из семнадцати первых воспитанниц 5—7 лет, сирот при живых родителях, двенадцать девочек после «испытательного срока» в два месяца дали свое согласие остаться. Надо сказать, принцип строго добровольного начала здесь свято бережется. Переведены дети под монашеский кров из Нейской школы-интернат, где сегодня не хватает мест.

В этом учебном году открыта первая в области церковно-приходская школа. Село Горелец Парфеньевского района давно было бы нежилым, если бы сюда на жительство после окончания МГУ и духовного училища не приехала семья священника. Семья эта и стала организатором новой школы, а дети священника ее первыми учениками.

ХОРОШИЕ ЛЮДИ ИЗ АМЕРИКИ

20 костромских малышей, от которых отказались родители по причине неизлечимости их врожденных заболеваний, усыновлены новыми папами и мамами из Америки. Кто они, эти хорошие люди? Бывший полицейский на пенсии, медработник, кондитер, инженер по наладке компьютеров, профессор университета в штате Оризон. Недавно в этих семьях побывал наш посланец, Валентин Вячеславович Сенкин, директор Нерехтской вспомогательной школы-интернат для детей с дефектами умственного развития. Он посетил каждую американскую семью, где живут теперь его бывшие питомцы и приехал пораженный. Сенкин не узнал прежних детей, которые за полгода изучили английский язык и свободно общались со своими новыми родителями. Для малышей, их здоровья созданы все условия, о чем можно было только мечтать раньше.

СВОЯ ВЫХОДКА, СВОЯ ДРОБЬ

Какое красивое и точное имя выбрали своему ансамблю супруги Дворецкие! «Светлица» — и впрямь она светлая, никакими сценическими штампами не замутненная. Она — звонкая и свободная, сродни роднику, который, несмотря ни на что, вырвался из толщи земли на волю...

Эту «Светлицу» из вохомского села Согра впервые увидел я и услышал в Шарье. На сцене Дома культуры железнодорожников проходил зональный смотр «Сказы лесного края». За час до начала концерта из столицы приехала группа Российского телевидения и — с места в карьер — на этом концерте начала съемки для своей фольклорной программы. Даже бегло с программой предстоящего концерта телевизионщики познаться не успели, но оператор «Светлицу» сразу выделил и пленки на нее не жалел. Он ходил прямо среди хоровода, то вытягиваясь как журавль, снимал сверху, то наклонялся, приседал на корточки, чтобы поймать крупным планом детские лица. Я вначале переживал: ну, думаю, смутятся эти девочки, собьются. А они — словно и не было затесавшегося в их круг телеоператора, — спокойно и уверенно довели до конца сложнейший рисунок «восьмерки», да еще с пением. И было такое редкое нынче и драгоценное в фольклоре ощущение, что поют и пляшут юные артисты сами для себя, просто живут в этих песнях, этих танцах — и никакого дела им нет ни до камеры, ни до большого зала ДКЖ, заполненного зрителями.

Такое естественное и свободное вживание в фольклорный материал даже для маститого взрослого коллектива редкая удача, а тут — совсем маленькие девочки из затерявшегося среди северных угоров села. Впрочем, а может, как раз поэтому так понятны им и близки исконные песни и танцы родной своей стороны...

Узнал я тогда, что создавшие этот коллектив директор Согорского сельского Дома культуры Екатерина Дворецкая и художник Василий Дворецкий по специальности — бухгалтер и киномеханик к фольклору до недавнего времени вроде и отношения не имели. Еще один вроде бы парадокс: иные профессионалы годами изучают все тонкости, упорно работают с коллективом, чтобы так вот органично зазвучала народная песня, а удается далеко не всем и не все. А после выступления «Светлицы» и музыковед и хореограф, приехавшие в качестве консультантов фольклорной программы, в один голос восхищенно воскликнули: «Да это же высший пилотаж!»

Оказывается, начиналась «Светлица» так. Дворецкие сюда, в свои родные места, вернулись в 1985 году из Вохмы. Екатерина работала в колхозной конторе, Василий — киномехаником. А старенький, неказистый клуб в Согре был к тому времени уже год как на замке. Вот и предложил супругам и там поработать — сначала на полставки. И они за эти сорок рублей и дрова сами кололи, и печки топили, и самодеятельность организовали, и мо-

лодежные вечера проводили. Вначале был взрослый коллектив. Пели обычные тогда в репертуаре любого самодеятельного ансамбля или хора песни вроде «Над колхозным над полем...» Кстати, много ездили с концертами — принимали согорцев везде хорошо. Все вроде бы складывалось удачно. Но эта работа — «как все» — не очень-то их «грела». Натура Катина во всем требовала своего стиля и отдачи по максимуму. Старинные песни они уже тогда пробовали учить с коллективом, основой которого были молодые учительницы местной восьмилетки (пока замуж не повыходили). Но не получалось: у участников явно душа не лежала к этой старине. Попытались работать со старшечками — и снова не пошло.

...Екатерина и Василий принадлежат к тому поколению, которое еще застало некоторые старинные обряды, песни, пляски родной стороны в их естественном бытовании. Помнят они, например, складчины-братчины, когда собирались, вначале какую-то жизненно важную для всей деревни проблему обсуждали, а потом начиналось угощение пивом, которое готовил по этому случаю специально выбранный пивовар. И был целый ритуал как самого приготовления пива, в который никто не вправе был вмешиваться, так и угощения им.

— А веселье начиналось обычно с беседной песни — с долгой, протяжной, — вспоминает Екатерина Петровна. — У моего

деда голос хороший был, вот его и просили: «Степан Иваныч, запевай». Особенно любили вот эту: «Кого-то нет, кого-то жаль, уезжает мой миленькой вдаль...» Мы ее сейчас с девочками пытаемся учить...

— У меня семья тоже веселая была, потому и на гармони играть выучился раньше, чем в школу пошел, — вступает в разговор Василий Сергеевич.

— Помню еще, как на сенокосе работают женщины — наши бабушки тогда относительно молодыми были, лет под шестьдесят. Сядут отдыхать, поедят и кто-нибудь скажет: «Ну-ка, давай, Ульяна, споем — веселее будет». Я и теперь эти песни как услышу, сердце просто защемит. Так что невозможно было к этим песням не вернуться... — И Катини глаза в этот момент словно бы видят и тот луг, и то, как светлеют медные от загара лица тех женщин, как песня расправляет морщины на их лицах.

Легко сказать — вернуться. Вроде бы близок локоток, а не укусишь. Кажется, недавно все

это было, а в памяти остался только общий расплывчатый образ этих песен, самый общий рисунок танцев. А кто их покажет сегодня во всех деталях? И когда Дворецкие пошли расспрашивать старожилов округи, они были щедро вознаграждены за свою любознательность и настойчивость. В Яросьятах — это деревня в двух километрах от Согры — познакомились они и подружились с Анастасией Васильевной Омелехиной.

— Дорогая наша, золотая, добрая учительница, — Катя не стесняется этих эпитетов, когда рассказывает о бабушке Насте. — Мы иногда в чем-то и помочь ей ходим, иногда просто на беседки. Она окунуться в прежнюю жизнь нам помогает. Почти все песни, которые поет ансамбль, мы от Анастасии Васильевны записали. Много пословиц, загадок, присказок, бывальщин, игр. Об этой женщине односельчане говорят: «Ой, Настя-то зарывная такая была: и в лесу, и на поле, где бы ни работала, — везде первая. И везде с песней!» Своего мужа она так

любила, говорит: «Минутки друг без друга не могли». И большая трагедия для нее была, когда проводила его на фронт, а затем похоронку получила. Тяжело переживала горе, долго после этого не пела. А потом, говорит, если бы не песни, так, наверное, и не выжить бы...

Встретились родственные души. И вот почувствовала Анастасия Васильевна: то, что впитала с молодости, что украшало и скрашивало ее жизнь, должно она передать кому-то, права не имеет унести это наследство с собой. Так что очень кстати пришли к ней эти любознательные, дотошные молодые люди. А потом еще с собой стали и детишек из ансамбля приводить. И в нынешней жизни бабушки Настя словно смысла теперь прибавилась.

— Лягу спать, а не спится, о чем не передумаешь. Вот эту песню вспомнила, вон ту. Ага, надо не забыть, когда Катя с Васей придут, рассказать...

Теперь сокровищ, записанных у Анастасии Васильевны на магнитофонные кассеты, в тет-

Поет «Светлица». Фото Александра Рябикова

ради, этим девчушкам из «Светлицы» на всю жизнь хватит. Только осваивайте. Тут и Троица со всеми ее хороводами, и свадьба, и Никольщина (был в этих краях такой обряд, в котором отпечатались следы еще языческого жертвоприношения), и много-много другого.

А в том, что не бросят ее нынешние девочки «Светлицу», Екатерина просто убеждена:

— Этим «вирусом» они уже заражены. Пожизненно обречены. Так же, как и мы с Василием. Если в чем и удалось нам себя найти — так это в фольклоре, в этом ансамбле.

А появился ансамбль три года назад. Пришел Василий Сергеевич в школу и пригласил малышек в Дом культуры на репетицию. Сначала прибежали начальные классы почти в полном составе. Но вот послушали эти ребятки старые, большинством ни разу до этого не слышанные песни...

— «Ой, нам такую не спеть!» — Катя смешно копирует их интонацию. — Пляску показала — «Ой, трудная, у меня не получится...» Одни быстро исчезли, другие... Все было. Расплачутся даже, но все равно вижу: сначала просто любопытство, желание «выступить», а потом и душой что-то начинают воспринимать.

С той первой репетиции остались семеро: близнецы Надя и Люба Мамонтовы, Аня Попова, Юля и Люба Васьковы, Света Мучкина, Таня Ивкова. Сегодня они кто в пятом, кто в шестом классе, но в ансамбле уже ветераны. Еще двое — Марина и Таня — еще первоклассницами пришли. Вот эти девять — надежная основа «Светлицы».

Согра невелика, поэтому никакого отбора, но и выбора тоже нет. Работать приходится даже с теми, у кого вроде бы и слуха нет. Конечно, чтобы и слух развить, и голоса, — а сколько еще узнать должны дети о старой

крестьянской жизни, чтобы близким и понятным стал им песенный и хореографический материал! — собирается ансамбль на репетиции часто: в учебное время — три-четыре раза в неделю, летом — каждый день. И это настолько вошло в привычку, что если репетиция по какой-либо причине отменяется, раздается вздох сожаления: «А почему? Давайте сделаем репетицию в другой день». Был такой случай. Сестры Мамонтовы, ссылаясь на то, что дома много работы, перестали было прибегать в Дом культуры. Но ровно через неделю не выдержали: «Как только время подходит идти на репетицию, мы плакать начинаем. Теперь уж не бросить...»

Что греет этих ребятшек в «Светлице»? Сами песни — такие разные и добрые, которые они успели полюбить? Домашний, очень спокойный стиль общения с ними Екатерины Петровны и Василия Сергеевича? Наверное, и то и другое. А еще, очевидно, свобода, которая заложена в самой природе фольклора, импровизация, без которой народное искусство не могло б жить. И усвоив это, Дворецкие ничуть не стремятся эти разные характеры равнять под одну гребенку. И в танце, например, в пляске у каждой своя выходка, своя дробь. Что-то показать, направить — можно, но только слегка, в зависимости от индивидуальности, от характера. Вот и получается та же «восьмера» — как букет, в котором каждый цветок неповторим и свеж по-своему.

А в планах работа над новыми танцами — «метелица», «пила». Они еще более трудны, рисунок в них еще затейливее, движения — быстрее. Но главное — в любом из этих танцев нужно «плыть» так, чтобы, как говаривали в старину, ставь масло — не сплеснет. Аня Попова мне рассказывала, как разучивая «восьмеру» несколько раз

ходили они в Ярославля к бабушке Насте, как не вдруг заработали ее похвалу...

От этой похвалы была детишкам радость не меньшая, чем от аплодисментов, которыми встречают ансамбль на каком-нибудь концерте в Боговарове, Вохме, в Костроме... А я уверен, что будут у «Светлицы» и более дальние гастроли. Вообще, у этого ансамбля будущее большое: он не гонится за эффектным чужим материалом, осваивает родное, кровное. Впитывает с благодатной поры детства, постепенно, но надежно. Хорошо владеют исполнители местным диалектом, а это всегда в фольклоре надежное основание. Ну, а самое прочное основание — это родная согорская земля, где эти песни и хороводы, пляски и частушки рождались и веками жили. А значит нужно, чтобы хоть кто-то их знал и помнил и завтра.

А как окружающие относятся к занятиям Екатерины и Василия Дворецких? Пожилых людей радует, что их песни еще нужны, они умиляются, бывает, до слез, когда выступает «Светлица». Молодые встречаются по-разному: одни с восторгом, другие с интересом, третьи с полным равнодушием. Бывает, встретив Дворецких с магнитофоном в руках, и спросит кто-то с иронией: «Ну что, опять народное, фольклор все записываете?»

— Ну что ж, вполне естественно это. Ведь помнишь же, Вася, — Катя смотрит на мужа выразительными глазами, — было время, когда заиграть в клубе на гармошке считалось просто каким-то неприличием. Вот насколько забывать свое родное незаемное стали, стесняться. Так ведь преодолели это стеснение. Теперь заволокинскую телепередачу смотрят и радуются — и стар и млад...

«ГОРАЦИЯ МЫ ЧИТАЛИ В ПОДЛИННИКЕ»

Судьба этого человека сложна и поистине удивительна. Родился в 1901 году, до революции учился в классической гимназии, после — в университете, в 30-е годы стал профессором. В круг его хороших знакомых входили ученые с мировым именем — Николай Иванович Вавилов, Александр Васильевич Чаянов, Николай Дмитриевич Кондратьев, в студентах у него была академик Татьяна Ивановна Заславская. Жил он в разных местах большой страны — на Урале и Дальнем Востоке, в Казахстане и Средней Азии, в Самаре и Саратове, десять лет был в Каменлаге и Сиблаге. Уже после реабилитации, в 60-е, приехал в Кострому, работал в сельскохозяйственном институте. Сейчас профессор Азев живет в поселке Караваево, находится на пенсии, но сельхозинституту, ныне академии, по-прежнему помогает — консультацией, советом. А личным опытом прожитой жизни может помочь каждому из нас.

— Степан Иванович, а годы учебы в гимназии Вы помните?

— Конечно, помню. Учился я в городе Ирбите Екатеринбургской губернии, который до революции славился своими ярмарками. В классической гимназии было много гуманитарных предметов — история, литература, языки. Тита Ливия, Вергилия, Горация мы в юности читали в подлиннике, на латыни. В отличие от реального училища, где обучение было более узким, специальным. Кстати, гимназисты с реалистами во

Степан Азев — гимназист

всем соперничали, они нас почему-то называли говядиной, а мы их — просто мясом. Преподаватели в гимназии были строгие, могли носом в учебник ткнуть нерадивого, но и шутили часто, делали на уроках так называемые разминки и развязки, в общем, уроки были достаточно живые. Старая классическая школа давала своим выпускникам большой диапазон знаний, поэтому мне не нравилось, когда впоследствии старую школу стали порочить, у меня даже книжка такая есть, изданная в 1969 году — «Конец старой школы». И я рад, что сейчас мы снова возвращаемся к опыту гимназий.

— А чем еще занимались гимназисты кроме учебы?

Начиная с 5-го класса мы выпускали рукописный вариант своего журнала, а с 7-го класса уже печатали его в типографии. Печатали в этих жур-

налах свои стихи, рассказы, проводили вечера, беседовали и спорили. Так что жизнь в гимназии была интересной — и учебная, и общественная. Преподаватели не только давали нам знания, но и учили поведению, обращению, хорошим манерам.

— Чехов замечал: научить нельзя — можно научиться...

— Это верно, только дело в том, у кого и чему учиться. Уверяю вас, что уровень общей культуры и грамотности поколений в первую очередь зависит от учителей. Что мы сейчас видим: депутаты Думы, государственные люди рвутся к микрофонам, хотят высказаться, но что и как они говорят...

— Да, но ведь и депутаты III Государственной думы тоже лезли к микрофонам, кричали на Столыпина, думаете, они были грамотнее нынешних?

— Думаю, что да. Они, конечно, тоже кричали, но общий уровень образованности у них был, несомненно, выше. Сейчас грамотность пущена под откос. Я недавно разговаривал с директором одной школы, так она сказала: мне подали заявление, где я насчитала 20 грубых грамматических ошибок. В старой школе такого просто быть не могло.

— Классическая гимназия вполне подготовила Вас к поступлению в университет? Или были, как сейчас, какие-то курсы, репетиторы и тому подобное?

— Знаете, мое поступление в университет пришлось на переломное время в судьбе нашей страны. А все происходило так. В 1919 году меня послали от Ирбитского уезда на губернс-

1925 г. Выпускник университета. Через 10 лет он станет профессором

кий съезд молодежи, где я выступал. Меня заметили и пригласили после съезда в губернский отдел народного образования, к Лукьяновой. А там сказали: направляем тебя в Ирбит нашим представителем по школьным делам. Уже через несколько дней я понял, что это не мое дело. Поехал назад к Лукьяновой: освободите, не справляюсь, скомпрометирую вас, учиться дальше хочу. А мне в ответ: идите, работайте и учитесь, а мы вам поможем. Через два дня я опять к ней: не по плечу работа, как может мальчишка руководить народным образованием? А мне в ответ уже строже: работайте и учитесь. Спасло меня только постановление Совнаркома о том, чтобы дать молодежи возможность учиться. После этого я поступил в университет на сельскохозяйственный факультет.

После университета меня послали в родной Ирбит заведовать сельхозтехникумом. Год я прозаведовал, сделал один выпуск и опять понял: не моя работа, надо уходить. У меня с юности такое правило: если чувствуешь, что занимаешься не своим делом, то лучше оставить его сразу.

— *И после этого Вы занялись научной работой?*

— Сначала я по объявлению стал участником Амурской экспедиции, где требовался сельхозработник, поехал в Благовещенск, потом преподавал в Иркутске, во время коллективизации попал на Среднюю Волгу, в Самару и Саратов. На первом съезде сельхозработников Средней Волги я выступил с докладом. И уже в 1932 году я приехал в Алма-Ату, где и встретился с Чаяновым, находившимся там в ссылке. Хотя мы были знакомы и раньше, когда он

еще преподавал в Тимирязевке, а я был слушателем у него в семинаре по экономике сельского хозяйства.

— *Наверное, это особая страница в вашей биографии?*

— Да, с Чаяновым мы были очень близки. Я заведовал кафедрой в сельхозинституте, а он был у меня на кафедре профессором. Крупнейший ученый — экономист, он был тесно связан с литературно-художественным миром и Алма-Аты, и Москвы, сам писал интереснейшие, но многим тогда непонятные рассказы, повести. Однажды мы были у него на именинах, в общежитии нашего института. Через день после этого в газете «Вечерняя Алма-Ата» появилась статья «Чаяновские гости». Вскоре Александр Васильевич был арестован, и мы больше никогда не виделись. Статья же «Чаяновские гости» впоследствии сыграла печальную роль в моей жизни. Когда Чаянова в начале 90-х полностью реабилитировали, то меня пригласили в Москву, на встречу по этому поводу на высшем уровне. Поехать я не смог, но послал в академию некоторые воспоминания о замечательном ученом и писателе, с которым рядом жил и работал целых два года, переписку с его женой. Затем, вот посмотрите, получил письмо от ученого секретаря ВАСХНИЛ, где меня благодарят за ценные сведения о пребывании Чаянова в Алма-Ате.

— *Есть в вашей жизни и другая, не менее яркая и трагическая страница?*

— С Николаем Ивановичем Вавиловым мы часто встречались в Москве и Саратове, где я жил уже после Алма-Аты и был деканом факультета в плановом, ныне экономическом, институте и председателем Саратовского Дома ученых. Саратов в 30-е годы являлся крупным сельскохозяйственным центром, и Вавилов туда не раз приезжал на разного рода научные кон-

ференции и совещания. Как и Чайнов, это был, конечно, очень умный, широко образованный и высокоэрудированный человек, но кроме этого в нем всегда горел какой-то внутренний свет, в нашей науке, я убежден, это самая светлая личность. Последний раз я встретился с Николаем Ивановичем в Саратовской пересыльной тюрьме зимой 1942 года. Он был в подавленном состоянии, все время сидел на нарах, опустив голову и обхватив ее руками, ни с кем не разговаривал и, запомнилось мне, напевал песню: «На рыбалке рыбаки тянут сети дураки...» Меня он, конечно, узнал, но общения, как прежде, у нас, естественно, не получилось. Очень, очень подавлен он был, да и у меня, сами понимаете, настроение было не лучшее. В тюрьме мы и расстались. У меня сохранились письма его жены Елены Вавиловой-Барулиной, она очень хотела узнать о последних днях его жизни. Он в этой пересыльной тюрьме и умер, а я пошел дальше, по этапу.

— *Как многим настоящим ученым, пришлось Вам, Степан Иванович, пройти и эту науку?*

— Пришлось, многое пришлось мне пройти и встретить на своем пути. Арестовали меня 13 ноября, сразу после праздника. Конечно, арест мой был связан с делом Чайнова, хвост за мной из Алма-Аты потянулся в Саратов. В первый же день ареста мне показали злополучную статью, о которой я уже говорил: ну как, друг Чайнова, не собираетесь к нему в гости?

В пересылке я просидел месяцев 8—9, а затем были Каменлаг и Сиблаг. В первом лагере мне повезло, заместителем начальника там был сельхозник, кандидат наук. По его указанию меня расконвоировали и назначили главным агрономом Каменлага...

— *Были еще и не главные?*

— Конечно. Лагерное хозяй-

ство было большое. Я потом еще и курсы там вел, учил на агрономов других заключенных, из других лагерей на эту учебу даже присылали. А как же. Время было трудное, военное, мы должны были сами себя продуктами обеспечивать. Надо было жить, наперекор тому, что было.

— *Жизненные ценности. Они менялись для Вас с течением времени?*

— Что-то изменилось, а что-то и нет. Например, книги, Я родился и рос в крестьянской семье, но это была культурная семья, привязанная к литературе, к истории. Любовь к книгам, к народной культуре я сохранил на всю жизнь. И сейчас читаю, каждый день. Когда меня забрали, то из дома увезли целую машину книг. Я потом, после лагеря, их искал, но бесполезно, все пропало.

— *У Вас остались хорошие воспоминания о прожитой жизни?*

— Конечно, остались. Даже о лагерях, вернее, о людях, которых я там встретил. Например, Шевченко, первого Героя Советского Союза. Или Зину Бойцову, жену первого секретаря Новосибирского крайкома партии. Она рассказывала мне, что после ареста мужа приехали за ней. А детишки кричат: ой, мамочка, опять эта машина пришла! Родовались — покататься хотелось. Так и поехали: они в детский дом, она — в лагерь. Елена Владимировна Бонч-Бруевич, дочь управляющего делами Совнаркома, соратника Ленина, ставшая членом семьи изменника Родины, была при медчасти Каменлага. Квалифицированный врач и очень культурный, воспитанный, душевный человек. Все мы в лагере находились под колпаком, нас многое угнетало и унижало, но при всем этом мы сохраняли добрые отношения и человеческое достоинство.

— *И верили, как и прежде, в высокие идеалы революции?*

— Нет, уже не верили. Думаю, даже Бонч-Бруевич, дочь революционера и крупного государственного чиновника. Но мы об этом никогда не говорили.

— *Как сложилась Ваша жизнь после заключения?*

— Освободился я «по звонку» в 1952 году, затем было еще 5 лет поражения в правах. После этого вернулся в Саратов, некоторые воспоминания о предлагерной жизни там были неприятны, но нужно было работать. Когда началась целинная эпопея, то секретарем Целиноградского обкома оказался Ливенцов, мой ученик, он рекомендовал меня Бараеву, директору института зернового хозяйства, что был в городе Шартанды. Я прошел туда по конкурсу, стал в этом институте заведовать отделом экономики и вел там курсы подготовки директоров целинных совхозов. В общем, во второй раз попал в Казахстан.

— *А в Костроме Вы как оказались?*

— Тут опять знакомство помогло. У Золина, директора опытного хозяйства при институте, был знакомый — Флорентьев, секретарь Костромского обкома. Тогда в Костромском сельхозинституте была вакантной должность зав. кафедрой экономики, вот и вспомнили они в разговоре обо мне, старом профессоре. Из Костромы мне пришло приглашение, я согласился и вот уже 27 лет живу и работаю здесь.

— *Вы преподавали в разных вузах и в разные времена. Как изменились студенты за последние, скажем, 60 лет?*

— Раньше студенты были более прилежны и желание учиться было большим. В 40-е годы в Саратове у меня были очень интересные студенты, ставшие потом знаменитыми людьми. Как сейчас помню Таню Заславскую, сидела на первой парте, умная была, непоседливая. Руководила кружком и все вре-

мя тащила меня прямо за рукав выступать на нём. Я уже тогда чувствовал: пойдет далеко. Кончила Саратовский экономический, защитила диссертацию в Москве, стала академиком. Здесь, в Караваяе, у меня тоже были интересные студенты, однако в такие большие люди пока не вышел никто. А вообще, костромская земля дала миру много великих ученых, одно имя Николая Дмитриевича Кондратьева чего стоит.

— Вы ведь с ним тоже были знакомы?

— Был, но не так близко, как с Чаяновым и Вавиловым, встречались по научной работе, не раз я писал о нем. Кондратьев окончил классическую гимназию в Костроме в 1911 году, работал в Костромском научно-техническом обществе, а затем стал известен и признан во всем мире.

— Кроме нашей страны. Так ведь, Степан Иванович? И сейчас, при нашем рынке, экономические учения и его, и Чаянова не очень-то приживаются?

— Сейчас к ним начинают обращаться. Вот был у нас в институте семинар, приезжали немцы, они постоянно ссылались на Чаянова.

— Так то немцы. Кстати, а как Вы оцениваете наших современных экономистов?

— Конечно, таких светочей экономической мысли как Кондратьев и Чаянов сейчас нет, но самостоятельны и последовательны академики Абалкин и Петраков, им, правда, не дали возможностей себя проявить. В кругах, определяющих экономическое развитие страны, все время происходят какие-то драки, нет цивилизованного, культурного спора, а это — опять от недостатка просвещения и воспитания.

— И от того, наверное, что экономика у нас по-прежнему не свободна от политики?

— Да, к сожалению. Идеология и наука вообще трудно со-

вместимы. Но в нашей стране так получилось, что разорвать их очень трудно. Такой исторический парадокс. Вот говорят: навести порядок. Но мы ведь хорошо умеем наводить порядки административным путем, а тут нужен путь экономический.

— Степан Иванович, направление Вашей научной деятель-

ности — организация сельхозпредприятий. Так какие предприятия в сельском хозяйстве нам сегодня нужны?

— Я считаю, что фермерские хозяйства, объединенные в ассоциации. Чтобы люди знали, что они хозяева на земле и в то же время — не одиноки. Это, кстати, тоже есть тот экономи-

1994 г. Осень в Караваяе

ческий путь, о котором мы говорили. Путь от неустойчивого настоящего к стабильному будущему, с нормальными рыночными отношениями, устойчивой ценовой структурой...

— *Вы верите в то, что нас ждет такое будущее?*

— Да, я в это верю...

Память у нашего собеседника, можно сказать, исключительная. Хорошо помнит имена — и гимназистов, и преподавателей гимназии. С особой теплотой отзывается о директоре гимназии Константине Александровиче Белавине и священнике о. Александре Кучерове, преподавателях университета, профессорах Владимире Николаевиче Варгине и Александре Александровиче Рихтере. С интересом рассказывает о том, как ставили они в гимназии знаменитую в то время пьесу об Иванове Павле, а в университете пели старый студенческий гимн: будем веселы, пока молоды... На столе у Степана Ивановича — газеты, журналы, книги. Кстати, сам он автор более 120 научных работ, большинство из которых печатались в центральных изданиях. Особой стопкой лежат письма и телеграммы — от учеников, которые сегодня сами стали профессорами. Жаль только, что нет здесь переписки с Чайновым и Вавиловым, книг с их автографами, бесценных фотографий. Все было изъято при обыске и аресте, а затем уничтожено. Он пережил это время, когда уничтожить можно было все. Кроме человеческой памяти...

*В гостях у С.И. Азева были
Николай МУРЕНИН и
Сергей КАЛИНИН (фото)*

Надеемся, что наша встреча с профессором Азевым не последняя, и читатели «Губернского дома» еще познакомятся с воспоминаниями Степана Ивановича о великих русских ученых — Николае Вавилове и Александре Чайнове.

Имеет сообщить

СПАСТИ РОДНИЧОК

Историю семьи Марии Николаевны Ильинской, заслуженного учителя школы России, как это часто бывает в учительских семьях, без этой школы не расскажешь. В Носковской неполной средней, куда 20 лет назад после костромского пединститута приехали молодые Ильинские, она — химик-биолог, он — физик, эти двое изменили все. Сухие, кажется, точные предметы, и сколько поэзии, любви к природе, уважения к ее тайнам и загадкам усвоили дети на их уроках. Не первый год вместе с учениками собирает Мария Ильинская (давно уже директор школы) историю пыщугских родничков. Только в прошлом году они разыскали 13 родничков, облагородили их среду, практически спасли их. А сколько добрых праздников прозвучат и птиц; сколько встреч и открытий в походах и на экскурсиях повезло увидеть ее ребятам. И вот еще что: в школе осталась работать дочь ее и зять, увлеченные фольклором края. Она — преподаватель музыки, он — физкультуры. Фольклорный детский и учительский коллективы всегда занимают призовые места на районных смотрах.

МАНТИЯ ДЛЯ РЕКТОРА

Костромской педагогический институт отметил в этом году свое 45-летие. Основанный на базе учительского института, он многие годы был, как говорили тогда, кузницей педагогических кадров для Костромской области. В этом году институт стал педагогическим университетом, с облачением ректора в мантию и вручением деканам факультетских штандартов, однако в будущем должен еще раз изменить свой статус и стать государственным университетом образования и культуры. Концепция создания и развития такого рода учебного заведения ректором института и его заместителями разработана и уже одобрена коллегией Министерства образования Российской Федерации. Когда в федеральном бюджете под осуществление этой концепции будут найдены средства, то в новое качество перейдет не только сам университет, но изменится в лучшую сторону и вся система образования и культуры в Костромской губернии.

ЦАРЕВНЫ ВАЛИ ТОЛУБАЕВОЙ

В каждом городе в рождественскую ночь бродят от дома к дому волшебные сказки. Одному приснится, другому пригрезится, а третий, неусыпный, глядит-глядит на догорающий уголь в печи, да и сочинит из цветных лоскутков старых сказок — новую.

Так и с Валею было, Валею Толубаевой, что живет в нашем городе мастеров. Только пользуется она обычно газовой плитой для своих сказок.

Однажды как-то под Рождес-

тво четыре года назад замесила она на воде тесто, круто посолила (еще один секрет был, да это не скажем) и... лепить начала. А потом раз-два и вдуховку, на обычный противень. Минут 30 на слабом огне подержала его, слышит дух пошел, выключила и дала подсохнуть. Открыла, и в кухню из печи-то целое заячье стадо выскочило. Один заяц на другого не похож, хоть у каждого четыре ноги, два уха и один хвост. Забавные создания. Жили у нее зайцы два дня и две ночи, а потом разбежались — по ее друзьям и подругам с добрыми новогодними пожеланиями. Год-то заяц был.

Так увлекло Валею это приключение, что и на следующее Рождество закипела на плите волшебная кастрюля, а в ней заготовки из пластика. Год Тигра, год Быка, а потом и целый рой сказочных героев с этой кастрюли пошел.

А вот как наступил четвертый год — понадобилась не только кастрюля и печь для того, чтобы

сказка родилась, а все Валины таланты. Пригодилось то, что по профессии она хореограф и превыше всего в предмете для нее пластика и выразительность. И то, что для детей, что учатся у нее танцу, сама костюмы сочиняет и шьет. И то, что в театре когда-то работала и научилась чувствовать сценическое пространство. А еще пригодилось давнее увлечение старинным русским костюмом — и костромским, и орловским, и воронежским, и тамбовским...

Так что же это за сказка рождается теперь в Валиных руках, когда в доме спят мужчины — муж и сын. Когда часы вспоминают, что был когда-то у них маятник, и что кукушка кукува-

ла наверху двенадцать раз — и было полночь...

Валина полночь сегодня рождает прекрасных кукол-царевен. Блестящий парчовый лоскуток, бисер, лента, обрывок кружева и гляди ты, — царская одежда из времен, когда женственно и величественно несла голову русская красавица. Валя старается передать исторически достоверный женский костюм. С его символикой охраняющих оберегов: серег, браслетов, вышивок, косников, бус. Но что самое удивительное: ее царевны, боярышни, купеческие дочки («Аленький цветочек») и даже одинокий в этом женском обществе гусар в зеленом мундире — совсем не выглядят обычными ряжеными куклами. В них хочется не только играть, но и рассматривать их как картину. Они и есть картины в раме. А еще хочется слушать сказки, которые куклы нашептывают друг другу, стоит только посторонним зрителям отвернуться. Вон зеленый гусар что-то свое придумал...

«Собрались у зеркала десять красавиц и одна Баба Яга.

— Как я красива, — молвила первая. Батюшка купил мне новое ожерелье из самоцветов — теперь я еще краше.

— Как я пригожа в этом платке, — вторит ей другая.

— Как я добра, — говорит третья, — с аленьким цветочком в руке.

— Как я терпелива, — вздыхает четвертая.

— Как я умна да мудра, — сказала пятая.

— Как я сильна, — воскликнула шестая, подбоченясь.

— Как я хозяйственна, — заявила седьмая.

— Как я послушна, — прошептала восьмая.

— Как я нежна, — проворковала девятая.

— Как я весела, — засмеялась десятая.

И только одиннадцатая красавица с яблоком в руках молчала.

— Посмотрите на меня, — обратилась ко всем Баба Яга. Вот чем кончится ваша похвальба. Так не лучше ли помолчать, как «спящая красавица».

Тут гусар рассмеялся:

— Ясно дело, в жены лучше брать молчаливых. Хотя бы до старости спокойн».

— Как это получается, Валя? Вы слышите, что они говорят?

— Слышать-слышу, но это не я, это они сами придумывают

свою сказку. Знаете, что определяет характер каждой куклы?

— Нет. Секрет какой-то?

— Губы. Стоит начать их лепить и рисовать, как сразу проступает характер, и начинаешь слышать, откуда моя красавица идет и что желает, сколько ей лет и чья она дочь.

— Но все они на кого-то похожи, Валя.

— Может быть, на моих друзей, кого я люблю...

И еще над ворохом цветных блестящих лоскутков мы болтаем о жизни, где не у всех есть красивые говорящие куклы. Что есть дети, которые с радостью играют в импортных чудовищ и стандартных, как у всех, Барби. А трогательное, доброе, жалостное, как говорили раньше, все меньше и меньше бережется, хранится, передается по наследству...

Валины сказочные царевны — сопротивление стандарту, которым населяется сегодня детский мир.

— Знаете, самое сказочное пространство на земле это то, где занимаешься тем, что любишь и любишь то, чем занимаешься... — скажет на прощанье Валя.

Татьяна ГОНЧАРОВА

Фото Георгия БЕЛЯКОВА

Специм звездочка

В редакции журнала «Губернский дом» открылась выставка работ Валентины Толубаевой. Царевны и боярышни ждут Вас вместе с детьми каждый день, кроме выходных, с 14.00 до 17.00 часов.

СВЯТОЧНЫЕ ИГРЫ

Святки были в деревне самой веселой порой, во время бесед парни и девушки ближе знакомились друг с другом, находили себе суженого или суженую. Не только разного рода гаданиями, песнями да танцами запомнились святки Евдокии Петровне Шаминой, 1907 года рождения, из деревни Кузнецово Красносельского района. Она помнит целые представления, в которых сама принимала участие, рядясь то в барина, то Терентием.

— Когдаходишь в дом, где беседа, конечно, Барин вперед идет, вот и говоришь: «Топ через порог, едва ноги переволок, глаза упер в потолок. Здравствуйте, народ, кто сидит разиня рот! Здравствуйте, все, кто ни есть в избе!». А потом уж Барин спрашивает:

- Афоня, поил ли коня?
- Напоил.
- А что губа суха?
- Колода высока.
- А ты бы подрубил.
- Я и так все четыре ноги подрубил.
- А на чем же я буду к обедне ездить?
- На псах, на кобелях.
- На чем?
- На воронных конях.
- Что ты, Афонь, вертишься, кривляешься?
- Красен, барин.
- А как я, красив?
- Как сука на морозе.
- Как?
- Как маковый лист в огороде.
- Афонь, а откуда ты родом?

Рис. Ольги Швейцер

— Из города Ростова, от барина толстого, Осколкин сын.
— А хлебородна ли у вас сторона?

— Хлебородна.
— А как хлебородна?
— А колос от колоса — не чуть женского голоса, а пяток от пятка — как печатная верста, а копна от копны — как отсюда до Москвы.

— А что вы из этих хлебов делаете?

— Пиво варим.
— И много пива наварили из этих хлебов?

— А сорок бочек наварили — увидали пригарину, еще сорок прибавили.

— А хмельно ли у вас пиво-то?

— Хмельно, барин. Если я тебе стакан поднесу да четвертым поленом угощу — ты и с ног свалишься.

— Ну, а чем сейчас, Афонька, ты занимаешься?

— Да чем барин... Посеял горох за новым двором, повадилась попова собака. Титевки примяла, горошек прищипала.

— Афонька, так ведь дело-то плохо?

— Да нет, барин, не очень-то плохо.

— А что, каково?

— Да я собаку убил да жене шубейку сшил.

— Афонь, дело-то хорошо.

— Да нет, барин, не очень хорошо.

— А что, каково?

— Да у меня жена-то богомольная, пошла в церковь, а поп увидал, да шубейку-то и снял.

— Афонь, дело-то плохо.

— Да нет, барин, не очень плохо.

— А что каково?

— Да я попа-то четвертым поленом угостил — он мне шубейку-то и отпустил.

А вот другая сценка — «Терентий».

— Что же ты, Матрена, к лесу не пришла? Или другого, дурища, себе нашла?

— А ты думал, Теря, краше тебя нет. Любит меня купчик, купчик — наш сосед.

— Больно расфорсилась. Иль не угодил? Я тебе и бусы и серьги подарил...

— Что форсишь ты, Теря, что ты подарил? На-ко поди, выкуси! Купчик шаль купил!

— Слушай же, Матрена, я те не прошу, я тебя и купчика плеткой угощу! Посмотрит купец — растянется, а Матрена мне достанется.

Виктор БОЧКОВ

ДОМ НАД ВОЛГОЙ

Костромская гимназия слыла одной из лучших в России. К 1840-м годам в ней подобрался превосходный коллектив учителей. Гимназические учителя вообще пользовались большим весом в городе: жалованье у них было выше, чем у губернских чиновников, на пенсию они выходили раньше, имели университетское образование. Выписывали журналы, знали со столичными профессорами, с властями держались независимо и поставили преподавание на надлежащую высоту. С 1838 года гимназию из четырехклассной преобразовали в семи-классную.

Славу любого учебного заведения составляют его ученики? За 7—8 лет после переезда на новое место из Костромской гимназии вышла целая плеяда деятелей, навсегда вписавших свое имя в анналы русской культуры? Назовем лишь немногих. Это прежде всего замечательный русский писатель А. Ф. Писемский (1821—1881 гг.). Свое пребывание в гимназии, куда его приняли сразу во второй класс в 1834 г., он описал в автобиографическом романе «Люди сороковых годов», где с симпатией нарисовал образы ряда учителей, в частности Самойловича. В 1840 г. Писемс-

кий поступил в Московский университет, после окончания которого некоторое время жил и работал в Костроме.

Чуть позднее Писемского закончил гимназию и поступил в тот же университет драматург Н.А. Чаев (1824 — 1914 гг.), автор популярных драм «Дмитрий Самозванец», «Свекровь», «Свят Фадееч» и др. После смерти Островского он заведовал репертуарной частью московских театров.

Выпускник Костромской гимназии В.Я. Стоюнин (1827 — 1888 гг.) стал одним из виднейших педагогов-демократов. Он выдвинул лозунги создания

национальной школы, значимости труда, женского образования, издал ряд учебников. Его работа «О преподавании русской литературы» оказала большое влияние на методику преподавания литературы в средней школе.

Костромским гимназистом был и писатель А.А. Потехин (1829 — 1908 гг.), поступивший позднее в Ярославский Демидовский лицей. Среди его произведений выделяются пьесы из крестьянского быта. «Суд людской — не божий», «Шуба овечья — душа человечья» и роман «Крушинский». Почти одновременно с Потехиным закон-

1-я Костромская гимназия. Начало века

чил гимназию, а потом Московский университет крупнейший русский этнограф и писатель Сергей Васильевич Максимов (1831 — 1901 гг.), избранный в 1900 г. почетным академиком. Его книга «Крылатые слова» переиздается до сих пор.

В 1829 г. родился в Костроме, а потом и учился в гимназии известный впоследствии своими трудами в области механики и математической физики М.Ф. Окатов, заслуженный профессор Петербургского университета. Несколько моложе его был другой костромич-питомец Самойловича, выдающийся русский металлург К. П. Поленов. Управляя затем Нижне-Саллинским заводом на Урале, он первым в России стал использовать для производства рельсов мягкое железо вместо сталистого, основал бессмеровскую фабрику, внедрил воздухонагревательные аппараты Каупера.

Превосходная постановка преподавания в Костромской гимназии была замечена и признана.

В 1864 г. Костромскую гим-

назию окончил В.Ф. Нагорский (1845 — 1912 гг.), виднейший ученый ветеринар, разработавший общие меры для борьбы с эпизоотией. Из его младших современников следует назвать крупного ученого-синолога, выпускника Костромской гимназии 1868 г. С.М. Георгиевского (1851 — 1893 гг.). Завершив образование на факультете восточных языков Петербургского университета, он жил в Китае, защитил диссертацию на тему «Первый период китайской истории». Ему принадлежит и другая солидная работа «Принципы жизни Китая». Увлечение Георгиевского восточными языками не было случайным. Во время его пребывания в гимназии было проведено разделение учебных заведений на классические и реальные.

С 1865 г. Костромская гимназия стала классической, упор в преподавании был сделан на языки: латинский, греческий, французский и немецкий. Тем не менее из Костромской гимназии вышли и деятели в области техники. В 1906 г. с золотой

медалью закончил гимназию Б.П. Альбицкий (1887 — 1962 гг.), один из создателей Каширской ГЭС, профессор электротехники, заслуженный деятель науки. Вместе с ним был выпущен Александр Алексеевич Полканов (1888 — 1963 гг.), впоследствии академик, лауреат Ленинской премии (1962 г.), автор снискавших всемирную известность работ по геологии и петрологии докембрия.

Предреволюционную обстановку в Костромской гимназии красочно отобразил в книге «На Нижней Дебре» также ее питомец писатель Всеволод Никинорич Иванов.

Имена, имена... И все-таки их перечень далеко не исчерпан — можно добавить и минеролога профессора М. А. Толстопятова, и художника-карикатуриста и поэта С.А. Любовникова, и изобретателя в области радио В.И. Баженова, и полярного исследователя А.Н. Жохова. Все они набирались мудрости под гостеприимным кровом старинного дома над Волгой.

Педагоги первой мужской Костромской гимназии

Всеволод ИВАНОВ:

«НАШУ ЮНОСТЬ МЫ ПРОЖИЛИ В МИРЕ»

Большой русский писатель Всеволод Никанорович Иванов (1888 — 1971) не был лично или по переписке знаком с Виктором Бочковым. Его письмо к Виктору Николаевичу было откликом на очерк о мужской гимназии «Дом над Волгой».

В этом письме нам ценны воспоминания писателя о Костромской гимназии и Костроме начала века, его попытка оценить прожитый им век и век предыдущий — XIX (Пушкинский век, как его называет В.Н. Иванов, ибо в тот последний год своей жизни писатель вновь и вновь обращался к доработке романа «Пушкин и его время», который был опубликован уже после смерти автора).

Письмо написано человеком, в жизни которого отразился весь драматизм времени, выпавшего на его долю: Всеволод Никанорович был свидетелем и участником трех революций и трех войн, он немало пострадал по свету, в Россию вернулся после 23 лет, прожитых в Китае. Написано письмо в последний год жизни писателя, который хотя по рождению костромичом не являлся, но на всю жизнь сохранил сердечную память о Костроме, где прошли его молодые годы. Об этом он рассказал и в своем романе-хронике «На Нижней Дебре», и в напечатанных уже после смерти Всеволода Никаноровича «Воспоминаниях». Как вспоминал Е.И. Осетров, навестивший Иванова в Хабаровске, первое, что бросилось ему в глаза в скромной квартире старого писателя, — костромской пейзаж с изображением Ипатьевского монастыря. Его Всеволод Никанорович сохранил во всех своих странствиях по свету, пронес через всю жизнь...

Отрывок из письма писателя воспроизводится здесь с сохранением особенностей авторской орфографии и пунктуации.

Публикация подготовлена Ларисой ВАВИЛОВОЙ.

<...>Простите, что, не зная Вашего имени-отчества, спешу принести Вам благодарность за Вашу статью «Дом над Волгой», посвященную вековой работе нашей гимназии. Статья велика, но многого стоит по ее тону, по своей доброй направленности, по своей любви к родному городу, и мне хочется даже «взволнованно с Вами поделиться»...

В одной гимназии когда-то «я безмятежно расцветал», начав с 1898 года, с подготовительного класса под руководством сурового, сигарами пропахшего седовласого А.И. Ильинского — и до июня 1906.

Эта наша школа была еще гимназией «классической» с латинским и греческим языками, и мы были последним вы-

пуском классиков. И скажу, что эти оба языка мне впоследствии пригодились, особенно латинский, открывавший облегченный доступ в языки европейские и в научную терминологию. Наша гимназия, как отлично описал ее автор статьи В.Бочков, принесла нам своей постановкой учебного и воспитательного дела много тепла, доброты, понимания жизни: мы ведь тогда так и именовались — «воспитанниками гимназии». О забываемых этих годах было много рассказано в книге моей «На Нижней Дебре», изданной в Хабаровске в 1958, а еще больше в моих «Воспоминаниях», но полностью, конечно, всего не расскажешь: — ведь прошел, обернулся над нами с тех пор почти что целый век и какой

бурный век! И все-таки не забыть такие живые, теплые и умные, добрые образы учителей наших, как Василий Григорьевич Усов, как Павел Николаевич Прокшин, как незабвенный, недавно совсем почивший восторженный историк Владимир Алексеевич Андроников, как законоучитель добрейший о. Василий Андреевич Соколов, первый, между прочим, священник на Руси, ездивший на велосипеде, такие как твердый «немец» Карл Карлович Дотцауэр, с немецкой выучкой коего я учился потом в германских университетах, как много пострадавший по свету наш «француз» Митрофан Митрофанович Синицын, как наш художник Дмитрий Николаевич Сизов, как математик и физик Васи-

лий Михайлович Александров, приоткрывший мне уже тогда тот беспредельный мир физики, который мы видим теперь развертывающимся неудержимо. И как забудешь колоритную фигуру, смахивавшую на Бетховена, нашего директора Сергея Павловича Лебедева, и все они, включая сюда и помощника классных наставников — такого как Иван Иванович Сикорский, известного как «Сигара», как наши шевронами расшитые и крестами и медалями увешанные седоусые «дядьки» из оставших унтеров и солдат — еще Севастопольцев, Балканских, Венгерских кампаний — все были яркими личностями, которых сложной судьбы коснулась «рука истории», персонами и больших и малых рангов, но все умельцами, Человеками с большой буквы.

<...>Сколько тогда мы сделали наших экскурсий по России — в Ростов Великий, в Нижний Новгород, в Казань, в Ярос-

лавль, на Кавказ, в Финляндию, экскурсии в Ипатьевский, Николо-Бабаевский монастыри, по фабрикам на Запрудне, по улицам Костромы — все это расширяло наш исторический кругозор, подымало нашу молодую национальную душу... Мы жили в этом чудесно спланированном городе, полном истории, мы были окружены архитектурными ансамблями ампира Костромы, который так прекрасно отражен в книгах Лукомского, мы плясали на балах в Дворянском собрании на Павловской, в Григоровской женской гимназии, в чудесном здании, выстроенном безвозмездно боярами Григоровыми — до сих пор я помню решетку Григоровского сада на берегу Волги — этот «узор чугунный» с ее удивительными гирляндами роз мастерского литья. В тех зданиях тогда еще на вечерах горели свечи в бронзовых «бра» — был еще живой конец века XIX. А как любили мы наш уютный

Костромской театр, куда нас, гимназистов, сажали в 4 крайние к сцене ложи 2-го яруса за 32 копейки... А катки и звон коньков и горы на Медном, на Марьинском прудах... Ярмарки: веселые как бурные народные карнавалы с цирками, каруселями, балаганами, тирами, на площади перед памятником Ивану Сусанину, работы Демут-Малиновского, первое кино в тесовых балаганах, и там же первые фонографы, где за пять копеек вам вставляли в уши резиновые трубки и вы слушали шипение валиков первого фонографа... А как ликующе Кострома восприняла первое торжество техники, когда однажды весенним вечером среди керосиновых фонарей Русиной улицы, против церкви Ильи Пророка, вспыхнул белый стеклянный электрический сияющий шар в проволочной сетке — и в нем зашипела, разбрасывая угольки, вольтова дуга — пред магазином удивительных кол-

Гимназисты пятого класса

бас братьев Головановых. И народу на этом торжестве цивилизации толпилось столько, что и пушкой не пробьешь, и лошади извозчиков ломали оглобли, опрокидывали санки.

А большие годовые праздники? Особенно — Пасха, когда все колокола 36 градокостромских церквей ликующе трезвонили целую неделю, на улицах и дворах молодежь христосовалась в засос, катала крашенные яйца, а ребята на деревянных тротуарах резались в бабки... А Рождество — «а зимних праздников блестящие тревоги». А масленица? — Карнавал не хуже Венецианского, извивающиеся тройки с колокольцами, бешеные рысаки на широченной Павловской улице, и алые, зеленые, голубые плющи ротонд и пестрота головных платков розовощеких купеческих жен и дочек. А костры, гром пушек, сожжение соломенного чучела огромной Костромы и пляски на льду Волги! И заря за Ипатием!

По существу, наше уходящее поколение — ей-богу! — счастливо — оно ведь видело колоссальный итог того, что сделано, сколочено было счастливым XIX веком. — И потому счастливым, что этот XIX век был веком мирового Мира. — Расстоптанная Наполеоном Россия в 1812 году после нашествия «12 языков» — не потребовала с Европы «реванша» — что по-русски значит «мечь», «возмездие» — а великодушно пожаловала всей Европе — Великий Мир — который длился от весны 1814 — по осень 1914. Сто лет сплошного мира! — Pax Rossica! Русский мир! <...> Это был мирный, медленно, но неуклонно прогрессирующий век — поистине Пушкинский век! Я отлично помню, как в мае в Костроме в 1899 году торжественно праздновалось столетие Пушкина, как Кострома была вся во флагах, иллюминирована, звонили колокола, и на Волге сгорал блестящий, красочный фейерверк.

Нашу юность мы, тепереш-

ние историки, прожили в мире, и мы хорошо помним, и понимаем, что мир, и при том устойчивый и длительный — действительно вещь замечательная!

<...> Письмо мое неожиданно разрослось, затянулось, стало «протяженно-слаженным», как тогда говорили. И в конце его не могу не поблагодарить автора статьи тов. Бочкова — за сердечно-теплую, исторически верную, скромную и точную экскурсионную заметку, оказавшуюся экскурсией в душу человеческую. Это особенно ясно понимаем мы, ныне глубокие старики, которые умели быть тогда столь же горячими и стойкими, как и теперешняя молодежь, старики, которые знают, что такое реальный мир в стране, и внутри и снаружи. У нас есть даже некоторое возможно перед молодыми современниками преимущество: мы богаты не только будущим, которое придет, но богаты и прошлым, и добрым, теплым прошлым, которое было уже реально. Мы — последыши XIX века, а XIX век — век Великого Мира и нарастающей мощной культуры, о чем блистательно свидетельствует русская литература того XIX века: — книги-то ведь куда не девались, книги «живут и дышат, как тогда». Вот почему мы, уходящие, мы «люди призывные», мы — такие оптимисты. И оптимисты потому, что у нас всех — и старых и молодых есть великие «резервы», фундаменты в дорогом прошлом. <...> Наша история — это то, что было, но что не пропало, а осталось в «резервах опыта», опыта совершенно необходимого теперь для «Капитального ремонта» — нашего мира полностью. И эти резервы заключаются в нашей реальной, т.е. сделанной, уже построенной культуре, в нашей истории.

<...> В заключение хочется напомнить то скромное, то вдохновенное слово, которое на могиле смелого мальчика Илю-

шечки Снегирева, у мощного Достоевского, в «Братьях Карамазовых» говорит Алеша другим мальчикам:

«— Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может самое лучшее воспитание и есть. Если ты много набрал таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь! И если даже и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце — то и то может послужить нам во спасение...»

А дорогая наша Кострома, а за ней и весь XIX век мира — это же и есть огромный резерв наш в будущем... Былая история наша подпирает нас, толкает двигаться вперед — только вперед!

Еще раз спасибо!

С уважением
Вс. Н. Иванов.

Хабаровск.

17 февраля 1971

Имеет сообщить

В этом году «дому над Волгой» исполнилось бы 190 лет. По этому случаю на главном корпусе технологического института, где когда-то находилась гимназия, была открыта мемориальная доска. И проходящий по Муравьевке человек сможет теперь прочитать: «В память вечную педагогам и выпускникам Костромской губернской классической гимназии (1804 — 1917 гг.), делом своим ревностно служившим России!»

«ШКОЛА — ЛУЧШИЙ ПРОВОДНИК СВЕТА...»

После проведения реформ местного самоуправления власть в России как бы разделилась на две: государственную (от императора до последнего чиновника, тихо зарабатывающего следующий чин и пенсию) и выборную, то есть органы местного самоуправления, гласные которых избирались на определенный срок.

Противоречия между представителями государственных органов управления и выборными (их называли «первым» и «вторым» элементами) были вызваны тем, что земцы были лучше осведомлены о местных нуждах и больше склонялись к поиску новых путей, позволявших решать местные проблемы без применения силы. Борьба за власть между ними велась с переменным успехом.

Однако существовал и «третий элемент» — служащие свободных профессий, которых принимали на службу органы местного самоуправления. В отличие от служащих государственных учреждений, они не искали чинов, их заработок не зависел от времени работы, в конце жизни не ждала пенсия. Чаще всего они не владели недвижимостью, потому что в те времена было принято, принимая на службу, предоставлять жильё или оплачивать наемную квартиру.

Это были лица «интеллигентных» профессий (учителя и архитекторы, инженеры и врачи, статистики и чертежники), которые в этих условиях могли уйти «хлопнув дверью», расторгнуть договор или продлить его, перейти на более выгодное место.

Будущая народная учительница.
Фото Г.П. Куракина

Очень часто ряды представителей «третьего элемента» пополнялись за счет «политически неблагонадежных», оппозиционно настроенных людей, для которых любой компромисс с властью казался безнравственным.

И все же было нечто, объединявшее все три «элемента». Это было представление о цивилизации — как о благе, о прогрессе — как необратимом пути к счастью человечества. Разногласия возникали лишь в том, каким путем распространять прогресс, нести цивилизацию по просторам Российской империи.

Все три «элемента» стремились к народному благу, совер-

шенно забыв о «четвертом элементе» — о том самом народе, который, с их точки зрения, был темен, дик, некультурен и не мог знать, в чем состоит его счастье. А потому главной задачей становилось народное просвещение, призванное внушить народу то представление о благе, которое свойственно «цивилизованному миру», то есть странам европейской культуры. Для этого нужно было, как минимум, научить его грамоте, без которой был закрыт главный путь воздействия — печатное слово. Считалось, что культура и грамотность — это одно и то же, отсутствию европеизированной культуры казалось темнотой и невежеством. Видеть в народной жизни ДРУГУЮ КУЛЬТУРУ никому не приходило в голову. Можно было изучить быт и фольклор, но только как ПЕРЕЖИТКИ, столь же любопытные, сколь и бесполезные, нечто вроде осколков посуды из археологического раскопа.

Замечательный педагог Н.Ф. Бунаков, в семидесятых годах XIX века приехавший к нам в губернию на педагогические курсы, отмечал с ужасом: «Поступающие в школу дети являются с грубыми привычками, дикими понятиями и крайне скудными знаниями, часто не знают имени отца и матери, не различают правой и левой руки, не знают числа ног у своей собаки, не умеют сосчитать пальцев на руке».¹

Но давайте посмотрим на это с точки зрения крестьянского быта: кому бы там пришлось в голову считать, сколько паль-

цев на руке и сколько ног у собаки, зачем? Зачем знать имя отца и матери деревенскому мальчишке, если просто можно сказать: «мой тятя в поле?» В этом просто не было необходимости. Зато мало ли, что этот мальчишка знал лучше, чем его учителя!

Таким образом столкнулись две культуры, два отношения к миру, к жизни, к личности, ее возможностям и потребностям. При этом одна из них, ориентированная на Европу, не могла спокойно относиться к тому, что рядом с ней существует другая, не нуждающаяся в ее услугах культура. «Темнота народная — великое зло и огромный тормоз на пути преуспевания нашего отечества. Всякий, ведущий борьбу с этим злом, и вносящий луч света в темное царство, заслуживает глубокой признательности. Школа — лучший проводник света в темную массу. К величайшему сожалению плохо понимают те, для кого строятся школы, что создающий школьное здание заслуживает искренней благодарности».²

В первое же десятилетие проведения земской реформы «шестидесятники» прошлого столетия надеялись решить проблемы народного образования одним махом: выделить сразу большую сумму, снять здания для школ, найти учителей... Но первой проблемой, которая выросла перед ними, стало нежелание крестьян идти к ним навстречу и содействовать открытию школ. Никакого стремления понять, почему складывалась такая ситуация, не возникло, существовала только уверенность, что ее надо менять.

Здесь-то и начались разногласия между государством и земством относительно методов воздействия. 15 июня 1871 года в Костромскую губернскую земскую управу поступило отношение губернского училищного совета, существовавшего при

дирекции народных училищ, то есть структуры министерской. Отношение предлагало управе обсудить вопрос «введения обязательного обучения в обществах, открывающих училища», либо, взамен этой меры, «обязать родителей, раз отдавших детей в училище, не брать их без уважительных причин до окончания курса».³

Земцы ответили отказом. Характерны аргументы: «у нас, где образование в зародыше, где прежде и больше всего нужно воспитать в народе любовь к школе и уважение к образованию, принятие всяких обязательных мер скорее может действовать вредно, нежели полезно... А потому комиссия... со своей стороны считает более полезными и достигающими цели меры противоположные, т.е. поощряющие образование и обещающие льготы грамотному населению. «Как пример упоминается проект изменения законодательства о воинской повинности, в котором были предусмотрены льготы для грамотных, и между прочим, сокращение срока действительной службы. Этот проект был при-

нят и действительно повлиял на число мальчиков, желающих учиться.

Встав на путь ненасильственного распространения образования, земство неизбежно должно было приспособить существующую систему городских школ к требованиям крестьянского обихода. Потребовалось некоторое время, чтобы путем проб и ошибок добиться этого. Оптимальной оказалась система, предложенная гласным Екатеринославского земства Н.А. Корфом, который «создал трехлетнюю начальную школу с одним учителем. Причем, учитывая, что не все крестьянские дети смогут кончить полный курс этой школы, он строил программу так, что каждый год давал ученикам определенную, завершенную сумму знаний. Начало занятий планировалось на конец сельскохозяйственных работ, а именно на октябрь месяц. Фактически учебный год сводился к шести месяцам и при всем том это был единственно возможный в тех условиях рациональный вариант сельской школы».⁴

На первых порах, когда и без

Земское училище в Чернопенье. Фото Д.Н. Пряничникова. 1910-е годы

того скудный земский бюджет был отягощен «обязательными расходами», народные школы были «бюджетным пасынком». Поэтому на первых порах земства старались поддерживать уже существующие школы — частные, церковно-приходские, лишь бы не отпускать денег на строительство новых. «Порядок возникновения земских школ после 1870 года, сохранившийся до начала настоящего столетия, можно назвать порядком частной инициативы. Помещик, священник или сельское общество заявляли земству, что предоставляют в его распоряжение помещение для школы и обязываются принять на себя расходы по отоплению, освещению и найму сторожа. Земство рассматривало заявление и почти во всех случаях открывало школы».⁵

Таким образом создание школ было поставлено в прямую зависимость от потребности в них местного населения. В 1880-х годах эти потребности стали расти так быстро, что земский бюджет стал тяготиться даже той долей расходов, которые при такой раскладке доставались на его долю, появились попытки упорядочить открытие новых училищ, впрочем, не увенчавшиеся успехом. Вопрос начал решаться благодаря субсидиям министерства народного просвещения, которые стали поступать в начале XX века. В 1908 году был утвержден закон об отпуске земствам пособий на введение всеобщего начального обучения, который двинул дело вперед с фантастической скоростью.

При первых же признаках правительственной поддержки земства стали собирать сведения о наличии детей школьного возраста (8 — 12 лет) и составлять проекты школьных сетей, в которых школы равномерно распределялись по территории уездов, оптимальным считалось, если школа удалена от села или

деревни не более, чем на 3 версты. С выходом закона о всеобщем начальном обучении был составлен «Проект нормальной школьной сети для Костромской губернии» (Кострома, 1908), который предполагалось реализовать в течении 9 — 10 лет, работа была начата, но помешала Первая мировая война.

Наладив реализацию этого грандиозного проекта, земство начинает задумываться о расширении программы начальной школы. «Нормальная сеть» предполагала строить «элементарные», то есть трехклассные училища. В 1911 году ставится вопрос о создании сети школ «повышенного типа» с четырехлетним курсом, дополнив его высшими начальными училищами. Предложение было поддержано и в 1915 г. составлен проект сети.⁶

Эти сети вырабатывались на базе подробнейших статистических обследований, с учетом предложений местной интеллигенции; таким образом был произведен опыт ПРОГНОЗИРОВАНИЯ, к которому лишь в последнее время возвращаются отечественные социологи.

Результатом усилий земства стал рост грамотности, который можно проследить по проценту грамотных призывников. В 1874 году он составлял по Костромс-

кой губернии 37,3% , что соответствовало 10-му месту в России, в 1910/11 годах этот процент вырос до 83,8%.⁷

При всей очевидности того, что вопрос народного образования еще не был решен окончательно, и оставалась масса проблем, земство продемонстрировало умение осознавать эти проблемы и решать их, учитывая местные особенности и возможности. Барон Корф писал в 1876 году: «русские общественные деятели, унаследовав пустыню, передают по наследству пустыню со многими оазисами, первая организация которых стоила огромного труда и выяснила, как действовать дальше».⁸

В первые десятилетия земской школы одним из самых уязвимых мест были школьные здания. Поскольку они предоставлялись инициаторами открытия школы, то выбирать не приходилось, особенно скупилась на поддержание зданий и отопление их крестьянские общества. Печи дымили, крыши протекали, в щели задувал ветер. В 1897 году впервые специально на строительство школьных зданий Костромское губернское земство выделяет капитал в 60 тысяч рублей.

Позже сумма увеличивалась, к новым зданиям предъявлялись определенные санитарные

Апраксинское земское училище. Фото Д.Н. Пряничникова. 1910-е годы

требования. Ко времени реализации «нормальной сети» уже существовал ряд типовых проектов школьных зданий, составленных инженером Архангельским⁹, которые предполагали одно или два классных помещений (по числу комплектов-параллелей) и квартиру для учительницы. Продуманы и рассчитаны кубатура, размеры окон, вентиляция, отопление. Многие из этих зданий сохранились и до сих пор и, более того, некоторые из них используются по первоначальному назначению.

По данным 1913 года 18% учеников жили на расстоянии 7 — 8 верст от школы, и это уже в то время, когда полным ходом шла реализация «нормальной сети». После этого легко представить себе, каково же было положение в первые годы земской реформы, особенно в малонаселенных уездах. Выход был предложен в устройстве ночлега, сначала — прямо в классах, позже — в устройстве специальных спальных помещений. Как ни сложно это было, как ни далеко от нормальных условий, ночлег сохранял силы детей, избавляя от ежедневных дальних переходов в любую погоду.

Но решение одной проблемы ставило на повестку дня другую — детей, часто на целую неделю поселяющихся в школе, надо было кормить. Да и те, кто жил недалеко, вынуждены были терпеть голод шесть и более часов. Поначалу спасал принесенный из дома кусок хлеба, но в 1910-х годах по инициативе доктора Крылова развернулось движение за введение школьного приварка, то есть горячих завтраков.

«О сколько нам открытий чудных
Готовит просвещения дух...»

Продукты частью приносились детьми из дома, частью обеспечивались за земский счет, частью жертвовались попечителями, готовили чаще всего в расположенной тут же квартире учительницы. «Получая горячую пищу вместо сухого хлеба, дети после обеда были внимательнее, за последним уроком не замечалось усталости», «кроме этого ученики стали аккуратнее посещать школу».¹⁰ Так был найден еще один способ приохотить детей к школе. Это нововведение специально обсуждалось на X съезде костромских врачей и было рекомендовано для всех школ губернии, а затем постепенно стало распространяться по уездам.

Между тем становилось очевидным, что грамотность, искусственно привнесенная в деревенскую жизнь, оставалась не-

востребованной по выходе из школы. Земских деятелей тревожило, что «результаты его (образования — Л.С.), к сожалению, часто испаряются, что иллюстрируется рецидивом безграмотности у новобранцев, и это явление есть неизбежное следствие того, что школьное обучение, как слабый росток в открытом поле, стоит совершенно одиноко, без связи с внешкольным и послешкольным образованием, и гибнет от столкновения с прозой нашей некультурной еще жизни».¹¹

Идея внешкольного образования развивалась постепенно, и зерном ее долго оставались книга и чтение. Уже первые земские школы имели небольшие библиотеки, которые, впрочем, содержали более учебники и учебные пособия, нежели беллетристику, способную приохотить детей к чтению. Позже появилась

идея передвижных школьных библиотек, которые, осев в той или иной школе, становились основой для библиотеки стационарной, которая обслуживала не только школьников, но и желающих из числа окрестных жителей.

Как и прочие мероприятия земства, училищные библиотеки были спланированы, для их снабжения книгами был создан книжный склад «Костромич». Правда, в конце 1912 — начале 1913 года было издано положение, запрещающее размещение народных библиотек при школах, и для них срочно пришлось подыскивать помещения в других местах, чаще всего — за дополнительную плату в крестьянских избах.

Для того, чтобы сформировать у крестьянина потребность в чтении, проводились публич-

ные лекции (их называли «чтениями»), которые оплачивались земством, рассматривавшим их как средство поддержания грамотности среди окончивших школьный курс. Интерес к чтениям подогревался использованием «волшебных фонарей» с туманными картинками, предшественников нынешних диапроекторов, которые вносили в просветительное мероприятие элемент зрелищности. Так, в 1894 году Костромской уездной земской управой было приобретено три «волшебных фонаря», а с устройством в Костроме народной читальни им. А.Н. Островского, она стала центром, откуда можно было заказать за умеренную плату туманные картины в любой из уездов губернии.

С началом войны 1914 года и введением «сухого закона» необходимость заполнить внезапно освободившееся свободное время подтолкнуло земства к более решительным шагам. По аналогии с «нормальной школьной сетью» было предложено устройство сети земских народных домов, послуживших прообразом нынешних клубов. Они сосредотачивали в себе «все мероприятия по внешкольному образованию (библиотека-читальня, музей, книжная торговля, пособия для лекций, чтений, выставок, занятий со взрослыми и пр.)».¹²

Основной задачей музея, упомянутого в этом ряду, было снабжение окрестных школ наглядными пособиями, однако кроме того он должен был стать центром краеведческих исследований, «с каковой целью должно быть обращено самое серьезное внимание на собиране местных коллекций этнографических, геологических, археологических и т.д.».

Наряду с этим предусматривались литературно-музыкальные вечера, театр, кинематограф... Осуществить этот земский проект помешала револю-

ция 1917 года и последовавший за ней разгон земства. Не будь этого, глядишь, и стала бы российская деревня цивилизованной?

В 1915 году, в самый канун революции, Н.Д. Кондратьев писал: «Если бы встали из могил земские деятели первых лет существования земства и посмотрели бы на современную постановку школьного дела, они, вероятно, не узнали бы и не подумали бы, что в современную большую организацию развилось незначительное семя, которое когда-то было брошено ими. До того все изменилось и выросло».¹³

В этом споре двух культур победила цивилизация.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Н. Бунаков. Отчет о занятиях учительского съезда, бывшего в г. Костроме летом 1873 года. Кострома, 1873. С. 42.

²Доклады Костромской уездной земской управы к очередной сессии уездного земского собрания 1909 года. Ч. 2. Кострома, 1909. С. 250.

³Сборник постановлений Костромского губернского земского собрания очередной сессии 1871 года. Кострома, 1872. С. 104 — 105.

⁴Н. Пирумова. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX века. М., 1986. С. 53.

⁵А. Языков. Из истории начальных земских школ в Костромском уезде. Кострома, 1913.

⁶Сеть высших начальных училищ Костромской губернии. Кострома, 1916.

⁷Указатель экспонатов статистического отдела Костромской губернской земской управы. Кострома, 1913. С. 6.

⁸Вестник Европы. 1876. Т. 6. С. 216.

⁹РГИА, ф. 733, оп. 233, д. 192.

¹⁰Врачебно-санитарный обзор Костромской губернии. Вып. X — XII. Кострома, 1914. С. 36 — 37.

¹¹Вестник Кинешемского земства. 1914. 1 января. С. 13.

¹²Журнал заседания первого частного совещания по вопросам внешкольного образования. Кострома, 1916. С. 10.

¹³Н. Кондратьев. Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромской губернии. Кинешма, 1915. С. 264.

Елизавета Дьяконова:

«ДОМОЙ, В НЕРЕХТУ!»

Из дневника гимназистки
в будущем известной писательницы

Ярославль, 19 декабря.

Скоро отпущу! Не будешь ходить в 4 часа домой по темным улицам, в грозу и ветер, в сырости и мороз. «Домой, домой!» — радостно повторяют воспитанницы, бега из класса в дортуар, из дортуара в класс. «Домой, домой!» — раздается везде, по всем углам комнат нашего огромного учебного заведения. Вот, вся сияя улыбкой, растрепанная, с передником на боку, бежит воспитанница. В руках у нее целая груда книг и тетрадок, ей нелегко бежать, но она летит стремлой, толкает подруг, вдруг наткнулась на кровать — и вся ноша рассыпалась. «Что это вы, — замечает недовольная классная дама, — бежите как полочная! Стойте, где ваши книги? Как вам не стыдно!» Но у воспитанницы ни малейшего следа стыда, напротив: лицо ее делается еще больше радостным, и она на выговор отвечает: «Как же, ведь домой, Вера Александровна!».

Вот там, у средней кровати, какая-то воспитанница. Около нее собралась целая группа: кто надевает ей платок, кто растегивает пуховицу, кто завязывает узел. Все уже собрано, она одета, укутана платком, нагиается прощаться. «Прощай, Маша, милая, напиши, когда будет время, на Рождество», «Прощай, Машка, прощай, душка, милая», — раздается криком. И все, хотя бы были самыми заклятыми врагами издевающей, снимают своей обязанностью проститься. «Ведь ты с ней в ссоре, чего же целоваться — то лезешь?» — замечают воспитанницы. «А и забываю, Бог с ней, ведь за мной сегодня, милочка, в пять часов приедут, на железную дорогу — и домой! Напишешь ли? «Еще бы не написать», — отвечает воспитанница дружке, в подтверждение своих слов крепко целая ее.

СТР. 56

НАЧАЛО РЕФОРМЫ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В начале царствования Императора Александра II, когда была поставлена на очередь коренная реформа всей вообще системы народного просвещения в России, неизбежно был выдвинут и вопрос о правильной постановке женского образования, в смысле создания открытых, всесловных, возможно широко доступных средних учебных заведений.

Начало этой реформе положил всеподданнейший доклад министра А.С. Норова, 5 марта 1856 г. В нем между прочим было сказано: «обширная система народного образования доселе имела у нас в виду одну половину населения — мужской пол. Лица среднего сословия в губернских и уездных городах лишены средств дать своим дочерям необходимое образование, соответственное скромному их быту. Между тем как от

этого, без сомнения, зависят как развитие в массах народных истинных понятий об обязанностях каждого, так и всевозможные улучшения семейных нравов и вообще всей гражданственности, на которые женщина имеет столь могущественное и неотразимое влияние. Поэтому учреждение открытых школ для девиц в губернских и уездных городах и даже в больших селениях было бы величайшим благодеянием для отечества».

Государь согласился с этим предположением А.С. Норова и повелел «приступить к соображениям об устройстве, на первый раз в губернских городах, женских школ, приближенных по курсу преподавания к гимназиям».

О воследовавшей Высочайшей воле министр А.С. Норов сообщил попечителям учеб-

ных округов и потребовал от них необходимых сведений и соображений, главным образом, о том, какие местные средства могут представиться для покрытия предстоящих расходов. Вместе с тем он просил министра внутренних дел пригласить к участию в настоящем деле дворянство и городские общества.

Этот призыв правительства нашел первый отклик в г. Костроме: здесь в 1857 г. было учреждено первое в России женское училище нового типа. Училище это, основанное на щедрое пожертвование почетного попечителя местной мужской гимназии А.Н. Григорова, было в 1870 году преобразовано в Григоровскую женскую гимназию.

(Историческая записка о 50-летию Костромской Григоровской женской гимназии 1857 — 1907. Составил Константин Аржеников.)

Педагоги Григоровской гимназии

ЖЕЛАЕМ ПРЕДЛОЖИТЬ

**ДЕТСКУЮ ОДЕЖДУ, ДАЧНУЮ МЕБЕЛЬ, СУМКИ,
РЮКЗАКИ И ДРУГИЕ ПОЛЕЗНЫЕ ТОВАРЫ**

ОТ «ТОРГОВОГО ДОМА»

ВИНОГРАДОВА и К^о

ВСЕ ОЧЕНЬ НУЖНО И ПОКА ЕЩЕ ДЕШЕВО

**ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ
УЧИЛИЩЕ №6**

ПОСТАВЛЯЕТ:

- садовые наборы (152 тыс. руб.)
- кровати двухъярусные (220 тыс.) с выдвигаемыми ящиками и детские жилые уголки (300 тыс.)
- журнальные столики (140 тыс.)
- туристические наборы (50 тыс.)

И ЕЩЕ:

- оконный штапик (100 руб. погонный метр)
- плинтус (1000 руб. погонный метр.)
- доски разделочные (5 тыс. руб. 10 шт.)

**Адрес поставщика: 156014 Кострома,
ул. Центральная, 50, тел. 22-72-34.**

**ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ
УЧИЛИЩЕ №4**

ВЫПУСКАЕТ:

- костюм детский (сорочка, шорты)
- сумки (хозяйственные, дорожные и детские рюкзаки)

трусы (всех размеров)

комплекты детской одежды с вышивкой (пододеяльник, наволочка, распашонка)

А ТАКЖЕ:

- ручки к молотку, ходули для отделочных работ,
- все виды запоров и дверных крючков, грабли, окучники и цаппки пятизубые.

**Обращаться: 157610, Шарья,
ул. 50 лет Советской власти,
д. 7, тел. 2-35-74.**

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ №20

ПРОДАЕТ:

насосы садовые НГС-1 с ручной за-
качкой воды на глубину до 12 м
по цене 240 тыс. руб.

широкоуниверсальные
деревообрабатывающие
станки ШУДС-270-1

(пилит, стругает, фугует, сверлит)
по цене 1440 тыс. руб.

Ждем по адресу: Кострома, ул. фести-
вальная, 31, тел. 22-63-62, 22-02-86.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ №18

ШЬЕТ:

ТЕПЛЫЕ КУРТКИ,
КОМБИНЕЗОНЫ,
ВЕТРОВКИ,
КОСТЮМЫ
ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ
И ПРОЧЕЕ.

Обращаться: 156002,
Кострома, ул. Симановского, 92,
тел. 57-23-50.

ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ №19 (технический лицей)

ИЗГОТОВИТ:

хорошую дачную мебель
из натуральной древесины:

стол (1250 x 600 x 750 мм)

скамью (1250 x 250 x 420
мм) — приблизительная

цена 200 тыс. руб.

стул складной (850 x 450 x 450) — приблизи-
тельная цена 45 тыс. руб.

дверной блок с текстурой дерева от светлых до
темных тонов (2000 x 800) — приблизительная
цена 270 тыс. руб.

КРОМЕ ЭТОГО:

калитку металлическую, окрашенную (170 x 100
см) — приблизительная цена 60 тыс. руб.

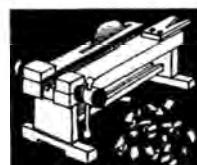
Изготовитель: 156003 Кострома, ул. Боровая, 6,
тел. 55-09-03, 55-64-31.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ТЕХНИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ №7

ВЫПУСКАЕТ:

верстаки столярные
(на них можно: сначала
стругать, долбить,
сверлить, зашлифовать,
а после — все соби-
рать). Ориентировочная
стоимость 200 тыс. руб.

Адрес: 157922 Костром-
ской р-н, д. Бычиха,
тел. 6-41-04.

«ОБРАЗЦОВЫЕ ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ»

60-е — 80-е годы прошлого столетия... Время преобразований, время надежд и разочарований. «Жизнь кипела даже в глухих провинциальных городах, — писал в своих мемуарах известный русский педагог Н.Ф. Бунаков, — все рвались отдать свои силы и средства на дело просвещения и очеловечивания массы освобожденного, но темного и невежественного народа».¹

14 июня 1864 г. было издано Положение о начальных народных училищах, по которому народные училища разрешалось открывать общественным учреждениям и частным лицам. Этим тотчас же воспользовались земские деятели, но среди прочих препятствий, выросших на пути создания земских школ, была и нехватка учительских кадров.

Костромское земство не было исключением: выпускниц прогимназий и Ярославского училища для девиц духовного звания явно не хватало для всех вновь открытых народных училищ. Поэтому на очередной сессии губернского земского собрания 1871 года было решено учредить в городе Костроме женское училище для образования сельских учительниц. Составленный губернской управою проект устава был одобрен правительством, и с сентября 1872 года школа (или, как ее еще называли, учительская семинария) была открыта.²

В школу принимались девушки всех сословий, в возрасте не моложе 16 лет (а после открытия подготовительного класса — с 14 лет), сдавшие экзамен за курс двухгодичного начального

народного училища. Обучение продолжалось два года, с приготовительным — три. Поступающие в семинарию должны были дать письменное обязательство «прослужить в должности учительниц» в одном из уездов Костромской губернии не менее 4 лет, обязательством родителей было не забирать учениц до конца обучения из школы.

Девушки, направленные на учебу уездным земством, получали от него стипендию в продолжение всего срока обучения, но по окончании курса должны были вернуться в свой уезд. Одновременно в семинарию принимались и «своекоштные воспитанницы с платою за обучение 10 руб. в год».³

Для иногородних существовал интернат, который содержался на земские средства и помещался в частных домах: в 1874 — 77 — госпожи Васковой, в 1877 — 79 — г-на Коленцова, в 1879 — 80 — г-на Сумарокова, 1880 — 82 — г-на Волынского.

Уроки в подготовительном и первом классах начинались в девять часов утра, в старшем — в десять, но к этому времени выпускницы уже успевали провести полтора часа в образцовой школе при семинарии, где они первые две-три недели присутствовали на уроках, а потом каждая из воспитанниц давала уроки сама (не менее шести в неделю). За день до урока она должна была предоставить «образцовой учительнице» программу, которую затем просматривала и начальница семинарии, после чего в случае необходимости конспект возвращался для исправления.

Уроки в образцовой школе начинались в половине девятого. Если их вела воспитанница, то непременно присутствовали «образцовая учительница» и начальница семинарии, а на первых двух — и остальные выпускницы. Обсуждение проходило на конференциях два раза в неделю. Кроме того преподавались Закон Божий, педагогика, русский язык, арифметика, геометрия, история, география, физика, естествоведение, рисование, чистописание, рукоделие и пение.

Своеобразным продолжением практических занятий семинарии стали учительские съезды, на которые съезжались учителя со всей губернии. Первый из них прошел в 1872 г. под руководством В.И. Водовозова, который сумел «возбудить в местном учительстве жажду знания, стремление к самоусовершенствованию, теплое отношение к учащимся, оставив о себе лучшую память, как многосторонне образованный и гуманный педагог, сподвижник Ушинского и Стоюнина. Традиции этого съезда были продолжены в 1873 — 1875 гг.»

Костромское земство для занятий съезда в г. Костроме предоставило зал Дворянского собрания, что само по себе говорит о том, какое внимание уделялось тогда в обществе народному образованию. День начинался показательными уроками во временной школе, которая полностью повторяла самый распространенный тип учебного заведения того времени: одновременно учитель вел занятия с тремя отделениями, уроки продолжались 30 — 45

минут. После часового отдыха следовало объяснение и обсуждение уроков, лекции; вечерние занятия состояли из обсуждения рефератов участников съезда, посвященных насущным вопросам школьного дела.⁴

Таким образом занятия съездов являли пример удачного сочетания теории и практики, позволяли поставить самые острые вопросы и совместно искать пути их решения. Уроки собирали множество публики, не имевшей непосредственного отношения к начальной школе: образование народа осознавалось как ключевой вопрос времени. Для педагогов, зачастую приехавших из глухих уездов, вырвавшихся из паутины ежедневных проблем, это было время напряженного творчества.

Летом 1874 года на съезде в Костроме уроки давали первые выпускницы костромской учительской семинарии. Н.Ф. Бунаков высоко оценил их, назвав «образцовыми во всех отношениях; недостаток учительской техники... в них заменялся самостоятельной работой, обнаруживающей вполне сознательное, разумное и добросовестное отношение к делу, и без сомнения стоящей гораздо выше так называемой «опытности», часто прикрывающей совершенную бессодержательность и полное равнодушие к делу».⁵

Успех выпуска Н.Ф. Бунаков связывал с тем, что «во главе школы стояла чрезвычайно энергичная и талантливая начальница, которая сумела собрать около себя кружок учительниц, горячо преданных делу и хорошо понимающих его. Работницы они были замечательные, одушевленные и неутомимые. Мне бы очень хотелось назвать по имени всех членов этого интересного интеллигентного кружка, которых я никогда не забуду; но не зная их дальнейшей судьбы, я не считаю себя вправе сделать это...»

Сегодня прошло уже более

100 лет с того самого съезда. Мы тоже не знаем о дальнейшей судьбе многих членов кружка, но отдавая дань истории, все-таки называем эти имена: начальница школы и преподавательница русского языка и педагогики Ольга Николаевна Прохорова, преподавательница математики и естественных наук Евдокия Николаевна Трубникова, истории — А.И. Гризнова, пригготовительного класса — О.Ф. Монович, рукоделия — Беляева, русского языка в пригготовительном классе — Вера Николаевна Прохорова.⁶

Ученица земской учительской школы
Шурочка Хитрово

Ольга Николаевна Прохорова, первая начальница семинарии, по замечанию Н. Бунакова была «душой и центром этого кружка». Она проработала всего два года, а потом вышла замуж за учителя чистописания семинарии, Александра Эрастовича Языкова, у них родился сын Александр, вошедший в историю Костромского края как Александр Александрович Языков-старший. Его судьба — социал-демократа, земского деятеля, а потом видного советского администратора, дипломата,

показательна, она свидетельствует и об атмосфере семьи, и об атмосфере школы земских учительниц, соединившей судьбы его родителей. Народнические убеждения, иногда — осознанные, иногда — просто растворенные в общественной атмосфере середины прошлого столетия зачастую руководили барышнями, решившимися покинуть родной кров и поступать в учительскую школу, из которой путь был один — в глушь, к тому самому народу, которому так хотелось послужить. Этот путь вел и к самостоятельности, независимости, о которой мечтали публицисты демократических изданий.

О том, что эти идеи посещали юные головки семинаристок, свидетельствуют не только их воспоминания, но и их биографии. «Мне очень рано посчастливилось приобщиться к политической нелегальной жизни. Учителя водили знакомства с так называемыми «запрещенными людьми». Иногда они и будущих учительниц водили на подпольные собрания ссыльных».⁷ Может, по этой причине Н. Бунаков и не решился назвать имена? Не зная дальнейшей судьбы, о ней можно было догадываться.

Автор этих воспоминаний — выпускница костромской учительской семинарии 1879 года, М.П. Яснева (в замужестве Голубева), принятая «образцовой учительницей» в школу при семинарии (кстати, об этом не упоминается ни в одной из ее биографий), а потом ушедшая «в народ», в советское время была канонизирована вместе с прочими славными большевичками. Воспоминания о кружке П.Г. Зайчневского, находившегося тогда в Костроме в ссылке, она пронесла до конца своих дней.

Эта судьба не единична. Секретные дела директора народных училищ Костромской губернии называют и другие име-

на, воспитанниц семинарии, которые решили на практике реализовать общественный идеал женщины середины XIX века — независимой от родителей, общественного мнения и от предрассудков морали.

В том же 1879 году, когда заканчивала семинарию Машенька Яснева, издается секретное предписание, гласившее, что «воспитанницы Костромской земской учительской семинарии: Никольская, Соболева, Чайникова, Яблокова и Фомина лишены права педагогической деятельности по неблагонадежности, а также за сношение с людьми вредного направления».⁸

Но политическая деятельность была лишь одной из сторон эмансипации. Совершенно невинные на нынешний взгляд прогулки с молодым человеком вечером в уединенных местах вызывали резкий протест родителей и насмешки учеников земской начальной школы в маленьком уездном городке, и опять жалобы летели в дирекцию народных училищ. Не всегда было легко остановиться, преодолевая предрассудки. Идеи женской независимости, рожденные в столицах, не всегда вовремя доходили до дальних уездов, хотя и там находились либеральные земцы, готовые заступиться, похлопотать, поручиться... Такие, как ветлужский помещик и известный в стране публицист Н.П. Колюпанов, как галицкий уездный предводитель Маковеев...

Тем временем правительство, осознав опасность, приняло свои меры: в том же 1879 году (может быть, это не простое совпадение?) костромская школа для образования сельских учительниц передается в Министерство народного просвещения, переживавшего не лучшие свои времена. Одно из любимых созданий земства, учительская семинария, — ему более не принадлежит, оно не

имеет права самостоятельно выработать программы, влиять на подбор педагогов. Преподаватели теперь проходят тщательный отбор-анкеты, свидетельства о благонадежности, директор народных училищ, губернатор.

Для выпускниц школы тоже наступают тяжелые времена: ограничиваются возможности общения между ними, полиция пристально следит за их визитами друг к другу, с середины семидесятых годов прекращается созыв учительских съездов, — они возобновятся лишь в 1890-х годах, но уже как курсы, атмосфера педагогического творчества, высокое общественное звучание учительского труда были утрачены.

Земская учительская школа постепенно превращается в учреждение одного из департаментов министерства. Земству оставлена лишь сомнительная привилегия расходовать деньги на его содержание. Стоит ли удивляться, что оно начинает тяготиться этими расходами? В 1881 г. Костромская губернская земская управа обращается с предложением в Нижегородское, Владимирское и Ярославское земства с предложением принять участие в финансировании семинарии, обучая там своих кандидатов. Ответа не последовало.⁹

В 1883 году впервые ставится вопрос о закрытии семинарии, земское собрание отклонило этот вопрос. «Но увьи! — с горечью вспоминал Н.Ф. Бунаков много лет спустя, — тогда судьба Костромской женской учительской школы уже висела на волоске. В Кострому явился новый чиновник-живоглот, который съел без соли самое луч-

шее создание костромского земства... Вечная ему память, т.е. не живоглоту, благополучно процветающему и поныне, а слишком рано угасшему земскому созданию».

В 1886 г. вопрос о закрытии семинарии проходит большинством 33 против 24 голосов. Постановление датировано 13 декабря 1886 г., но всем ученицам школы была дана возможность закончить курс, и окончательное закрытие состоялось 1 июля 1889 г., когда они все сдали экзамены и получили «свидетельства на звание учительницы начального народного училища».¹⁰

В 1899 и 1902 г. на сессиях губернского земского собрания поднимался вопрос об открытии новой учительской семинарии, но безуспешно. Лишь в 1908 г. она была открыта заново, но это было учебное заведение нового типа, с четырехгодичным курсом обучения, содержащееся на средства Министерства народного просвещения, просуществовавшее до 1918 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н. Бунаков. Как я стал и как перестал быть учителем учителей. СПб., 1906. С. 53.

² Отчеты Костромской губернской земской управы за 1872 год. Кострома, 1872. С. 4.

³ Костромские губернские ведомости, 1872, 27 мая.

⁴ Н. Бунаков. Записки (1836 — 1905). СПб., 1909. С. 105.

⁵ Съезд народных учителей Костромской губернии в 1874 году /Сост. Бунаков, Гутор. Кострома, 1874. С. 13 — 14.

⁶ Отчет о занятиях в Костромской земской семинарии учительниц. Кострома, 1877. С. IV.

⁷ Е. Голубева. М.П. Голубева // Славные большевички. М., 1958. С. 124.

⁸ ГАКО, ф. 444, оп. 3, д. 10, л. 28. См. также дела 7, 8, 11, 15, 22 той же описи.

⁹ Отчеты Костромской губернской земской управы за 1881 г. Кострома, 1882. С. 32.

¹⁰ ГАКО, ф. 444, оп. 1, д. 1692.

«... А СЯ КНИГА ЛЮБИТИ АКИ КАМЕНИЕ ДРАГОЕ...»

Откуда все же взялось и почему оказалось так живуче представление о том, что русское крестьянство было безграмотным и некультурным, а русская деревня темной и невежественной?

Ответ, очевидно, кроется в самой природе крестьянства и в характере народной культуры. Традиционная крестьянская культура была самодостаточной, замкнутой и монологичной. Все держалось на традиции, во многом — традиции «допетровских времен».

Крестьянство крайне настороженно относилось ко всяким новшествам, в том числе и к новой системе образования, в частности, еще и потому, что в гражданской школе не учили церковнославянской грамотности, церковному пению, знанию Часослова, Псалтыри и других книг Священного Писания, что так необходимо было в повседневной жизни крестьянства и для участия в службах.

«Уцерковление начиналось с крещения младенца и продолжалось до последнего дыхания. Заболевал ли ребенок — обращались к Пресвятой Богородице Тихвинской; приступал ли к обучению грамоте — молились святым бессребренникам Козьме и Демьяну; опасались ли пожара в жаркую и засушливую погоду — служили молебен перед образом Богородицы, называемой Неопалимая Купина; заканчивалось ли строительство избы — ее освящали с приглашением церковных служителей. Случалась большая удача — заказывали благодарственный

молебен, постигало горе — утешение находили в глубоком смысле панихиды».¹

Интеллигенция же стремилась привнести в народ то, что она понимала под словом «просвещение и образование», то что не всегда крестьянину было нужно.

ЧАСТНАЯ ШКОЛА ДЛЯ КРЕСТЬЯН

Большинство крестьянских детей до земских реформ получало образование в частных школах. Правительственные чиновники отмечали, что «многие жители... имели более приверженности по закоснелости или по привычке отдавать детей своих для обучения дьячкам и какому-нибудь отставному солдату, своей братии мещанину или, что всего досаднее, старухам. Так было в Кинешме и в других местностях губернии: Костроме, Галиче, Нерехте и Макарье, где были училища, в остальных же 15 посадах и городах Костромской губернии, потребность в начальном обучении удовлетворялась исключительно частными предпринимателями».²

Ни статистики, ни чиновники не знали, сколько было частных школ в губернии, сколько в них училось крестьянских и мещанских детей. Против частных школ, не желавших подчиняться контролю правительственной власти, велась борьба, иногда закачивавшаяся следствием и судебным процессом. Это происходило не так уж часто, потому что следствие начиналось почти всегда по доносу.

Так, в 1850 году была привлечена к суду крестьянка д. Бурдуково Гнездиновской волости Солигаличского уезда Степанида Дмитриевна Григорьева, 65 лет, которую вся округа именовала не иначе как «Супарень». Эта высокая черная и очень набожная старуха получила свое прозвище за чисто мужской характер и еще за то, что любила, чтобы родители учеников иногда потчевали ее водкой, «к которой она имела небольшое пристрастие».

По рассказам крестьян, которых опросили с целью собрать сведения о школе С.Д. Григорьевой, близлежащие деревни принадлежали прежде Авраамиеву Городецкому Чухломскому монастырю. «Указать какую-либо определенную причину, натолкнувшую их на мысль о пользе учения вообще, они не могут, но бывая часто на монастыре (отстоящем от них в 47 вер.) по делам и по религиозным побуждениям, а также и видя у себя приезжавших монахов, у них первая мысль о грамоте носила исключительно религиозный характер, имея в виду чтение свящ. писания. Степанида Дмитриевна Григорьева по рассказам стариков была единственным грамотным человеком в деревне; молодые годы она жила в Москве, откуда и вернулась грамотной. Дома в деревне она занималась летом крестьянскими работами со своей сестрой Афимьей, а зимой собирала в своей избе ребят и учила их с указкой по церковно-славянскому букварю, Часослову и Псалтырю — грамоте и письму;

читала она хорошо, но писать по-настоящему не умела, а писала «палками» — по-печатному; в первые годы училось у нее мало — 2 — 3 человека в зиму, а потом, особенно в последние годы, число учеников и учениц доходило до 10; плату за обучение она брала от 2 до 3 рублей за весь курс учения, который продолжался иногда и две-три зимы, смотря по способностям ученика. По словам оставшихся в живых учеников и учениц Степаниды Дмитриевны, учила чтению она хорошо, так что до сих пор они не забыли ее учения и свободно читают не только по церковному, но и по гражданскому...»³

Эта частная школа существовала более 20 лет, и грамоте в ней обучились более 100 человек, неграмотных же крестьян в д. Кожухове, где располагалась школа, не было совсем. Школа была закрыта по доносу дьячка

из близлежащего с. Верховья. После закрытия школы и следствия, о котором крестьяне выразились «потаскали-потаскали», С.Д. Григорьева еще учила негласно лет пять детей, потом несколько лет провела на богомолье и умерла в глубокой старости.

Школа эта была абсолютно типичной. Показательно то, что спустя несколько лет после закрытия школы С.Д. Григорьевой, на ее родине в д. Бурдукове открылась первая в Солигаличском уезде официальная школа на собственные крестьянские деньги. Произошло это в 1862 году, еще до введения земских учреждений.

Нередко заботу об образовании крестьянских детей брали на себя священники. Так в селе Ножкине, расположенном буквально под стенами того же Авраамиева Городецкого монастыря, в 1836 году открыл свою

частную школу священник Котурнитский. Будучи человеком богатым, имея независимый и энергичный характер, он, без сомнения, рассматривал свою деятельность как общественное служение, так как в 1842 — 43 гг. на просьбу передать свою школу Ведомству государственных имуществ дал категорический отказ, «не считая возможным лишить обучения детей других (не государственных) крестьян». Школа о. Котурнитского тоже существовала более двадцати лет, будучи преобразованной в приходское училище.⁴

Другой пример — семья священников Соболевых из с. Мироханова Чухломского уезда, открывших при церкви в 1837 г. частное училище. Уроженец Чухломского уезда настоятель Успенской церкви г. Кинешмы И.Г. Николаевский, знавший лично и Котурнитского, и Соболевых, говорил, что «они были

Крестьянские дети. Фото Ефима Честнякова. Д. Шаблово Кологривского уезда. 1910-е годы

люди незаурядные — особенно семья Соболевых; один из Соболевых о. Иоанн был настоятелем Исаакиевского собора в Петербурге, а его дядя по матери проф. Арсеньев был один из преподавателей Наследника, позднее Императора Александра II». ⁵

Еще один тип частной школы для крестьянства — школа, которую открывал помещик на свои средства. Примером могут служить помещики Катенины (ус. Клушеево), Шиповы (ус. Бельково), Лугинины (ус. Рождественское).

Федор Николаевич Лугинин, отец знаменитого ученого-химика В.Ф. Лугинина, в своем имении Рождественском Ветлужского уезда в 1828 году открыл школу. «В имении моем в селе Рождественском с деревнями, составляющими одну волость, открыта вседневная школа для мальчиков и девочек, находящаяся в моем строении и состоящая на всем моем содержании. Дети приходят в нее учиться — мальчики в разное время от девочек, первые на четыре часа с небольшим промежутком времени для отдыха, а девочки — на два часа и потом возвращаются в дома свои. Учителей при школе находятся два из срочно-обязанных дворовых людей моих, состоящих при господской конторе и кроме того для девочек дочь Титулярного Советника девица Тихомирова; а главное наблюдение за школой и руководством за учением примут на себя Управляющий имением моим Полковник Бартельсон и супруга его. Школа открыта 6 июля и несмотря на рабочее время в нее поступило с первого же дня 24 мальчика и 12 девочек, записанных родителями, которые и продолжают постоянно посылать их, а ныне находится 32 мальчика и 14 девочек. Прием в школу и выход из оной совершенно произвольны; никакие телесные наказания не дозволены и единствен-

ная взыскательная мера — есть поставление в угол или на колени не на долгое время, а в случае шалостей или продолжительной лени дети отправляются к родителям для исправительного действия, не исключая их из школы. Дети обучаются грамоте — чтению и письму по Золотовой методе; немногие из них, знающие уже немножко грамоте, совершенствуются в ней и учатся арифметике, а когда все они в состоянии будут читать, то священник с. Рождественского о. Алексей примет на себя обучать их Закону Божию». ⁶

Желание учиться у крестьян было большим, поэтому Ф.Н. Лугинин открыл позднее еще одну школу в 40 верстах от Рождественского — в имении Никольском. И здесь учителем был дворовый крестьянин Лугининых Владимир Федорович Лугинин во всем помогал отцу: решал организационные вопросы, вводил «Золотову методу», составлял программу обучения. (Она сохранилась, и мы можем узнать, чему обучали крестьянских детей в первом, втором и третьем классах).

УЧЕНИЕ В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ СЕМЬЕ

Среди государственных крестьян, принадлежавших непосредственно Ведомству государственных имуществ, процент грамотных был всегда выше. Одной из причин было то, что это ведомство, начиная с 1843 г., открывает для своих крестьян школы и училища. В 1860 г. их в Костромской губернии было 22. ⁷ По единодушному признанию властей и епархиального начальства именно среди государственных крестьян было более всего раскольников различных толков.

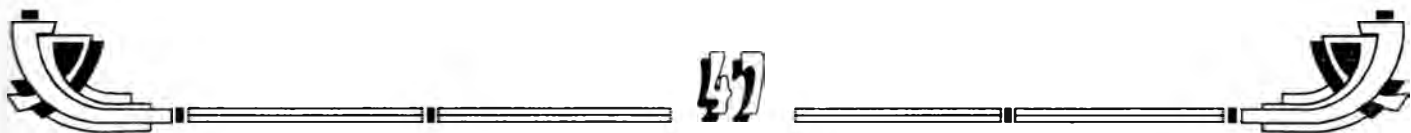
Раскол во многом держался на книжной традиции. Признание книг только дониконовской духовной литературы (до исправления богослужебных

книг) заставляло переписывать старые тексты. Poleмика с православными побуждала писать новые сочинения. Поэтому, как правило, старообрядцы были грамотнее других крестьян. Это отмечали многие современники: «Интересно наблюдать упорство и стойкость старообрядцев, видишь у них массу старинных книг и удивляешься их огромной начитанности, памяти и знанию книжного старинного «священного» писания». ⁸

Из поколения в поколение старообрядцы сами учили своих детей. Учили тому, что считали необходимым: в первую очередь читать на церковно-славянском — Библию, творения святых Отцов и обязательно известные у старообрядцев старопечатные книги. Писать учили по церковно-славянски.

М.М. Зимин, автор этнографических очерков о Ковернинском крае, где раскол был сильно развит, писал, что и в начале века не стремились «старообрядцы обучать детей в «мирской», «гражданской» школе, считая, что она только развращает детей: «Ну што может научить девченка — учителька, когда она сама не видала и не знает жисти, да и учит то не по той азбуке, по которой должно учить, по которой научатся дети истине — вот по какой азбуке надо учить, а не по скотской» (не по школьной): «у — значит уши, б — бык, к — корова, в — верблюд, с — свинья» и все в этом роде; и учили детей у «стариков», «начетчиков», по «псалтырю», устраивая свои особые школы. Кстати сказать, в с. Шадрине в 1896 г. во вновь выстроенную школу никто из старообрядцев не отдавал своих детей. Пришлось учителю П., махнувши рукой на своих крестьян, звать и манить чужих, объезжая деревни на свои средства (...)» ⁹

Федор Бобков, бывший крепостной помещика Глушкова (д. Крапивново Юрьевоцкого уез-

КНИГА В ДЕРЕВНЕ

Оспопрививание в деревне. Фоторепродукция Д.Н. Пряничникова. Конец XIX в.

да) в своих воспоминаниях пишет, что читать и писать выучился в деревне при помощи малограмотного брата, когда ему было лет 14. За обучение брата его отец заплатил старику-раскольнику 12 рублей, но видя, что проку от этого нет, решил никого больше грамоте не учить.

Грамотной в этой старообрядческой семье была мать. «Она постоянно читала дома вслух или Жития святых, или Евангелие. Особенно сильное впечатление производило на меня чтение Страстей Господних. Я залезал на печь и горько плакал, уткнувшись во что-нибудь, чтобы скрыть свои слезы, и матушка читала вслух Псалтырь, кафизмы и молитвы. Отец мой, старшие братья и невестки благоговейно молились. После молитвы садились ужинать, после которого мать читала четьи-минеи».¹⁰

Брат показал Федору азбуку. К концу Великого поста мальчик уже читал, а на Страстной мог бегло прочесть Псалтырь. «В течение зимы, — пишет он, — я учился читать и писать. Однажды пришел сосед и попросил написать записку в контору Коновалова выслать ему

утку для миткаля, который он ткал для конторы. Я написал и с нетерпением ждал ответа. Боялся, что не разберут моего писания. Когда я узнал, что записка прочитана и утка прислана, я был очень счастлив и стал считать себя великим грамотеем».¹¹

В следующем 1844 году Федора Бобкова стали приглашать не только соседи по деревне, но и в другие деревни, где всегда принимали как гостя, кормили «отборными кушаньями, горохом, пшенной кашей и клали спать на мягкую постель с подушкой».¹²

По просьбе бурмистра Зиновия Васильева, вожака старовеяров, он стал переписывать книги, «которых печатать не позволяют, а угощают новыми, искорверканными на изнанку, антихристовщиной». Две недели он писал о скрытых скитах и о черниговских князьях Борисе и Глебе. Все в доме в это время ходили «на цыпочках», потому что за работу мальчику заплатили полтину. Это был реальный труд, дававший семье заработок. Практическое приложение знаний, ценившееся крестьянством превыше всего.

В различных архивных хранилищах, библиотеках и музеях страны собраны огромные коллекции рукописных книг, многие из которых имеют владельческие записи крестьян. Немало таких книг и в Коллекции рукописей Государственного архива Костромской области. Самые ранние владельческие записи на книгах относятся к XVI веку. Примером может служить надпись на Прологе начала XVI века: «...а сия книга любити аки камень драгое и аки бисер многоценны православным крестьянном на утверждение, а еретиком и развратником крестьянския веры уста заграждати».¹³ Не правда ли, красиво написано? И звучит как заклинание.

О многом могут рассказать надписи крестьян на книгах. О том, в частности, что было необходимо для чтения. Вот сборник, в котором собрано все подряд: каноны, молитвы, решение задач, прописи, басни о комаре и льве и т.д. А на сборнике надпись: «Бувеской округи ведомства государственной коллегии экономии вотчины бывшей во владении Железнодорожского монастыря села Коктева крестьянин Василий Дмитриев писал...»¹⁴

Книги писали не только для себя, но и по заказу: «1801 году марта 1-го дня сия титрадь деревни Медведева действительного крестьянина Григория Яковлева, а написал деревни Юдова крестьянин Михайло Гаврилов. Прошу братца не прогневатца какво написалось».¹⁵ Из церковно-служебных книг главными в крестьянском обиходе были Псалтырь и Часослов. По ним учились читать. Стоила рукописная Псалтырь немало: «Сия богодуховенная книга, принадлежащая крестьянину деревни Крутики Александру Федотычу, продана за 6 рублей».¹⁶

В течение всего времени любимым чтением народа была духовная литература. Прежде всего, Священное Писание, Жития святых. В Костромской губернии особенно любимыми были Жития Алексея человека Божия, Дмитрия Салунского, Марии Египетской, Авраамия Чухломского, Геннадия Костромского, Макария Унженского и др. Читали много и охотно творения святых Отцов — Ефрема Сирина, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста. Почти в каждом доме имелись молитвенники и святцы.

Книги попадали в деревню самыми разными путями. Очень часто, как подарки, их привозили и присылали отходники. Вот что пишет, к примеру, костромской крестьянин Алексей Козлов жене из Петербурга в 1888 г.: «... еще какую ты давно желала книжку именно гражданской Акафист иисусу христу и божьей матери то я купил и как поедут земляки тебе пришлю...»¹⁷

На ярмарках, которые играли очень важную роль не только в экономике, но и в культуре России, крестьяне очень часто покупали дешевые книги. Это были, в основном, сказки, календари, лубочные издания — специальная книга для народа. «Однажды на базаре, — вспоминает Федор Бобков, — отец купил у продавца лубочных изданий «Еруслана Лазаревича» и «Бову Королевича», так как сам отец очень любил слушать чтение сказок. Старший брат стал читать их по воскресеньям, слушать приходили соседи (...) На восходе зари утренней вставал Еруслан Лазаревич, садился на коня скорохода, надевал ружье самопальное, ехал горами, долами и тихими заводями и бил уток, гусей и белых лебедей».¹⁸

«Бова», «Еруслан Лазаревич», «Милорд Георг», «Битва русских с кабардинцами» были особо любимым чтением крестьян. Они выходили почти ежегодно в из-

даниях Манухиной и Сытина.

Лубочная литература и специально издававшиеся книги для народа чаще всего доставлялись в деревню разносчиками книг — офенями, нередко в одном коробе с галантерейным товаром. Солигаличский уроженец, издатель популярных книг для народа Иван Дмитриевич Сытин хорошо знал офенский промысел — офеней был его дядя. Он так писал об офенях: «В базарные дни все эти торговцы появлялись на базарных площадях, предлагая книжный товар собравшемуся народу, в другие же дни ходили по деревням: с коробом за плечами из избы в избу, показывая здесь свой товар, расхваливая его и предлагая его собравшейся около короба деревенской публике, с которой они умели говорить понятным ей языком».¹⁹

Никакие цифры и источники не дадут верного представления о чтении книг в деревне, о величине читательской аудитории, так как в крестьянской среде были достаточно крепкими и устоявшимися традиции семейного и общего чтения. Иногда собиралась и вся деревня. Грамотные читали, неграмотные слушали. Вот заметки священника Александра Горицкого из Макарьевского уезда: «Кругом стола, освещенного лампою, на скамьях и стульях, плотною толпой сидят слушатели из взрослых; несколько вдали от стола в полумраке, сидят деды, отцы-старики и матери; при них в шаловливом настроении находятся внуки и дети младшего возраста, часто ими сдерживаемые. Чтец занимает почетное место в переднем углу под божницею; на него устремлены глаза и к нему обращено внимание слушателей. Спокойствие полное, внимание благоговейное... С наибольшим усердием они читают жития святых, рассказы из церковной и русской истории, берут журналы Русский Паломник, Воскресный день,

Кормчий и друг».²⁰ Алексей Либеров, священник из Ветлужского уезда, часто бывая по делам службы в деревнях своего прихода, замечал, что молодежь, окончившая земские училища, охотнее читала легкую светскую литературу: басни, стихотворения, рассказы, чем душевспасительное чтение.²¹

Сказанного, наверное, достаточно, чтобы не верить в притчу о «темной, некультурной и неграмотной» русской деревне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁷Громько М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 125.

¹⁸Очерк развития народной школы в Костромской губернии. Кострома, 1913. С. 8.

¹⁹Там же. С. 10 — 11.

²⁰Там же. С. 12.

²¹Там же. С. 13.

²²Там же. С. 14 — 15.

²³Там же. Приложение № 2.

²⁴Зимин М.М. Ковернинский край. Кострома, 1920. С. 7 — 8.

²⁵Там же. С. 13.

²⁶Бобков Ф. Из записок крепостного человека. Исторический вестник. Т. СУІІ. С. 448 — 449.

²⁷Там же. С. 450 — 451.

²⁸Там же.

²⁹ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 337.

³⁰Там же. Д. 248. Л. 29.

³¹Там же. Д. 284. Л. 47.

³²Там же. Д. 422. Л. 1.

³³Письма отходников // Материалы для статистики Костромской губернии. Кострома, 1891. С. 113.

³⁴Бобков Ф. Указ. соч. С. 450.

³⁵Сытин И.Д. Жизнь для книги. М., 1962. С. 57.

³⁶Горицкий А. Сельский пастырь — учитель и воспитатель прихожан // Костромские епархиальные ведомости. Ч. неоф. № 24. С. 652.

³⁷Либеров А. Пастырские впечатления во время поста. // Костромские епархиальные ведомости. Ч. неоф. № 24. 1885. С. 774.

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» КОСТРОМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМНАРИИ

Что мы знаем о семинариях? Жизнерадостных гоголевских бурсаков в российской беллетристике заслонила книга Помяловского, более чем на столетие определившая стойкое предубеждение к средним учебным заведениям духовного ведомства. Подробности, позволявшие посмотреть на них иначе, были известны лишь узкому кругу специалистов. Разомкнем этот круг?

Первая половина XVIII столетия. Культура на сломе: новое еще не утвердилось, старое пошатнулось. Это коснулось и образования: прежние способы поддержания уровня знаний в священстве пришли в упадок и не могли удовлетворять требованиям дня. «Сеятель не сеет, а земля не приемлет, — писал в ту пору св. Дмитрий Ростовский, — иереи не учат, а людие невежествуют».

«Регламент духовный», с 1721 г. определивший ход петровских преобразований в церковной жизни, предусматривал создание при епархиях «домов училищных», поскольку «когда нет света учения, нельзя быть доброму церкви поведению». Однако в ту пору Кострома была лишь одним из многих городов, находившихся в синодальном управлении, и об устройстве в ней «дома училищного» никто не помышлял, пока императрица Елизавета не учредила здесь епархию, пока не прибыл в наш город первый епископ, Сильвестр Кулябка...

Владыка прибыл в Кострому в январе 1746 года, а в июне подписал указ, чтобы собирали

хлеб с церквей и монастырей — «на содержание школы, учрежденной для обучения церковнических детей». Так началась

Выпускник костромской семинарии
протоиерей Яков Арсеньев

долгая и трудная борьба за школу. М.Я. Диев, знавший подробности от очевидцев, описывал это так: «При появлении консисторских рассыльщиков отцы скрывали детей, сказывая их в бегах, и если кто из малолетних впадал в руки рассыльщика, то такового провожали в Кострому, как покойника, с плачем и воплем; случалось, что таковой ученик, поступив в школу, убежал в дом родителей или сродников, кои после того таковых сказывали в бегах. Главною причиною, почему отцы неохотно тогда отдавали детей в семинарию, была молва, что непонятных учеников отошлют в военную службу».¹

Хлеб удалось собрать к 1747 году, учеников — к 1750-му... Поместили их в Ипатьевском монастыре, назначенном для архиерейского пребывания; на

казенном содержании, с обещанием учить по книгам архиерейского дома — и даже на этих условиях более 700 церквей епархии смогли представить для открытия епаршеской школы лишь тридцать отроков. Чтобы учили их читать и писать по латыни и по славянски, и Закону Божию... Но тут владыку Сильвестра перевели в Петербург, и отроки снова разбрелись по домам.

До приезда следующего епископа, преосвященного Геннадия, прошло 4 года. Опять начались сборы учеников, и тот же, что и прежде, строгий епархиальный экзаменатор Анастасий Белопольский, возобновил занятия. Только на этот раз в стенах Симеоновского монастыря, где-то недалеко от нынешней Пятницкой улицы, в сторону Волги. Теперь было три класса: мальчики последовательно проходили классы грамматики, поэтики и риторики.

Видимо, «предубеждение, рассеянное против просвещения» постепенно смягчалось, потому что при удалении владыки Геннадия из епархии уроки продолжались. Долго раскачивался тяжелый маховик, не хотя страгивалась телега. Какие «века» семинарии убрался в эти годы — каменный? бронзовый?

В 1758 году принял епархию владыка Дамаскин — «пастырь с твердостью характера, деятельный, заботливый». Его историки назвали настоящим основателем семинарии, поскольку лишь он смог обеспечить ее прочное существование. Он возвращал ее, как садовник —

слабый саженец, привезенный из дальних краев и хиреющий на чуждой земле. Подле древнего Запрудненского монастыря он построил «огромный двухэтажный корпус» для учеников, и рядом — свой, архиерейский, и дома для учителей, и церковь деревянную, теплую, Введения Богородицы.

Забота его оценена потомками: из одной семинарской истории в другую переходит описание построек, которые он «щекотурил» внутри и снаружи, ставил на каменные фундаменты, входил в мельчайшие детали. А потом разбил сад, и немалый — 66 х 64 сажени, а в нем повелел вырыть пруд. Это стремление сочетать красоту и пользу передалось поколениям семинаристов, научившимся его ценить.

Вот описание этих мест, проникнутое ностальгией по семинарскому прошлому; М.Я. Диев пишет по памяти: все сгорело в пожаре 1813 года. «Трудно найти картины с такими многообразными красотами, какие виделись в семинарии; близ Введенской церкви на великое пространство расстилался, подобно продолговатому озеру... омут монастырской мельницы; далее чрез монастырские службы, коегде разбросанные на противоположном берегу, вдали виднелись; с востока темный лес, осеняющий Сокольи горы, несущие на хребте своем из Вологды дорогу в Кострому, а с юга городские здания, изредка с белокаменными, а более шатровыми деревянными колокольнями; западнее тысячетлетние сосны, осеняющие городское кладбище и убогий дом, с жилищем Божедома, монастырская слободка недалеко от семинарии, раскинутая на другом берегу Запрудни, затеняла промежуток между городом и Ипатьевским монастырем, с запада огромные здания оной обители, с обращенным к Запрудне трехэтажным архиерейским домом и ос-

тремя башнями; потом две слободы: Ипатьевская и Андреевская, а над ними красивая возвышенность нагорной стороны Поволжья, пересекаемая мачтами и парусами Волжских судов, — далее в стороне необозримые луга, омываемые рекою Костромою, с севера темный елевый бор, прислонившийся к новому саду семинарии и каменная, возвышающаяся среди богатых гробниц костромичан, церковь с изредка разбросанными иноческими кельями, замыкали картину».²

Сегодня от всей этой картины остались лишь церковь Спаса на Запрудне «среди богатых гробниц костромичан», да постройки Ипатия. Пожалуй, еще каменное здание против входа в церковь над рекой может помнить те времена: на плане, которым Диев дополняет описание, здесь значится архиерейский дом.³

А тогда, в 1759 году, преосвященный выписал из киевской академии учителей, братьев Максима и Ивана Федоровых, чтобы учили они «по методе академии» один латыни, а другой греческому. По мере прохождения низших классов открывались высшие, и к 1765 году семинария уже имела полный курс, включая философские и богословские классы. Для них из Киева выписали еще двух молодых учителей, двух Иаковок, Семчевского и Лапицкого.

Малороссы объяснялись на своем наречии, они не понимали учеников, а для тех лекции по философии казались столь же непонятными, как латынь. «В наставниках приверженность к заобыкшему наречию восходила до такой степени, что в классе они осмеивали формы великороссийского наречия, и учеников принуждали объясняться так, как говорили сами, например, запрещали говорить «в Киеве», а произносить «а оу Кієви». От этого ученики нередко подвергались незаслужен-

ному наказанию, обыкновенно тогда заключающемуся в битии по правой ладони дубовою круглою палочкою, называемую ПАЛЯ и стоянием голыми коленками на песку, иногда дресве и рассыпанном горохе.

Дамаскин видел все это, но поделаться ничего не мог. Говорят, слезами радости встретил он первых учителей из числа своих питомцев — девятнадцатилетнего Иоанна Красовского, с 1765 года приступившего к преподаванию греческого, а после него — Иоанна Сидоровского и Егора Агриколянского. Это значило, что деревце прижилось, оно дало всходы, — и какие!

«Все трое, — пишет о них Диев, — мужи высокой учености, с похвалой вошедшие в исторический словарь писателей духовного чина». Правда, проявить свои способности им удалось, лишь уехав в столицу: Красовский преподавал в кадетском корпусе и в Смольном, стал другом и духовником Павла I, был назначен сакелларием придворной церкви в Зимнем. Сидоровский тоже преподавал в Смольном, был принят членом Петербургской духовной академии. Оба они были избраны членами Российской Академии наук.⁴

Если разобраться, не так уж много времени ушло на набор высоты: за какие-нибудь полтора-два десятка лет уровень образования позволил выпускникам, минуя высшую школу, достичь высших научных степеней.

Между тем умер преосвященный Дамаскин, и семинария вместе с костромичами встречала в 1769 г. нового владыку — Симона Лагова. Диев сравнивал его с Ломоносовым: оба из крестьянских семей, стремлением к образованию достигли высокого положения. И здесь, в Костромской епархии, епископ Симон был неутомим в заботах о народном благочестии и про-

свещении. Семинария на Запрудне стала его любимейшим детищем: он подолгу жил там в особо устроенных для него покоех, и, как писал Диев, «не только знал, что в каждый день преподавалось в классе, но даже малейшие подробности об учащих и учащихся, так что душою всех движений семинарии был именно он. Часто в одном подрыске в белой шляпе, пеший неожиданно посещал семинарию; входил в комнаты казенных учеников, садился с ними заодно на скамейку и рассматривал их ученические задачи и упражнения». Чтобы оценить необычность по тем временам этого поведения владыки, надо вспомнить, что архиерей был одним из самых заметных людей в губернии, архиерейские службы и выезды обставлялись в XVIII веке с необыкновенной пышностью, — быть может, даже с большей, нежели выезды губернатора.

Простота в общении и внимание к мелочам быта сочетались с заботой о продуманности всех сторон обучения: он составляет учебные планы, дал письменное наставление, в чем должно заключаться образование будущих священнослужителей. Сам преподавал древнееврейский язык, заложив основы этого предмета в Костромской семинарии: после него преподавали его же ученики.

Семинарское предание сохранило пример его доброты. Он лично беседовал с каждым из вновь поступающих. «Однажды один из Ветлужских священников привел к нему принять в семинарию четырнадцатилетнего сына; Преосвященнейший спросил последнего: «Хочешь ли учиться?» Юноша отвечал: «где!» Не поняв этого простонародного выражения, Владыка обратился к отцу с вопросом: «Что это значит?» Когда тот ответил, что сыну учиться не хочется, то Симон осыпал юношу ласками, дал ему пряник и оре-

хов, — и этот ученик в последствии времени знаменитый протоиерей в Макарьеве на Унже Никифор Васильевич Зырин, помещенный киевским митрополитом Евгением в словарь бывших писателей духовного чина!»

Выпускник Костромской духовной семинарии философ Федор Голубинский

Забота о порядке в семинарии (да и пропитании учащихся) подвигла его на строительства огромной деревянной трапезы с кухней и хлебней в северной части семинарского двора. «Причем постановил, — свидетельствует М.Я. Диев, — чтобы во время стола были всегда читаны назидательные наставления, — правило, постоянно в Костромской семинарии соблюдаемое даже в XIX веке». При нем же умножилась и семинарская библиотека, благодаря жертвованию его собственных книг и покупки новых на собственные его средства. Боясь пожара, в 1770 г. перевел библиотеку в нижний этаж каменной Спасо-Запрудненской церкви, где для нее специально было оборудовано помещение. Время показало, что опасения были не напрасны: через пять лет сгорел огромный семинарский корпус, но библиотечка была сохранена.

Преосвященнейший Симон,

по выражению М.Я. Диева, «сообщил ученую ревность» преподавателям семинарии: «кого он видел к тому способным, тем он делал ученые препоручения, со всем радушием снабжал их наставлением и материалами». Так, И.И. Красовскому он поручил ведение ученых записок о методе преподавания в семинарии и важнейших событиях ее жизни, они получили название «Литературной истории костромской семинарии», ему же, по мнению М.Я. Диева, заказал он и «Историю Костромской иерархии» — один из первых краеведческих трудов на костромской земле (П.П. Свиньин считал автором этой рукописи другого учителя семинарии, Г. Назанского).

Так в семинарии создавалась совершенно особая атмосфера, в которой ценились науки и искусства, поддерживались и воспитывались исследователи, желающих стали направлять в светские учебные заведения для окончания образования, например, по медицинской части, позже — по педагогической, научной. Закладывалась традиция, которую Костромская духовная семинария бережно сохранит и на протяжении всего XIX века, благодаря чему из этих стен выйдут многочисленные ученые и путешественники, философы, богословы, историки, археографы, статистики, врачи, литераторы... Для того, чтобы позже российская культура обрела Ф.А. Голубинского, А.В. Горского, Порфирия Успенского; а позже — Е.Е. Голубинского и Ф.И. Успенского, Н.В. Покровского и многих, многих других, включая сюда и М.Я. Диева, и многих малоизвестных исследователей, чьи работы не получили общероссийской известности, — для этого надо было, чтобы в семидесятых годах XVIII столетия владыка Симон вот так, бережно и терпеливо взращивал этот слабый пока еще росток.

Время его управления — пожалуй, один из немногих периодов в истории семинарии, когда это учебное заведение привлекает всеобщее внимание горожан. Симон положил проводить экзамен в форме публичных диспутов. «Сколько новост, столько и торжественность зрелища до такой степени поразила тогдашнюю публику, что еще в первой четверти XIX века костромичи с удивлением рассказывали, как в пастыре — начальство Симона юные семинаристы, одетые в белое одеяние с крыльями назад, с венками на голове и ветвью в руке, произносили рацеи на препотах, — так простой народ называл в то время диспуты».

Даже моровая язва 1771 года запомнилась в семинарии, как пример Симоновой заботы. Он приказал выставить сторожей вокруг семинарии. Незвестных не пускали, известные проходили через можжевеловый, «отец не иначе мог видеть и разговаривать с сыном, как через огонь». Владыка часто пешком ходил в семинарию из Ипатия, «и при кратком обращении, отложив высоту сана, как отец детей убеждал в таком бедствии положиться на волю Отца Небесного».

Вспомним, что это его заказ исполнял Степан Воротилов, когда возводил на кремлевском холме теплый собор с колокольней, по его поручению И. Красовский составлял службу Федоровской иконе Божией Матери... «Епископ Симон так высоко почитаем и любим был публикою, — писал Диев, — что в Пугачевский бунт пастырскою окружною грамотою от 4 августа 1774 года возбудил дворянство всей костромской провинции собраться в Кострому, где оно и составило против возмутителя всеобщее ополчение, оставшееся несобраным именованно только потому, что злодей после этого через полтора месяца был изловлен».

А в 1778 году епископ Симон был перемещен на Рязанскую епархию. Его преемник, Павел

Зернов, не оставил о себе в семинарской среде Преданий. Все продолжалось, как при Симоне, только ветшали деревянные покои на Запрудне, и семинаристам пять лет пришлось дожидаться их починки в Ипатьевском монастыре (с 1798 г.). Завершился ремонт уже при епископе Евгении Романове. Однако дело не в зданиях. Ни одно из епископских правлений не оставило в семинарской истории столь теплой памяти, как Симоново. Наверное, не все было гладко, но промахи его канули в лету, а то, что сохранено для потомства, точнее всего передается строками из семи-

нарской идилии конца XVIII века:

*«Взыграйте, горы, холмы, реки,
Красуйтесь, дол и дрeвеса,
У нас текут златые веки
Небесна льется днесь роса».*⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

¹М. Диев. Историческое исследование о Костромской стороне... ОР РНБ, Тит 4021.

²М. Диев. Первое столетие Костромской епархии. ОР РНБ, Тит 4013.

³ОР РНБ, Тит 4019.

⁴М. Диев. Ученые делатели Костромского Вертограда. М., 1892.

⁵ГАКО, ф. 432, оп. 1, д. 7, л. 12.

РУССКИЕ ФИЛОСОФЫ О ПРАВОСЛАВИИ

Как неразрывно связана с Костромой судьба династии Романовых, а в ней история самой России, так неразрывно связано с талантливыми костромскими самородками формирование национального самосознания.

В отечественной философии, как и в литературе, имеется понимание общего, единого начала. Если, в основном, литераторы российские вышли из «гоголевской шинели», то многие русские философы «вышли из «Философических писем» Чаадаева. Именно в этом произведении были сформулированы основные проблемы, касающиеся принципиальных вопросов исторического развития Отечества. Впоследствии эти задачи будет решать не одно поколение российских мыслителей, в том числе и костромские Николай Страхов и Василий Розанов.

«Так за царя, за Родину, за веру...» — не просто слова музыкального произведения, а символическое отражение идеалов целой эпохи, за которыми скрыты и теоретические споры по вопросам православия, истинности веры, начиная с момента раскола, и обыденное богохульствование, за которое староверы могли отскакать за бороду.

Выяснение истинности веры, в спорах философов, было выяснением ее крепости. Плохой была бы вера, если под ударом критики могла бы сломаться.

Розанов, в отличие от светски образованного Чаадаева, рассматривал православие, исходя из уровня его понимания в гуще самого народа, видимо сказались родные ветлужские корни. Изучая основы славянской языческой культуры, он пришел к выводу, что в позднем славянском язычестве имелись предпосылки к зарождению новой мировой славянской религии, поэтому он не видел в православии исторических перспектив.

Петр Чаадаев представлял процесс развития христианства как неумолимый и целостный, с момента его зарождения в иудаизме. Православные же таинства и обряды казались ему несвоевременными, требующие упрощения как в католичество, по крайней мере.

Что касается взглядов Николая Страхова на православие, то, очевидно, здесь сыграли самую большую роль уроки закона божьего Костромской духовной семинарии, где учился будущий мыслитель. Православию он не изменил до самой кончины, выступал поборником нравственности и нерушимости православия, развития его в русле традиционной христианской догматики, видел в нем полнокровного преемника византийского греко-кафолического христианства.

Сергей МАКЛАКОВ.

«ДЛЯ БЛАГА И ПОЛЬЗЫ БЛИЖНИХ»

Книгу на Руси читали, сначала рукописную, позже — печатную. Читали и хранили, дорожили наравне с другими сокровищами, передавали по наследству, собирали целые библиотеки — частные, монастырские и соборные, гимназические и училищные с редкими изданиями и книгами для повседневного чтения. Но далеко не каждый желающий мог назваться посетителем или читателем такой библиотеки. Крупные собрания были по карману лишь человеку с достатком. Для небогатых и нуждающихся нужны были публичные общедоступные библиотеки.

Началом их истории можно считать правительственный циркуляр от 5 июля 1830 г. — 50 публичных библиотек должны были открыть свои двери жителям губернских городов, но поскольку предполагалось обеспечивать их существование добровольными пожертвованиями дворянства и купечества, которые не изъявили пока «ни малейшей готовности» содействовать открытию библиотек, постольку исполнение вышеуказанного циркуляра пришлось отложить на четверть века.

Лишь осенью 1855 г. в Костроме на Кинешемской улице (ул. Советская) была открыта общедоступная библиотека и книжная лавка при ней. Владельцем являлся здешний мещанин и переплетчик И.В. Солониковский. Событие это заметили и оценили. «Такое явление... должно составлять истинный праздник для наших любителей чтения, с которым многих и поздравляем от всего сердца. Это мы делаем тем усерднее,

что до сего времени, к сожалению, в Костроме, где до 12 тысяч жителей, не считая губернские учебные заведения — семинарию и гимназию, — не было публичной библиотеки, ни, по крайней мере, порядочной лавки...» — писал автор обзора городских событий «Осень в Костроме», помещенного в «Костромских губернских ведомостях».¹

В основном, в библиотеке были книги русских авторов поэзия, беллетристика, богословские сочинения, учебная литература. Желающие находили и переводные издания лучших романистов Запада. В следующем, 1856 г., при библиотеке Солониковского открылась зала для чтения газет. Среди прочей прессы были «Московские» и «Петербургские ведомости», «Русский инвалид», «Северная пчела».

Вторая «библиотека для чтения» в Костроме появилась лишь в 1859 г. и связана с именем госпожи Штенкебург. Состояла она из «2000 книг, из которых 1200 русских, 400 французских и 400 немецких...»² А в 1861 г. в Костроме — уже три библиотеки, насчитывающие до 9000 книг и три книжные лавки, к сожалению, как отмечает редактор «Костромских губернских ведомостей» Н.А. Полушин, «снабженных довольно плохой литературой».³ Число подписчиков в каждой библиотеке не превышало 60, т.е. не более 180 человек на губернский город.

Один из авторов этой газеты объясняет столь малое число читателей тем, что «более образованный класс города Костромы сам выписывает достаточ-

ное количество книг и журналов, а, что касается среднего сословия: купцов и мещан, то сии последние боятся глубины премудрости, а потому, во избежании соблазна, и удаляются от печатного слова».⁴

Третьей библиотекой был открытый в 1861 г. по инициативе студентов высших учебных заведений, уехавших на учебу из Костромы, общественный кабинет для чтения «12 января», названный так в честь годовщины основания Московского университета.

Впоследствии заведующий кабинетом П.Е. Лаговской пишет, что толчком к созданию его послужил «недостаток такого рода учреждений, где бы всякий, даже и нуждающийся в средствах безбедного существования, мог удовлетворить возрастающую потребность в чтении».⁵

Чтобы осуществить свою задачу молодежь устраивала благотворительные литературные вечера, концерты, спектакли. Была открыта подписка. Средства шли на покупку книг, выписку газет и журналов. Читатели вносили определенную плату за пользование библиотекой — годовая подписка для городских жителей стоила 3 рубля и считалась умеренной.

Из подписных денег часто и складывался бюджет читален, в силу своей мизерности не позволяющий расширять библиотечное дело. На это с беспокойством указывал П.Е. Лаговской опасаясь, что вскоре кабинет для чтения «ожидает общая участь всего, что задумывается для блага и пользы ближних...», т.е. разорение и закрытие.

Но, несмотря на неизбежные материальные трудности, общедоступные библиотеки не прекратили своего существования. В это же время в публичные преобразовываются библиотеки, основанные при уездных училищах. Так было, например, в Макарьево. Первые посторонние читатели пришли в училище в 1863 г. В их распоряжении находилось 550 томов 354 наименований, выписывались газеты и журналы: «Учитель», «Натуралист», «Чтение для юношества» и другие.⁶

Брали книги в библиотеке люди разного достатка и положения. На первом этапе любопытство к новому делу проявили дворяне и «чиновники занимающие более или менее важные места». В 1865 г. из пятидесяти посетителей макарьевской библиотеки более половины уже являлись мелкими чиновниками и купцами. Наибольшей популярностью у читателей среднего класса пользовались сочинения Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Ю.В. Жадовской, В. Крестовского, М.Е. Щедрина, А.Н. Островского, Г.И. Успенского. Среди наиболее читаемых журналов были «Отечественные записки» и «Искра».

Читали, конечно, не только художественную литературу, хотя из 2772 экземпляров периодических изданий, выписываемых жителями губернии, в 1867 г. 1160 приходилось именно на частные литературно-политические издания. Специальной литературы выписывалось гораздо меньше — 150 экземпляров,⁷ но из года в год ее количество увеличивалось.

В 70-е и 80-е годы наблюдалось заметное увеличение народных библиотек и читален. Публичные библиотеки в городах создавались, по преимуществу, городскими думами и земствами. Костромское земство с середины 90-х годов ежегодно выделяло на библиотеки по 3 тыс. рублей.

Но особенно бурный рост числа библиотек пришелся на конец XIX — начало XX века. Газета «Костромской листок» за 1900 г. заполнена сообщениями об открытии народных читален, проведении народных чтений с туманными картинками, объявлениями о проведении в народных читальнях Костромы (им. А.Н. Островского и А.С. Пушкина) лекций, спектаклей.

«Перед началом чтения будет играть оркестр музыки Красин-

ского батальона. В читальне производится продажа лучших книг и картин».

«В воскресенье, 9 января, в здании народной читальни им. А.Н. Островского (на пополнение народных библиотек г. Костромы) местными любителями драматического искусства дан будет спектакль», — вот такие печатались объявления и привлекали потенциальных читателей и зрителей, количество которых постоянно увеличивалось.

На Федоровской ярмарке. 1908 г.

За три месяца со дня открытия Пушкинской библиотеки в конце 1899 г. число ее подписчиков достигло 330 (вспомните: в 1861 г. — 180 читателей на всю Кострому).

«Труд по выдаче книг несет... молодежь, по преимуществу женская, и... безвозмездно», — сообщает «Костромской листок».

Открывались бесплатные народные библиотеки-читальни в селах при волостных правлениях или народных училищах. Библиотекарями назначались преподаватели этих училищ, писари волостных правлений, священники, кандидатуры которых не вызывали сомнений в благонадежности. Их обязанности не ограничивались простой выдачей литературы. Случалось, отслужив вечерню, священник вместе с пастырой направлялся в классную комнату церковно-приходской школы, свободных мест в которой не оставалось. Здесь проходили чтения из Священного писания с показом «туманных картин», нравоучительных повестей и житий святых. Слушателей никто не заставлял сидеть в тесноте. Им было интересно. Бывало, что жители соседних сел, у которых не было своих читален, просили прийти и к ним в село — почитать.

Начинали работать народные библиотеки только с благословения канцелярии губернатора и по уставу, одобренному им. Но первый шаг делался все же на сходах крестьян. Именно здесь решали — нужна библиотека или нет. Вот выдержка из «Приговора схода крестьян Новоуспенской волости Ветлужского уезда»:

«1899 года марта 4 дня... между прочим, обсуждали вопрос о желательности открыть в здании волостного правления бесплатную народную читальню, принимая во внимание, что грамотные у нас, наши дети, вышедши из школы, да и все мы

почти лишены всякой возможности прочесть что-либо или услышать полезное для нас и наших селений, ввиду неимения читален и народных библиотек и достаточных средств на покупку книг. Благодаря чему наши грамотные иной раз забывают даже читать. Свободные же от занятий время совершенно бесполезно проходит даром. Молодое поколение сходится в общие шайки, занимается разными неодобрительными делами, от чего год от года нравственность его падает, каковые явления... крайне тяжело отзываются и на нас самих. Постановили: ходатайствовать перед начальством об открытии в здании нашего волостного правления бесплатной народной читальни, на что отчислить оставшиеся от 1898 г. и 1899 г. ... 41 рубль 49 копеек и из мирского капитала 100 рублей».⁸

По «ведомости книжным магазинам, лавкам и библиотекам в г. Костроме на 1 июля 1910 г.»⁹ числилось семь публичных библиотек, библиотеки при гимназии и дворянском пансионе для своих учеников, книжный магазин в Гостином дворе, несколько книжных киосков, книжный склад губернского земства «Костромич», типография на Русиной улице.

Сейчас библиотеки в нашем городе общедоступны, хотя проблем с их содержанием не меньше.

И вот уже почти 140 лет приходят к их дверям все новые и новые читатели в поисках книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Костромские губернские ведомости» (КГВ). — 1855 г. — № 48. — 3 дек.

² КГВ. — 1859 г. — № 3 — 17 янв.

³ КГВ. — 1861 г. — № 35. — 9 сент.

⁴ Там же.

⁵ КГВ. — 1862 г. — № 6. — 10 фев.

⁶ КГВ. — 1865 г. — № 12. — 20 марта.

⁷ КГВ. — 1868 г. — № 42. — 26 окт.

⁸ ГАКО. ф. 133, оп. 2, т. 10, д. 13370, л. 3.

⁹ ГАКО. ф. 133, б. ш. № 1882.

Елизавета Дьяконова:

«ДОМОЙ, В НЕРЕХТУ!»

«Домой, домой, домой!», — раздаётся во всех углах и закоулках, гитаётся на лице берковой воспитанницы... «Да, — размышляет классная дама, стоя у окна фортышара для наблюдения над сборами воспитанниц, — домой, конечно, приятно отсюда уезжать недели на две; а что меня ожидает там, в родном чудном городке?» И в ее воображении мелькает неопрятная грязная квартирка, в которой живет слепая старушка мать, темные, голые стены. Приедешь — слез от грязики квартиры за глаза, слезы, проливши, все это нужно оплатить, нужно к празднику что-нибудь купить, а жалованье не велико: всего 15 рублей в месяц. — Вот стает ли денег-то на чистую, тяжело вздыхая, размышляет она: а ведь книга себе шубу, кашоши купила, — немного осталось. И тут еще, наверное, от берковой воспитанницы письмо придет: Христом Богом прошает к празднику хоть три рубля прислать. Как тут откажешь? А пошлешь — нельзя будет ничего лишнего к празднику купить... И все весело! — злобно улыбается классная дама, поглядывая на воспитанницу: — Все молодые, счастливые; а мне никогда не быть уж такой, — говорит что-то внутри ее. И вдруг у нее является желание огорчить этих веселых, смеющихся девочек, наказав их тем-нибудь, отравить им счастливые минуты. «Что вы расшумелись, сию минуту все из фортышара!» — прикрикивает она на них. В ответ раздаётся жалобный голос, еще более раздражающие классную даму. «За что ты наказала сейчас этих девочек?» — спрашивает ее какой-то внутренний голос. И она нервно стискивает руки, стараясь не слышать этого веселого смеха и шума. А кругом — так кипит и шумит молодая, веселая, беззаботная жизнь, всем весело, всем, лишь у нее одной на сердце тоска страшная, безысходная. — Домой, домой!

О ПАПКЕ ДЛЯ ГРАФА И ДРУГИХ ПОДРОБНОСТЯХ

В 1744 году в Москве родился Алексей Иванович Мусин-Пушкин. Впоследствии это имя в списках высших сановников екатерининского царствования будет стоять на одном из первых мест. Как обер-прокурора святейшего Синода, президента Академии Художеств, сенатора, знают Мусина-Пушкина специалисты-историки по XVIII веку, а по открытию и опубликованию бесценного «Слова о полку Игореве» «любитель древностей российских» прочно вошел в историю русской литературы.

В судьбе владельца одной из самых знаменитых в России библиотек, члена Российской Академии Наук тесно переплелись две линии — сановника и ученого. Для большинства людей это, как правило, взаимоисключающие ипостаси. Для графа А.И. Мусина-Пушкина они стали счастливым сочетанием, обогатившим нашу историю и литературу.

Юбилейные мероприятия, посвященные 250-летию со дня рождения выдающегося деятеля отечественной культуры прошли летом этого года в ряде городов нашей страны, связанных с историей рода Мусиных-Пушкиных: в Москве, Петер-

бурге, Ярославле, Рыбинске. В торжествах помимо многочисленных исследователей-историков, филологов, культурологов, музейных работников принимали участие около 30 потомков различных ветвей семейства А.И. Мусина-Пушкина из Франции и Бельгии, США и Австралии и даже далекой африканской Замбии. Особое место в череде праздничных событий занимал Рыбинск. В этом небольшом провинциальном городе находилось несколько имений Мусиных-Пушкиных. Сразу после Петербурга иностранные гости направились в родные места на международную конференцию «А.И. Мусин-Пушкин и его потомки в истории России. Проблемы сохранения наследия рода». Одним из участников конференции была Елена Васильевна Сапрыгина, известный костромской краевед. С ней беседует научный сотрудник музея-заповедника Павел Корнилов.

— *Каким образом Вам удалось стать участником столь незаурядного события?*

— У меня давний интерес к старинному дворянскому роду Мусиных-Пушкиных, но активного выхода до последнего вре-

мени он не имел. Еще в 1991 году на международной конференции по генеалогии, проходившей в Петербурге, я слушала доклад о роде Мусиных-Пушкиных, подготовленный научным сотрудником Рыбинского музея-заповедника, а потом долго обсуждала его с докладчиком. По-видимому, тот давний наш разговор не был забыт и оргкомитет праздника прислал мне именное приглашение на торжество.

Работа вылилась в сообщение «Графы Мусины-Пушкины по материалам Государственного Костромского областного архива».

До начала конференции удалось просмотреть только десять фондов архива, но собранной информации, крайне содержательной, хватило бы не на одно выступление. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить сотрудников архива за бесценную помощь в работе.

— *Встречались Вы на конференции с интересными людьми?*

В памяти остались встречи с И.В. Сахаровым — директором института генеалогии при Российской национальной библиотеке в Петербурге (кстати, давнишним другом А.А. Григорова), а также А.В. Краско — науч-

ным сотрудником вышеназванного института, с академиком С.О. Шмидтом. Нельзя, конечно, не сказать о многочисленных зарубежных гостях, представленных нам графом Андреем Андреевичем Мусиным-Пушкиным, который организовал большую семейную поездку в Россию как ближайших родственников, так и представителей других фамилий большого семейного клана: Апраксиных, Кочубеев, Котляревских...

С графом Андреем Андреевичем состоялся очень содержательный разговор во время поездки на место бывшей усадьбы Иловна, затопленной водами Рыбинского водохранилища. Дело в том, что в костромском музее изобразительных искусств имеется рисунок В.А. Серова, на котором изображена молодая женщина, некая В.В. Мусина-Пушкина. Кроме имени о ней почти ничего не было известно. Граф, издавший в Париже большую монографию о своем роде, мог иметь сведения о серовской модели. Я обратилась к нему с этим вопросом, и он дал весьма обстоятельный ответ. В разговоре выяснилось, что в книге графа недостаточные сведения о костромской ветви Мусиных-Пушкиных, разработанной мною для конференции. Пришлось подарить ему папку с материалами.

Пароход, на котором мы плыли, остановился на месте затопленной усадьбы Иловна. Здесь над родовой усыпальницей Мусиных-Пушкиных состоялась панихида и на воду был спущен веночек из живых цветов.

Местный священник отслужил панихиду. Вся церемония произвела на присутствовавших очень сильное впечатление. Усадьба под водой; что может быть красноречивей этого символа — трагического символа навсегда ушедшей эпохи.

— Не возникало ли у Вас при этом ассоциации с нашим костромским краем?

— Безусловно возникали такие ассоциации и не единожды. У нас существует также масса исторических деятелей, связанных географически, через усадьбу, с костромской землей: Катенины, Селифонтовы, Писемские, Бирюковы, Корниловы, Купреяновы, те же Мусины-Пушкины. Поэтому встает вопрос о состоянии бывших дворянских усадеб нашей области. Дворянская усадьба — уникальное величественное и противоречивое явление отечественной истории и культуры. Она не только была. Она есть в ущерб-

ном, убогом, запущенном и почти не востребованном состоянии. Это остатки усадебных построек, парки, коллекции музеев и библиотек. Это живые наследники дворянских родов в России и за рубежом. Наша задача, тех, кто не по крови, а по духу, по профессии наследует это богатство: исследователей, музейщиков, историков, искусствоведов, реставраторов, и тех, кто просто живет, учится, работает сейчас в этих усадьбах, — сделать все от нас зависящее, чтобы эти исторические места были ухожены, облагорожены, хранили память о прошлом, чтобы в них мог достойно пребывать наш современник.

ГРАФЫ МУСИНЫ - ПУШКИНЫ И КОСТРОМСКОЙ КРАЙ

Род Мусиных-Пушкиных отпочковался от древней фамилии Пушкиных, что было неизвестно нашему великому поэту, который писал: «Мы ведем свой род от прусского выходца Радши или Рачи, выехавшего в Россию во времена княжества святого Александра Ярославовича Невского. От него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Каменские, Бутурлины, Кологривовы...»

И в самом деле, потомок Радши в десятом колене — Михайло Тимофеевич Пушкин, по прозвищу Муса, стал родоначальником Мусиных-Пушкиных. Многие представители этой славной фамилии оставили заметный след в отечественной истории, культуре и науке. Но это произошло не сразу. Род Мусиных-Пушкиных сумел возвыситься лишь в конце XVII века в лице Ивана Алексеевича, породнившегося с патриархом московским Иоакимом Савеловым, путем женитьбы на его племяннице. Как мог сын комнатного стольника царя составить столь блестящую партию? Может быть верны глухие слухи о том, что он был внебрачным сыном царя Алексея Михайловича и сводным братом Петра Первого? По крайней мере блестящая карьера Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина не идет вразрез этой версии.

Когда юноша вырос, то находился при Петре Великом сперва боярином и начальником монастырского приказа, потом президентом камер-конторы и статс-конторы; при учреждении в 1711 году Сената стал первым сенатором и был возведен Петром Великим 16 февраля 1710

года в графское достоинство. Он стал родоначальником первой графской отрасли Мусиных-Пушкиных, угасшей в 1836 году. Свой титул граф Иван Алексеевич передал детям: от

Граф Валентин Платонович Мусин-Пушкин

брака с Савеловой он имел двух дочерей — Клеопатру да Елизавету и четырех сыновей — Александра, убитого в Полтавском бою, Аполлоса, умершего подростком, и более удачливых Платона и Эпафродита, имевших потомство и образовавших две основные линии первой графской отрасли Мусиных-Пушкиных.

Граф Иван Алексеевич владел большими имениями в различных губерниях России, в том числе и в Костромской. По ревизским сказкам 1719 года село Бушнево Чухломского уезда с шестьюстами сорока пятью душами мужского пола и двадцатью деревнями принадлежало сенатору, тайному советнику

графу Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину и числились за ним еще в 1737 году. До него селом владел думный дьяк Томило Луговской с потомками.

Село Бушнево стояло на торговом тракте из Новгорода в Сибирь и славилось большими базарами и архитектурой церквей. Оно приносило значительный доход хозяину и тот заботился о своей вотчине, что нашло отражение в ряде источников. Так в первом выпуске «Материалов для истории костромской епархии...» (Кострома 1895) приводится следующий документ:

«1730 года мая 26 граф Иван Алексеевич Мусин-Пушкин в Синодальный приказ писал: «в вотчине у меня имеется в Галицком уезде село Бушнево, а в той моей вотчине в давних годах построена церковь деревянная во имя святителя и чудотворца Николая, и она церковь обветшала, в которой за обветшанием литургии служить невозможно, а ныне я по обещанию своему, на месте оной той церкви, наготовя лесу, велел построить вновь церковь во имя ж святителя и чудотворца Николая и прошу для строения той церкви дать мне благословенную грамоту, также и для освящения той церкви... антиминос выдать».

9 июля 1730 года Святейший Синод дал предписание благословить строение церкви и дал указ о выдаче антиминоса.

Спустя десять лет означенная вотчина графа Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина была отписана в дворцовое ведомство по обвинению его и его сына причастными в государственном преступлении по делу Волын-

ского, после чего она стала называться Бушневской дворцовой вотчиной.

Сын Ивана Алексеевича — граф Платон Иванович Мусин-Пушкин служил при императрице сенатором и президентом коммерц-коллегии, являлся «конфидентом» Артемия Петровича Волынского, участвовал в заговоре, из-за чего финал его жизни был трагичен.

Ранним июньским утром 1740 года толпы народа стекались к Сытному рынку, близ Петропавловской крепости, к месту публичных казней. Шепотом назывались имена важных злодеев: кабинет-министра Артемия Петровича Волынского, гофинтенданта Петра Михайловича Еропкина, обер-штеркригс-комиссара Федора Ивановича Соймонова, советника берг-коллегии Андрея Федоровича Хрущева, президента коммерц-коллегии графа Платона Ивановича Мусина-Пушкина и нескольких других русских людей, «фамильных», дерзнувших открыто выступить против фаворита императрицы герцога Бирона.

В восьмом часу утра выведены были из Петропавловской крепости Волынский и прочие осужденные, кроме графа Мусина-Пушкина. Он, страдавший подагрой, не был возводим на эшафот: ему «урезан» язык в крепостном каземате. Начали казнь с Волынского. Правая рука кабинет-министра, вывихнутая дыбой на пытке, висела без движения, рот был закрыт толстой холщевой перевязью, через которую струилась кровь: в крепости у Волынского был вырван язык. Сперва отрубили правую, вывихнутую руку, затем голову. Вслед за ним были обезглавлены Хрущев и Еропкин. Остальных наказали кнутом и отправили в ссылку (графа Мусина-Пушкина в Соловецкий монастырь). Тела казненных отвезли на Выборгскую сторону и захоронили без церковной церемонии в ограде

церкви Самсония Странноприимца, построенной Петром Великим в память Полтавской победы, и престольный праздник которого отмечался именно в день казни заговорщиков.

Оппозиционное правительственное движение зародилось в недрах дружеского окружения Волынского. К концу 1730-х годов этот кружок очень разросся, в него входило более тридцати лиц различного общественного положения: кроме упомянутых членов

Графиня Прасковья Васильевна Мусина-Пушкина

туда входили историк Татищев, Нарышкин (брат первой жены Волынского), известный князь Антиох Кантемир, генерал-лейтенант Урусов и другие. Конфиденты Волынского часто собирались в его доме на Мойке. В дружеских разговорах, тянувшихся иногда до полуночи и позже, высказывались мысли о будущем, обсуждались и осуждались правительственные мероприятия, критиковались правители-немцы (Бирон, Остерман) и русские, исполнявшие роль шутов при дворе Анны Иоанновны. На вечерах Артемия Петровича также читались и обсуждались политические и исторические сочинения, а также проекты, составленные самим Волынским при участии Еропкина, Соймонова и Хрущева.

Пользуясь удобным случаем,

Волынский однажды подал императрице челобитную, в которой говорил о необходимости удалить Бирона. Узнав об этом, мстительный фаворит решил погубить патриота.

Волынский был арестован 12 апреля 1740 года, затем аресты пошли один за другим, причем простирались на родственников, знакомых и даже прислугу частных к делу лиц. Образовалась следственная комиссия из семи человек. Пятого и шестого июня были пытаны Еропкин, Соймонов и граф Мусин-Пушкин. На вопрос почему они не донесли на Волынского, все, за исключением графа Мусина-Пушкина, сказали «из боязни его». Один граф храбро объяснил, что «не донес потому, что не хотел быть доводчиком».

19 июня тайное собрание вынесло следующий приговор:

1. Волынского, как начинателя всего злого дела, живого посадить на кол, вырезав предварительно язык.

2. Хрущева, МУСИНА-ПУШКИНА, Соймонова и Еропкина — четвертовать и затем отсечь им головы.

3. Имения всех осужденных лиц конфисковать.

4. Двух дочерей и сына Волынского, как лиц, которые могли бы занять императорский русский престол, сослать в вечную ссылку.

Однако, 23 июня последовал высочайший указ, смягчивший казнь осужденных, и она состоялась в том порядке, о котором говорилось выше. Согласно приговору генерального собрания все движимое и недвижимое имение осужденных конфисковано в пользу казны. Любопытно, что на это имущество сразу же нашлись охотники. 16 июля 1740 года в императорский кабинет поступило челобитье от генерал-прокурора князя Трубецкого «чтоб для его недостатков и самой крайней нужды пожаловать ему в вечное и потомственное владение двор из конфискованных ныне Плато-

на Мусина-Пушкина, что на Мойке, или который указано будет».

Конфискованные коллекции книг, монет и медалей Волынского, Платона Мусина-Пушкина и Андрея Хрущева описывались и разбирались для передачи в Академию Наук.

Дело Волынского произвело огромное впечатление как на его современников, так и на представителей следующих поколений. Патриоту и борцу против иноземных тиранов Волынскому посвятил свою «Думу» лидер декабристского движения К.Ф. Рылеев, повторивший впоследствии трагическую судьбу своего героя.

*Стран северных отважный сын,
Презрев и казнь и Бироном,
Дерзнул на пришлеца один
Всю правду высказать пред троном.*

*Открыл царице корень зла,
Любимца гордого пороки,
Его ужасные дела,
Коварный ум и нрав жестокий.*

*Свершил, исполнил долг святой,
Открыл вину народных бедствий
И ждал с бестрепетной душой
Деянью правому последствий...*

*Проник — и, осенясь крестом,
Сказал он: «За тебя, свобода!»
И к месту казни с торжеством
Шел бодро верный друг народа.*

*Притек... увидел палача —
И голову склонил без страха.
Сверкнуло лезвие меча —
И кровью освятилась плаха!*

*И хоть падет — но будет жив
В сердцах и памяти народной
И он и пламенный порыв
Души прекрасной и свободной.*

*Славна кончина за народ!
Певцы герою в воздаянье,
Из века в век, из рода в род
Передадут его деянье!*

И действительно, легенды о Волынском и его «конфиден-тах» передавались как изустно, так и посредством литературы. В 1835 году в Москве вышел отдельным изданием роман Ивана Лажечникова «Ледяной дом» и имел небывалый успех. Автор так описывал обществен-

ный резонанс, в связи с выходом произведения в письме В.Г. Белинскому: «...скажу Вам как человеку, который меня любит,— я в этом уверен,— что в Петербурге мой «Ледяной дом» имел успех, какого еще не имел на Руси ни один роман: у Самсоньевского кладбища, где похоронен Волынский, был постоянный съезд карет; памятник над могилой Волынского весь исписан стихами — к счастью, как пишут, не пошлыми, — и молодые люди, разбив мрамор-

Граф Василий Валентинович Мусин-Пушкин

ную вазу (из этого памятника), уносят кусочки, как святыню...»

Такое почитание было вызвано не только романтическим ореолом борца-мученика, но и историческими параллелями. При дворе Александра I и Николая I, как и при дворе Анны Иоанновны, толпились немцы и другие иноземцы, сильно влиявшие на государственную политику. Дворянская молодежь, особенно гвардейская, во время веселых кутежей часто шла на открытые стычки с немцами. Известно, что в таких потасовках участвовал и молодой А.С. Пушкин вместе со своим преобразованным другом Павлом Катениным. Последний был хорошо знаком и дружен по гвардии с Владимиром Алексеевичем Мусиным-Пушкиным, сыном известного ученого-археолога, открывшего и опубликовавшего «Слово о полку Игореве». В число хороших знакомых П.А. Катенина входил

также и Василий Валентинович Мусин-Пушкин (1775 — 1836), высокопоставленный вельможа и заядлый театрал. В июле 1832 года тяжелобольной П.А. Катенин приехал на дачу Мусина-Пушкина (что на Петергофской дороге) и хозяин не отпускал гостя до тех пор, пока тот не выздоровел. Там, на даче, больного друга навещал А.С. Пушкин, о чем позднее писал в своих воспоминаниях о поэте уже пожилой Катенин. «Три дела были необходимо нужны,— вспоминал он о том времени,— вылечиться, напечатать свои стихи и снова вступить в службу; в первом помог граф Василий Валентинович Мусин-Пушкин-Брюс, во втором Николай Иванович Бахтин, в третьем Владимир Федорович Адлерберг».

Разумеется, П.А. Катенину, как и другим хорошим знакомым графа, была известна история его рода. Отец Василия Валентиновича — Валентин Платонович в пятилетнем возрасте остался без отца, сосланного в Соловки по делу Волынского. Воспитывала его мать Марфа Петровна, урожденная княжна Черкасская. На тринадцатом году он был записан в лейб-гвардии конный полк и дослужился до чина ротмистра, но в день коронации Екатерины II (в 1762 г.) отличился, был пожалован чином камер-юнкера и его карьера пошла по придворной линии. Через семь лет он стал камергером, а служил во 2-й армии под началом тестя своего Долгорукого, завоевавшего Крым. Граф Валентин Платонович отличался необыкновенной честностью, прямотой и твердостью характера. Екатерина на его не любила, но официально должна была его награждать: к концу ее царствования Мусин-Пушкин был вице-президентом в военной коллегии и кавалером всех русских орденов. При Екатерине II граф дослужился до чина генерал-аншефа, а при императоре Павле I пожалован в фельдмаршалы. Среди его обширных земель-

ных владений числилась и недвижимость в Нерехтском уезде Костромской губернии, полученная, скорее всего, благодаря женитьбе на дочери князя В.М. Долгорукова — Прасковье Васильевне. Кроме того Екатерина Великая за отличие возвратила ему часть имений отца, а также дала вновь шестьсот душ крестьян. В число имений, принадлежавших ранее Пллатону Ивановичу Мусину-Пушкину, входила также вотчина села Исупова с деревнями, находившаяся в Андомском стане, близ Чистого Болота, в семи верстах от Домнина, где по преданию погиб Иван Сусанин. Однако по межевым книгам, обнаруженным в ГАКО, это имение числилось не за Валентином Платоновичем, а в 1774, 1775 и 1776 годах принадлежало лейб-гвардии поручику, графу Ивану Платоновичу Мусину-Пушкину (не брату ли фельдмаршала?). Граф В.П. Мусин-Пушкин имел единственного сына Василия Валентиновича Мусина-Пушкина-Брюса. Приращение к его фамилии произошло в результате женитьбы на единственной дочери последнего графа Брюса. По указу Павла I 18 ноября 1796 года граф Мусин-Пушкин присоединил к имени своему знаменитое

имя Брюса. Екатерина Яковлевна Мусина-Пушкина, урожденная Брюс, скончалась в 1829 году. Ее овдовевший супруг искал утешение в своей давней привязанности к театру. Будучи человеком свободным, он позволил себе одну слабость: близко сойтись с оперной примадонной Нимфадорой Семеновой — родной сестрой известной драматической актрисы. Сравнительно скоро они поселились в его большом петербургском доме, славившемся своим хлебосольством. Однако из-за неравного социального происхождения их брак не мог быть осуществлен. Граф Мусин-Пушкин-Брюс скрывал еще одну потайную жизненную грань: он входил в состав масонской ложи, причем не рядовым членом, а в звании Великого Мастера.

Умер граф 5 апреля 1836 года и погребен под Сергиевой церковью Симонова монастыря, рядом с родителями, в память которых оставил капитал для строительства придела во имя святых мучеников Валентина и Прасковьи, а также в честь святого блаженного Василия. С кончиною Василия Валентиновича Мусина-Пушкина-Брюса пресеклась старшая ветвь графской отрасли этого рода.

Село Бушнево Чухломского уезда

Имеем сообщить

ДВА АЛЬМАНАХА

В самом первом номере, два года назад, «Губернский дом» напоминал своим читателям о том, что журнально-издательская деятельность в Костроме в конце XIX — начале XX веков была вполне успешной и весьма показательной. Несколько журналов издавалось в губернном центре, выходили культурно-просветительские издания также и в некоторых уездах. Добрые традиции провинциальной культуры и просвещения почти век спустя начинают постепенно возрождаться, и еще одно свидетельство тому — недавний выход в свет двух альманахов: историко-краеведческого в Красном-на-Волге и литературного в Галиче. Новые издания могут только порадовать любознательного читателя. Статьи научных сотрудников историко-архитектурного музея-заповедника Павла Пушкина «Курганы раскрывают тайны» и Майи Лапшиной «Красносельское восстание: легенда и факты» в «Красносельской старине». Стихи Сергея Потехина, повесть Олега Каликина, рассказы Евстолии Прокофьевой в «Галичанине»... Наверное, содержание обоих изданий объединяет поэтическая мысль, выраженная известным поэтом Виктором Лапшиным в стихотворении «Галичу»:

*Грядущим днем озарена
Поэт озерная волна,
И рощи осеняют нивы,
В лазурь холмы вознесены,
Тобою, Галич, мы славны,
Тобою, родина, мы живы!*

Тобою, Галич, Кострома,
Нерехта... Тобою, тихая наша
родина...

Альба Туссаковская

Туссаковская

КОРОБКА

Повесть

у и хватит о прошлом и предках. Более или менее с ними все ясно, а глубже не копнуть: мама уничтожила все письма. Не понимаю, каким образом фотографии уцелели?

Так или иначе, возвращаюсь в мир собственного детства.

Вопрос без ответа: почему моего сангвинического деда неодолимо влекло все, что связано со смертью? Гробовая поэзия Надсона и Жуковского, кладбище, в качестве любимого места прогулок со мною? Сквозь жизнь его пролегла непонятная мне, малышке, трещина. Другим она, быть может, и не была так уж заметна, но наедине со мною он становился самим собой и давал волю скрытой печали...

Мне на кладбище нравилось. Вольно шумели березы, пели птицы, на забытых могилах наливалась дикая земляника. И редко когда повстречаешь человека, чаще всего старушку в бессрочном черном платке.

Именно тогда, в годы первой пятилетки, люди начали забывать о своих ушедших.

Ключевое воспоминание. На переломе весны к лету мы бредем среди могил по высокой, еще нежно-шелковистой траве. Медово свищет иволга. Мир вокруг нас кроток и тих. Дед читает «Двенадцать спящих дев» Жуковского. Я знаю эту балладу, очень ее люблю. Но больше всего мне нравится добрый конец: «И дышит ветерок окрест, как дух бесплотный вея; и обвивает светлый крест прекрасная лилея».

В ту секунду, когда глубокий низкий голос деда произнес эти слова, я совершенно ясно увидела, что древний покосившийся крест на чьей-то забытой могиле оплели стебли, похожие на вьюнок, а с них грустно опустились долу

белые колокольцы цветов. Повеяло густым, почти осязаемым, никогда не встречавшимся мне доселе, ароматом. Лишь годы спустя я узнала, что лилии пахнут именно так.

— Дедушка! Смотри! Лилея! — воскликнула в восторге. Он оглянулся недоуменно:

— Где? Это? Какая же это лилея — вьюнок...

Но я-то продолжала видеть еще несколько секунд удивительные белые цветы...

Затем перехватило дыхание и явилось ощущение мгновенного падения с огромной высоты. Березы, крест, сама земля словно бы шатнулись... и встали на место такими же, как всегда. Стрелолистый вьюнок со свернутыми жгутиком по случаю полдня розовыми цветами даже и не напоминал ничем только что виденную красоту. И пахла его цветы горьким миндалем.

В тот день впервые приоткрылась для меня дверь... я и сама не знаю — куда? В другое измерение? Но с тех пор и до сегодняшнего дня я изредка вижу то, что недоступно другим. И увиденное всегда упоительно прекрасно.

Мне кажется: это страна наших несбывшихся желаний. В неведомом далеке они все осуществляются. Дверь в волшебную страну изредка приоткрывается, как утешение лишь для тех, кто в здешнем мире лишен драгоценнейшей радости исполнения желаемого страстно.

...Я росла среди непонятных звуков. Обо всем, что меня не касалось, взрослые говорили по-французски или по-немецки.

Учить меня с младенчества иностранным языкам не захотела мама. Она лелеяла несбыточную мечту воспитать меня «простой советской девочкой». И не понимала, что это невозможно уже потому, что меня окружали отнюдь не «советские» вещи, а обломки бывшего благополучия семьи, что в мою жизнь с младенчества вошел Гомер, а береза была для меня еще и «бетула альба».

Каким образом и когда я выучила латынь — не знаю. Вероятно, привыкшая к латинским наименованиям растений, мать машинально называла

Продолжение.

Начало «Г. Д.» № 2/94, № 4/94.

их по латыни, показывая мне... Знание это осталось со мною на всю жизнь. Мог бы остаться и французский язык, но...

Мама была человеком сильным, сдержанно-страстным, мятущимся. Таким натурам необходима вера — все равно во что.

В ранней юности она горячо верила в Бога. Пела в гимназическом церковном хоре, плакала в храме при ангельских звуках «Свете тихий».

Бог не сохранил мира ее юности, и она отрицала Его, всей душой приняв революцию.

С тем же упоением теперь она вместе с ребятами в школе распевала «Сергий поп! Сергий поп! Сергий дьякон и дьячок! Вся деревня, вся деревня Серегеевичи!» Ходила на строительство народной библиотеки, на расчистку развалин взорванных церквей. Она захлопнула дверь в минувшую жизнь раз и навсегда и хотела, чтобы я принадлежала только дню сегодняшнему.

Но при всем том, увлеченная общественной работой, занималась мною мало, передоверив мое воспитание дедушке и бабушке.

Бабушка крестила меня, но не Ольгой, а Еленой — ей это имя нравилось больше. Пыталась и ко мне, худосочной малоежке, применять свой метод насильственного укармливания, но безвредно, ввиду почти полного отсутствия продуктов. Я бы, вероятно, не выжила в те голодные годы, если бы не Торгсин. Мама позже шутила, что я в детстве «съела все серебряные ложки, для счастья ни одной не осталось».

Дед, помимо чтения загробных стихов, рассматривал вместе со мною картинки в «Ниве», комментируя увиденное без скидки на возраст. Кровавые битвы, заговоры, никого не жалеющих нахлест народных бунтов — история входила в мое сознание во всей своей неприкрытой жестокости и безнадежности.

А детским чтением был дореволюционный журнал «Светлячок», с памятным перлом: «Изю всей цыплячьей роты Пик, цыпленок желторотый, лучший рядовой. Обращался с ним всех строже генерал, цыпленок тоже, петушок лихой...» Далее там требуется спеть «Ку-ка-реку!» Но Пик отвечает сконфуженно: «Я ведь курочкой родилась, эдак не могу!» Имелась там и сентиментальная повесть о детстве Михаила Романова и... достаточно всякого иного, вполне антисоветского, вздора.

Дополнительно ко всему по воскресеньям к нам, раз в две недели, сползало общество, которое дед называл «обломками империи». Пили чай и играли в «ма-джонг». Игру эту дед вывез с русско-японской войны.

Приходил елейный, с масляными глазками, Первицкий, бывший дедов секретарь и домовладелец (тоже бывший теперь). Чахоточного вида, а на самом деле отменного здоровья человек, скрипач Чижевский, который, если общество пожелает музицировать, с чувством исполнит все ту же «Сентиментальную серенаду» Чайковско-

го. Рано поседевший, ушибленный революцией Трухин, чей старший сын, уже упоминавшийся Федор, делает блестящую карьеру в Красной Армии, что отца пугает. Бывший учитель гимназии Незвецкий — смешной кривоножка и, опять же бывший, протоиерей Иоаким, а ныне безбожник Аким Венедиктович с хитрющим взглядом умных пороссячьих глазок из-под белой навеси ресниц. Бывали и иные лица.

Особенно мне нравилась сухоощая, иконолика барыня, с которой приходила маленькая черная собачка Горошинка. Одно было плохо: от барыни всегда до обморока дурно пахло.

Лишь взрослой я узнала, что таким образом она выражала свой протест советской власти: «Меня лишили прислуги. Пальцем о палец не ударю, чтобы обслужить себя!» Новые ее соседки, простые бабы, ошалев от барского духа, примерно раз в месяц вытаскивали барыню, ругаясь, в баню. Кто-то стирал белье, кто-то мыл пол...

Ругань на барыню не действовала.

Ласковой Горошинке жилось легче: ее любили и кормили.

Очень она и мне нравилась! Но по нашей квартире, стуча по мне, как по мебели, проволочным хвостом, ходила легавая сука Пойма, равнодушная ко всему, кроме охоты.

С давним этим дедовым увлечением тоже творилось неладное. Из всей его коллекции ружей осталась одна простая «тулка». Может быть именно потому что простая — добычливая?

Дед приносил с охоты тетерок, рябчиков, уток, зайцев и очень нравившихся мне пестреньких клювастых бекасов, которых жарили на кусочке хлеба...

Казалось бы: живи да радуйся.

Но каждый его отъезд на охоту сопровождался бурным скандалом на немецком языке и после — долгой истерикой бабушки.

В скрежущем потоке немецких слов я все время вычленяла смешное русское слово «Чухлома».

Через много лет я сама впервые приехала в Чухлому. Вечером на въезде ничего не смогла рассмотреть.

Утром вышла из гостиницы и обмерла. Незаметные ядовитыми дымами лучи солнца заливали неоглядную голубую гладь замерзшего озера. Снег еще не укрыл шемяще знакомого с детства булыжника сбегающей к озеру улицы. Спокойно, вечно и добро стояли вдоль улицы старинные деревянные и краснокирпичные дома. Перекликались петухи.

Кострома моего детства? Нет!

Знакомое чувство мгновенного ухода из действительности на миг подкосило ноги.

Вдруг я поняла, что в простеньком деревянном домике на последней высоте над озером — дальше стремительный спуск вниз — жила дедова любовь. Кто — не успела понять, но я и сейчас уверена, что не ошиблась.

Дед сам в ту единственную секунду запредельного существования оказался рядом и дохнул на меня печалью и страстью своей неистойой до старости души. Кто она была — приозерная чаровница — не узнать теперь никогда. Но все чаще и чаще думается мне, а не сбежавшая ли то красавица-поповна из Шахова?

е получалось из меня советского ребенка! В детском садике, куда меня отдали, молоденькие воспитательницы табунами ходили следом за мной по дворику, наугад тыкая пальцем в росшие там простенькие цветы. «Рудбекия, флокс, аспарагус, хризантемум лейкантемум», — называла я цветы, дивясь их непонятному мне изумлению.

Певучие эти слова жили в нашей семье всегда, ничьего внимания не привлекая.

Я скучала. Игры меня не манили. Игрушки — тем более. Я никогда не баюкала кукол, не домовничала с детской посудой.

Мне нравилось петь и танцевать, но занятия музыкой случались не часто. Зато моя воспитательница, юная комсомолка с библейским именем Ева и чудной белокурой косой, с непонятным, тонально неверным надрывом в голосе читала нам противную книжку про Павлика Морозова.

Что он предал отца, я понимала, а чего ради пошел на это — оставалось за чертой моего сознания.

Когда Ева Ивановна сказала:

— Вы все поняли, дети? Давайте прочтем эту книжку еще раз?

Я встала и заявила сердито:

— Ее и один раз не стоило читать. Павлик — предатель!

Тут Ева Ивановна задала мне вовсе глупый вопрос:

— Это тебе дома так сказали?

— У нас дома таких книжек нет, у нас есть Гоголь!

Как раз тогда дед читал мне «Вечера на хуторе близ Диканьки», и я млела от удовольствия.

— А Ленина и Сталина ты любишь? — с опасной дрожью в голосе поинтересовалась Ева Ивановна.

Дрожь эта насторожила меня, я замкнулась и промолчала, что, конечно же, было немногим лучше отрицательного ответа.

Мое «дело» вскоре усугубилось конфликтом с педагогами.

Четыре суетливые очкастые женщины нагрянули к нам в садик внезапно и затеяли какую-то непонятную колготню с вопросами, лабиринтами и карточками.

Особенно запомнилась их предводительница: плоская, с болотно-зелеными глазами, плавающи-

ми за стеклами сильных очков. Она все твердила:

— Дети! Вы должны думать самостоятельно!

Вот дура, мысленно возмутилась я, разве может кто-то думать за меня? И мгновенно потеряла интерес ко всем их затеям. Неуважение к глупости сидело у меня в крови.

В результате я заработала направление в детский сад для дефективных детей, куда меня, конечно, не перевели, но кое-какие, важные для себя, выводы я сделала.

В нашем маленьком, обидчивом и ябедном, мирке не существовало равенства и справедливости.

Самой одаренной педологи хором объявили носатую кувшинорыльную и тупую Берточку Будареву.

Все дети знали, что она дурочка и капризуля. Но отец Берточки занимал должность главного инженера льнокомбината, которому садик принадлежал. Берточке разрешалось все: носить из дома собственные игрушки и сладости, ссорить с их помощью детей, не спать днем, безнаказанно обижать малышей.

Я ведь попала сразу в среднюю группу, а были и малыши — несчастный народец, которому доставалось со всех сторон.

Кроме Берточки имелось еще две-три девочки, которым все сходило с рук. Но, Бог мой, сколько шишек сыпалось на голову часто вовсе ни в чем не виноватого Юрки Гречина!

На детсадовской фотографии он стоит рядом со мною, зыряка вороватыми кошачьими глазами. У нас обоих одинаково смешно торчат уши. А рядом мы потому, что других желающих оказаться в обществе «хулигана Гречина» не нашлось.

А он вовсе и не был «хулиганом»: предприимчивый задира из огромной полуголодной рабочей семьи. Его отец не только немецкого спортивного костюмчика, как Берточке, не мог купить — штаны Юрка донашивал после старших братьев.

Юрка мог хорошо учиться, но позже беспощадная военная голодуха сделала его вором и подвела в колонии под финку «беспредельщика».

Я же, пожалуй, именно с раскованным и прямым Юркой чувствовала себя спокойно. Общество девочек угнетало завистью, ложью и беспардонным подхалимажем перед воспитателями и нашей «аристократией».

Садик наш занимал на редкость уютный особняк фабрикантов Кашиных. От прежних хозяев в нем уцелело дорогое пианино и цветы.

В центре зала стояла кадка с таким огромным фикусом, что он даже цвел, правда бесплодно. На окнах красовались алые и бледно-розовые розы. Поскольку мама успела уже на всю жизнь заразить меня цветоводством, я тут же принесла домой черенки от этих роз.

Оба сорта имели более чем столетнюю историю. Красная называлась «Грус ан Теплиц»,

розовая — «Маман Коше». Обе они ушли из моей жизни лишь вместе с крушением всей нашей семьи полстолетия спустя...

Мне не доставало в садике простора, привычных дальних походов. Как дикий зверек — бегун, вроде койота, я носилась по тесному двору взад-вперед, то и дело налетая на кого-то, или путая затеянную воспитателями игру. Со мною не знали что делать.

Спать днем я тоже не могла, но именно благодаря этому однажды получила подарок судьбы.

Воспитательницы наши, в общем-то, были обычными девушками, мечтавшими о женихах.

Грядущая война пощадит из них лишь одну, а нашей Еве Ивановне готовит мученическую смерть разведчицы в тылу врага.

Но они того, к счастью, не ведали.

Девушкам хотелось любить, веселиться и слушать полузапретную западную танцевальную музыку.

Во время тихого часа кто-то принес патефон, завел его в пустой игровой комнате, и я замерла при первых же звуках фокстрота «Китайская серенада». Я никогда не слышала подобного ритма! Дома у нас играли и пели только классику.

Музыка вообще действовала на меня даже чересчур сильно. Взрослые быстро поняли, что с ее помощью мною легче всего управлять.

Стоило деду пригрозить:

— Сейчас «Чайку» спою!

Я становилась шелковой.

В награду же за послушание я получала «Новгород» или «Вечернюю звезду».

В тот день я услышала нечто столь подмигивающе зажигательное, что немедленно соскочила с постели и пустилась в пляс. А за мною и остальные, кто не спал. Ну... чем это кончилось, ясно.

Впрочем, кажется, больше нас пострадали воспитательницы.

простая задача — увидеть себя саму малышкой. В помощницах опять та же «персиковая коробка».

Девочка, которую фотограф, ввиду малого роста, поставил на стул, на первый взгляд, славный ребенок. Вьющиеся, до белизны светлые волосы, курносый носик, тугие щеки. Ножки коротковаты, сразу видно, но они совершенно прямые, что в те времена бывало не часто: не умели тогда бороться с рахитом... Зато очень красивые руки с длинными тонкими пальцами.

Впечатление обыденной простоты лица начисто снимает слишком просторный и широкий лоб и, того более, не взрослый даже, чуть ли не старческий, настороженный и невеселый взгляд голубых длинноресничных глаз.

Я — тяжелый ребенок. Во мне уживаются: нетерпеливая взрывчатость и почти не покидаю-

щая меня скучливость. Я не умею играть одна, но не переносу и массовых «мероприятий».

Последняя особенность природы останется со мною на всю жизнь и в будущем лишит меня многих интересных впечатлений только потому, что они будут связаны с участием в коллективной экскурсии.

В детском садике я замкнута, у меня нет подруг. Дома я, как надоедливая тень, преследую взрослых нытьем: «Что мне делать? Ну, скажите, что мне делать?!»

Никто не знает — что. И я сама — тоже.

Когда гложущая неопределенная тоска достигает апогея, я становлюсь неуправляемой и опасной. Именно в такую минуту засадила кружкой в любимейшего деда, подожгла вату на туалете у бабушки... Во дворе меня побаиваются и кличут «Бешеной».

Но однажды настал внешне ничем не примечательный день перелома характера и, надо полагать, судьбы.

Комнат у нас три, но одна из них, светелка, не имела прежде ни отопления, ни света. Владельцы дома на зиму ее просто запирали.

Для нас это недопустимая роскошь. Домовый умелец Тягунов (погубивший яблоню) за небольшую мзду сложил в комнате печурку с конфоркой.

Света по вечерам в комнатке не прибавилось, но сидеть возле топящейся печурки мы оба с дедом очень любили.

В тот вечер, как всегда, теплые блики огня бегали по низкому беленому потолку. На конфорке аппетитно скворчала сковорода с картошкой. Дед при свете печного огня читал испанскую книгу, а я просто ждала, когда поспеет мое любимое блюдо: сырая картошка, жаренная на постном масле.

Испанский язык дед выучил уже при мне. Легко, потому что прекрасно знал латынь.

Ждать мне быстро надоело и я, как всегда, начала канючить:

— Дедушка, ну скоро? Дедушка, я картошки хочу!

Дед повернулся, глянул на меня сквозь очки особенно глубокими темными глазами. Думаю, что именно неверный мерцающий свет огня придал его взгляду в тот миг завораживающую пристальную силу.

— Послушай, что я тебе прочту...

Книга в его руках оказалась сборником испанских легенд.

К сожалению, я не могу передать изысканной прелести старинных витиеватых оборотов речи, а в них-то и заключалось обаяние услышанного мною.

Я просто пересказываю суть древнего сказания.

Испанский принц и его оруженосец попали в плен к маврам.

Те сначала предложили им отречься от Христа,

а когда поняли, что пленников не сломить, придумали им страшную казнь: поджарить живыми на решетках.

Когда огонь раскалил прутья, оруженосец не выдержал и обратился к принцу:

— Господин мой, мне больно, нет сил терпеть!

Принц глянул на него с печалью:

— А я что же, по-твоему, на розах лежу?

Не знаю, какую надчеловеческую силу вложил дед в последние слова, но вздрогнули стены комнаты, и на миг я сама стала тем гибнущим в молчании принцем... Я поняла великую необходимость терпения!

С того дня меня словно подменили: я стала терпеливой. Не на радость себе самой, но навсегда.

Вместе со мной в детский садик ходила девочка с соседнего двора со смешным именем Натолля. Безотецкая дочь ткачихи. Девочка добрая, простая и очень говорливая.

Как-то раз она мне с гордостью сообщила: «А мою маму в партию приняли!» Даже не задумываясь, я ответила: «А моя мама в партии давно!»

Я не сомневалась в своей правоте. Моя красивая, занятая собой мама возникала в буднях моей жизни не часто, но каждое ее появление становилось праздником. И само собой разумелось, что все лучшее в жизни принадлежит ей бесспорно.

«Не-ет, — убежденно замотала головой Натолля, — твоей маме нельзя быть в партии! Вы — баре!»

Я знала: на дворе нас кличут именно так, но не придавала значения чужим усмешкам. Все наше оставалось высшим и лучшим в моем сознании. И вот впервые я поняла, что в окружающей меня жизни есть нечто стоящее, что может нам и не принадлежать. словно малая веточка в душе хрустнула, сломавшись под тяжестью первого разочарования. И уже больше нерослась.

оковыляла кое-как до весны скучная детсадовская зима. Прогремел оркестрами, порадовал любимой песней «Утро красит...», полакомил пирогами Первой. Подошло лето, и мы начали собираться на дачу в деревню Становщиково.

Во время своих сегодняшних долгих одиноких прогулок я всегда смотрю на другой берег Волги. Вижу шатер знаменитой становщиковской сосны, дом, где мы жили, пихты возле него на косогоре... Но никогда я не решусь ступить на тот косогор снова. Я не хочу видеть сегодняшнего оскудения земли моего детства.

Становщиковский лес, сведенный в войну, вновь поднялся и загустел, но я-то знаю, что это лишь тень настоящего леса и нет мне туда пути.

Мало того: человек может стать с лесом единым целым лишь тогда, когда папоротник вро-

вень с его лицом, а под елку можно зайти, как в дом, не нагибаясь.

В лес я убежала первым же вечером после нашего приезда в Становщиково.

Солнце склонялось к закату и в лесу взрослых людей было еще совсем светло. В моем мире уже сгустились сумеречные тени. Под густым пологом папоротника нездешним холодным светом замерцала гнилушка на пне и, словно брызги от нее, там и тут на никлых веточках бересклета, на стебле заснувшей смолки замелькали светлячки.

Юркнула согнанная с теплого березового корня ящерица, кто-то быстрый, неузнанный в упор сверкнул на меня красноватыми глазами и исчез. Сварливо застрекотала пичужка, сидевшая в земляной ямке на гнезде. Когда она взлетела, в сплетенном из травы гнездышке оказалось пять рябеньких яичек. Я их не тронула.

Мой малый лес из папоротника и кустов казался мне бесконечным и неодолимым. Но внезапно он выпустил меня на полянку, которую для себя расчистила раскидистая ель.

Тонкий острый луч солнца накосо пробился через ее крону, и в том месте, куда он упал, стоял самодовольный пузатый белый в замшевой коричневой шляпе. До того ладный, молодой, полный сил, что рука не поднималась сорвать его... Возле этого гриба и нашел меня дед.

За побег мне не попало. Может быть, просто потому, что взрослые слишком устали от хлопот с переездом.

На другое утро мне сказали, что приезжает дядя Вова.

О нем я была наслышана с измальства: «Дядя Вова учится в Ленинграде и живет у дяди Володи, который чудно играет на скрипке... Дядя Вова в Туркестане ловит змей... Дядя Вова отправился с экспедицией на Памир... Дядя Вова пишет книгу о перепончатых насекомых...»

Он приехал. И оказался ниже всех ростом, даже мамы. На голове негритянская шапка вьющихся волос. Лицо смуглое, острый быстрый взгляд карих глаз из-под старомодного пенсне. Плечи широкие, руки длинные и двигается он с недостижимой ловкостью. Обычно серьезен, но изредка лицо его прямо-таки расцветает в белой улыбке.

Для начала знакомства он предложил мне:

— Хочешь фокус-покус?

Еще бы я не хотела!

Он взял вилку, сделал какое-то почти незаметное движение рукой — и на зубце вилки оказалась пролетающая мимо муха! Ну, как же было не влюбиться, мгновенно и безоглядно, в такого ловкача!

А он еще и начал читать неслыханные стихи.

Я привыкла к омытому слезами романтизму Жуковского, к тоскливым жалобам Надсона.

А тут: «Как смутно в небе диком и беззвездном! Растет туман... но я молчу и жду, и верю, я любовь свою найду... Я конквистадор в панцире желез-

ном». Или: «Ревет сынок. Побит за двойку с плюсом, жена на локоны взяла последний рубль, супруг, убитый лавочкой и флюсом, подсчитывает месячную убыль».

Я ходила за дядей Вовой неотступно, прося: «Ну, еще что-нибудь! Еще!»

И тогда он прочел свои стихи о Бухаре. Жаль, что от них в памяти сегодня осталась только величаяя неспешная, как путь каравана, мелодия. Полагаю: стихи его были по-настоящему талантливой.

В наши дни, незадолго до маминой смерти я получила из Москвы письмо от совершенно незнакомого человека. Он спрашивал, кем я прихожусь Всеволоду Гуссаковскому и не сохранилось ли у меня его стихов, которые он пытается собрать...

Увы, готовая к изданию рукопись стихов дяди Вовы погибла в блокаду вместе с огромной библиотекой, старинной скрипкой и всяческим иным антиквариатом дяди Володиной квартиры.

Лицо дяди Вовы изменчиво, как погода в ветреный день. Каким-то образом чопорная бабушка не сумела его заморозить. Тем не менее, чаще всего на нем лежит оттенок суровости и давней печали.

Впрочем, этого я еще тогда не понимала. Мне обещана «великая ловитва» и Бог с ним, выражением взрослого лица.

Провожая нас на прогулку, мама напутствовала:

— Бакин! Ты все-таки поглядывай, кого Тошкка ловит... Она ведь все, что угодно, готова в руки взять.

— Прекрасно! — ответил дядя Вова. — У девочки задатки биолога.

Почему-то мы пошли не в лес, а к выжженному солнцем, почти бесплодному холму. На вершине его вообще ничего не росло, кроме жгучего желтого «молодила». Склоны — как волосы окаймляют плешь — затянул корявый кустистый дубняк.

Некоторое время мы молча продирались сквозь его царапучие ветки. Чего ради — непонятно.

— Глянь-ка сюда, — внезапно позвал меня дядя Вова. — Что ты видишь?

Я видела столбик роящихся над землей мошек — и больше ничего интересного.

Он снял рюкзак и достал из него складную лопатку:

— Сейчас посмотрим, на что нам указали...

Копнул раз-другой, и у него на ладони оказалось нечто бело-серое, ноздреватое и комковатое.

— Имею честь представить: белый трюфель! Деликатес! Я чувствовал, что они должны водиться в этом дубняке... Ну-ка, еще смотри «поводырей»!

Мне было легче пролезать сквозь чащобу, и трюфелей я нашла больше дяди Вовы.

Когда мы уже решили, что с нас хватит, он указал мне на неприметную норку в песке:

— Давай подождем, авось хозяин объявится. Он — прелюбопытный!

Только мы расположились в жиденькой тени дубняка, как на землю возле норки почти что шлепнулась нарядная черно-золотистая оса. Понятно почему — выбилась из сил: в лапках оса держала большую зеленую гусеницу.

— Ого! — удовлетворенно кивнул дядя Вова. — Березовый цимбекс! Хорошая охота была у сфекса! А поскольку берез рядом не видать, тащил добычу издалека... Запомни: сфекс — земляная оса. А цимбекс — не гусеница, личинка мухи. Она не убита осой, а только парализована. Сфекс сейчас отправит ее в норку и оставит там на прокормление своему потомству.

— Но ведь цимбексу больно будет! Он живой! — возмутилась я.

Дядя Вова пристально посмотрел на меня, но выражения его глаз я не видела: на стеклах пенсне отсвечивало солнце.

— А добыче всегда больно... Лучше ею не становиться! Но иногда иначе не получается...

Слова запомнились непонятными тогда.

Трюфели мы отнесли на дачу, приведя в восторг бабушку. Она очень долго возилась с ними, но пряный их вкус одобрили только взрослые.

Дальше зарядили дожди. День за днем низкое серое небо сочилось скверной осенней моросью — будто и не июнь на дворе.

Мои близкие от безделья читали вслух по-французски «Графа Монте-Кристо». Дядя Вова, накинув дождевик, бродил по кустам, вылавливая милых его сердцу перепончатокрылых. Я собирала обнаглевшие сыроежки и серые, которые выскакивали чуть ли не у крыльца избы.

Вместе с дядей Вовой мы ходили по деревне — считать плешивых, чтобы дождь перестал. Но почему-то все встречные мужики оказывались владельцами буйных грибов. Плешивые остались в городе.

И все же дождь перестал. Выглянуло солнце и заиграло в несметном алмазном богатстве капель на ветках деревьев. От земли потянуло сытным навозным паром. Пчелы из хозяйских ульев вылетели на работу.

Самое время было обещанному: найти и поймать гадюку. По сырости и холоду они не шибкие ходоки.

До сих пор горжусь: изгибистое серо-пестрое тело змеи возле березового пня, хоть на пол секунды раньше, но заметила я! Заметила — и обмерла от неведомого доселе страха. Он словно бы сковал меня.

А дядя Вова совсем неспешно наклонился, и змея оказалась у него в руках.

Впрочем, снулая, она не слишком и сопротивлялась.

— Успокойся, — сказал он мне, — и не стыдись своего страха. Люди всегда боятся змей и страх этот не проходит совсем никогда. Мы просто выучиваемся управлять собой. Видишь? Я держу ее за основание головы, она бессильна.

Гадюка тарасила мозаичные, пустные и блес-

тящие глаза, быстро, нервно шевелила языком и все норовила вырвать хвост из левой руки дяди Вовы.

Змея носила две одежды сразу. Сверху нарядный серо-черный плащ с ковровым рисунком, внизу, как нижнее белье, голое, членистое, как у гусеницы, белесое исподнее.

Смотреть на нее теперь было скорее неприятно, чем страшно.

Подержав с минуту, дядя Вова отбросил гадюку подальше, и только трава прошелестела.

— Не думай, она не вернется. Змеи никогда не нападают на человека, если есть возможность уйти. У них своя жизнь и своя добыча.

Только когда дядя Вова отпустил гадюку, я увидела, что большой палец на его правой руке не гнется.

— А почему у тебя палец деревянный?— тут же поинтересовалась я.

— Это меня гюрза «поцеловала». Понимаешь, какой-то недотепа словил двух гюрз, привез их в Ташкент, посадил в плохонький террариум и ушел из дома. Гюрзы — не наши гадюки, они большие, сильные и очень ядовитые. Из террариума они выбрались и пошли гулять по дому. Меня позвали, когда обе они забрели в комнату, где была куча детей. В комнате полутемно, тесно, детишки визжат... Обе змеи разозлены до предела, некогда примериваться. Хватал обеими руками. С одной... чуть недохватил. Откачали, как видишь.

— А если опять укусят?

— Ужалят... Уже не страшно. Тому, кто выжил, второй укус не опасен. Чему и будем радоваться, как губернатор!

— Какой?

— Губернатор едет к тете. Нежны палевые брюки. Пристяжная на отлете выкаблучивает штуки!

В ход пошел Саша Черный, и я тут же забыла про змей.

Многие годы спустя старик в Ленинграде рассказал мне, что тогда, в Ташкенте, дядя Вова шел почти на верную смерть.

Обезумевшие от страха дети швыряли в гюрз тапками, метались по комнате и лишали ловца малейшей возможности поймать разъяренных змей без риска.

Он — рискнул.

С приездом дяди Вовы скучивость мою как рукой сняло. И, что интересно, тоже навсегда. Сегодня я могу тосковать, но никогда не скучаю...

Дядя Вова настолько пришелся мне по сердцу, что я даже готова была признать тощего перепончатокрылого «наездника» большим красавцем, чем праздничная бабочка «адмирал». Лишь бы угодить другу.

С дядей Вовой мы устроили «лягушачью спасательную станцию».

В центре становщиковского леса пряталась

Староверская гора. В прошлые времена раскольники хоронили на ней своих усопших.

При нас от могил остались лишь плоские холмики, а на горе благоденствовал сосняк.

В бархатной низине под горою от тех же времен, в окружении черных елей, сохранился замшелый сруб над родником. Под елями пряталась тенелюбивая княженика, на лугу жили веселые рыжики, а в срубе маялись угодившие туда по дурости зеленые лягушки. Как ни загляни — уж одна-то непременно пялится на тебя глупыми золотистыми глазищами и, как ребенок, цепляется растопыренными пальцами передних лапок за скользкое бревно. Не удержится, плюхнется в воду и опять лезет вверх: родник ледяной.

Мы вылавливали бедолаг хворостиной. Удивительно, но ухватиться лапками за ветку ума у лягушек хватало! Память только была короткой: ясно, что валились в колодец, раз за разом, все те же наши знакомые.

Лес был на диво грибным и ягодным. Не водились в нем только грузди. «Разногрибье» забегало на зады деревенских дворин.

А над Волгой цвел, дурманил медом неоглядный луг. Вот уж мы погонялись по нему за перепончатокрыльями!

Заодно я познакомилась со шмелями, бабочками и гордым существом «стафиллин цезарус...»

Но дядя Вова все-таки уехал, хоть мама и просила его остаться...

Очень я тогда горевала... Откуда мне было знать, что гнала его собственная его несчастная любовь?

Есть на свете страшная порода женщин. Душа их вечно раскалена неутолимой жаждой наполнения чужой жизненной силой. Желанию их нет исполнения, нет и предела: пустыню не напоить водой из ладони... Цыганистая, капризногубая Женя принадлежала именно к этой безнадежной породе. Перебирала худыми руками в спадающих браслетах гитарные струны, улыбалась зазывно и бесстыже.

В тесной комнатенке на Охте было сумеречно от табачного дыма, шумно от сменяющих друг друга гостей. И никто не приходил с пустыми руками, хотя прямо она ничего не просила.

Вероятно, Женя, музыкальная, обаятельная, умная, рождена была для лучшей доли и не с изначально пустым сердцем. Революция выжгла ей душу: отца расстреляли за участие в Кронштадтском мятеже. Саму ее вместе с матерью отправили на Соловки. Мать умерла вскоре. Когда и какой ценой вырвалась оттуда Женя — не знаю. Этого она дяде Вова, да и никому другому, не рассказывала.

Числилась Женя лаборанткой в институте, но жила за счет мужиков, чего и не скрывала. Главной ее дойной коровой стал бедный талантливый дядя Вова.

Моя мать, приехав в Ленинград, попыталась

дать за него бой. Смогла лишь переманить на свою сторону некоторых поклонников вампирки — и только. Самонужного Женя не отдала.

заболела после дяди Вовиного отъезда. Очень странно: перестала спать. Ночами тихо лежала, слушая тырканье сверчка и провожая взглядом медленное скольжение лунного луча по дощатому, добела выскобленному, полу.

Мне не было ни скучно, ни тяжело: я мечтала. Включился неиссякаемый иллюзион моего воображения. Ярче, чем в жизни я представляла возвращение дяди Вовы и новые наши походы и приключения.

Вместе с проснувшимся воображением, внезапно пришло новое понимание поэзии.

Строки «Полуночные призраки реют, сыплют искрами ярко в глаза...» — я знала с младенчества. Но они жили во мне просто звуком, а не смыслом.

И вдруг однажды ночью словно холодок по спине пробежал: в темном углу, куда не достигал зыбкий лунный свет, за клубилось нечто, не имеющее формы, пугающее и прекрасное одновременно. Перехватило дыхание от грозной силы внезапно открывшегося смысла звучных слов: ... «призраки реют».

— Мама! Мама! Убери! Не хочу! — закричала я.

Взрослые сбежались, и никто не мог понять, что случилось?

Я махала руками, не находя слов, и захлебывалась слезами.

На другой день бабушка с дедушкой повезли меня в город к невропатологу...

Почему не мама? Сложный вопрос. Прожитые с тех пор мною столетия, привели к убеждению, что одиноким женщинам не надо рожать ребенка «для себя», без отца. Тут два возможных исхода и оба печальны. Либо женщина, раз и навсегда отказавшись ради ребенка от поисков своей судьбы, становится рабой эгоистического, возвращенного ею чудовища. Либо, не отказывая себе в удовольствиях и любовных победах, она сиротит свое, и без того лишь с одной половиной души живущее, дитя. Здоровой душе ребенка равно необходимы и мать, и отец.

А если еще и мать передоверила его воспитание, пусть умнейшим, но все же принадлежащим духовно прошлому бабушке и дедушке, ребенку не вспрыгнуть на подножку ускоряющего ход поезда современности.

В его распоряжении окажется только бесплодный мир мечтаний, способный на годы вообще оторвать от жизни. И ничто в его судьбе не состоится, как должно.

Догадываюсь, что тем летом окончательно ре-

шались мамины отношения с моим отцом. Она не хотела кидать меня в жгучий омут своих страстей. Поэтому меня в городе отпаивала бромом пунктуальная бабушка.

Наступила жара, и старый наш дом блаженно потрескивал, подставляя солнцу ревматические бока. Наконец-то просох и подвал и «тетя Нюра подвальная» вытащила на солнцепек жалкий свой заплесневелый скарб. «Тетя Катя банная» конопатила промерзающие зимой насквозь углы баньки, отданной ей под жилье.

И все остальные жильцы проветривали и просушивали все, что можно. А потому не уходили со двора с утра до вечера.

Посредине его имелся сруб бывшего колодца, забитый досками. На срубе всегда заседала старушечья компания, «искавшаяся» ради удовольствия. В бывшем «скалозубовском» доме вши, кажется, не велись только в нашей семье.

Сонмище ребятишек всех возрастов с гиком и визгом носилось по вытопанной «верблюжьей траве», лазало по крышам домов и сараев. Те, кто постарше, мотались между берегом Волги и домом, всякий раз таща на обратном пути охапку корья, а коли повезет, то и «плашку» дров: запас на будущую зиму.

Самые маленькие хвастались друг другу «кусками»: у кого посахарен, у кого помаслен. Так проявлялось тщеславие их матерей.

Меня от этого шумного и пестрого мира отвлекал дед. Но в запомнившийся мне день дома его не оказалось.

Нелегко определить, какого рода отношения сложились у меня с бабушкой. Я ее боялась? Не совсем так. Скорее, в ее присутствии я испытывала тягостное неудобство и несвободу.

Угодить ей было невозможно.

— Не горбись. Не маши руками! Не гримасничай! Зачем оторвала длинную нитку? До Нерехты хватит! Кто так держит иголку?

Она не хотела понять, что мне очень трудно жить с моими красивыми, но беспомощными руками. Какая иголка и нитка? Я одевалась-то в садике всегда самой последней...

Еще: я не помню ни одного интересного сведения, полученного от бабушки. Она сообщала самонужнейшие бытовые вещи, но так занудно, что все ее слова пролетали мимо памяти.

В моих воспоминаниях она какая-то сплошь серая. Пепельные от седины волосы, болезненное серо-бледное лицо, выцветшие серые глаза, бескровные губы и серая же кофточка... Вижу ее за огромным обеденным столом, занятую раскладыванием бесконечного сложнейшего пасьяна. До меня ей чаще всего просто нет дела.

Утром дед куда-то ушел. Бабушка занялась «Могилой Наполеона», хотя с нашей, не по времени изукрашенной, мебели не мешало бы смахнуть пыль, а пол подмести. Меня к этим необходимейшим делам почему-то не подключали.

С тяжелой, пустой от брома, головой я стояла на балконе и с высоты второго этажа смотрела на уныло бурливший возле колодца бабий скандал. Дверь в комнату за моей спиной оставалась открытой. Я не заметила, когда и откуда проник в нее жалкий серо-белый котенок. По чердакам и закоулкам нашего дома испокон века бродили полудикие коты и кошки. Там же плодились и множились, а потомство их, естественно, стремилось в люди. Живности в нашей квартире не велось. Это год спустя дядя Вова привезет мне из Сталинабада террариум со злыми тарантулами и банку с понурым интеллигентным богомолем.

Из полудремы вывел меня крик, точнее, вопль бабушки.

— Забери его! Скорее! Скорее! Выброси с балкона!

Я всполохнулась испуганно, силясь понять, в чем дело? Ничего же страшного: просто ничейный котенок забрел к бабушке в столовую.

Но она, бледная, глядела на пришельца с ужасом, все старалась загородиться стулом, но спинка вырывалась из трясущихся рук.

Крик ее, неистовый и страшный, ошеломил меня, лишил соображения: я схватила котенка и действительно бросила его с балкона! В ту же секунду, как коротко пискнув, он полетел вниз, я сама замерла от ужаса перед содеянным. Ведь я же слышала, как отчаянно бьется у меня под рукой его сердчишко!

По счастью, котенок упал на крышу подъезда и не пострадал нисколько. Даже и не понял, поди, что с ним произошло?

Вернувшийся дед застал бабушку в обмороке, а меня в слезах.

Никогда в жизни я потом не встречала человека, который до такой степени боялся кошек, как моя бабушка.

Вполне возможно, что за этим скрывалось серьезное психическое заболевание. Не зря же она, имея приличное приданое, проневолилась чуть не до тридцати лет... Что пережил дед за годы жизни с нею, чего так и не нашел в жизни, от чего отказался? Никто уже не ответит на тревожные вопросы.

Детсадовские зимы сливаются у меня в памяти в один бессмысленно и скучно прожитый день. Скрашивали эту серость только музыкальные занятия. Но и тут разучивать песни про китайчонка Ли, который... «ни разу не был в школе и двух слов не мог прочесть, только знал, что где-то Ленин у людей на свете есть», либо... «споем о родном человеке, о Сталине песню споем» — мне не очень нравилось. Хотя объяснить почему, я бы не могла.

Я смутно чувствовала: это — не пение, это что-то вроде молитвы. Я помнила, как в Становщи-

кове молилась хозяйка дома, изробленная многодетная баба. От распевного ее бормотанья нападала тоска.

А в детском саду все, наоборот, старались не петь — кричать как можно громче.

Не знаю и сейчас, кто внушал детям рабское подобострашие? Уж только не ласковая наша музыкальная руководительца... Это носилось в воздухе, пропитывало самую основу жизни.

Из всего, что нам читали воспитательницы, мне запомнилась только глава о Метелице из «Разгрома» Фадеева и поэтическая «Степь» Уйды.

Детские рассказы Льва Толстого, Куприна, Чехова, сказки, даже только что появившийся и незабвенный «Золотой ключик», мне читал дед. Пока в пять лет я тихой сапой не выучилась читать сама.

Что оставалось в головах тех, у кого не было такого деда?

Но... если бы сегодня наши люди полетели на Марс, вряд ли бы кто ради этого сообщения бросил стирку и побежал в центр, на площадь, слушать радио.

А тогда, узнав о перелете Чкалова, бежали.

Жилось людям немногим сытнее, чем в наши дни. Круглолицая рассудительная Наталя хвасталась:

— А мы с мамкой чай с хлебом-солью пьем. Вкуснота!

Правда, по нашей окраинной улице с нелепым названием «имени Трудовой школы» ежедень проходило два стада: коровье и козье. Во всех дворах горланили петухи и хрюкали поросята. Тем не менее, в магазины обещанные молочные реки с кисельными берегами не текли.

Так почему же замордованная пьяницей-мужем «тетя Нюра подвальная» интересовалась:

— Как оно там на льдине-то?

И еще одно: арестованные по наветам начали исчезать чуть ли не со дня моего рождения, но простой люд словно бы и не ведал того.

Увели ночью форсистою прозападного «спеца», отца Берточки Бударевой. И что? В куриной иерархии детского садика ее место тут же заняла толстая сонливая Гета Седова. Обиженная судьбой Берточка больше в садике не появлялась. О ней через день забыли.

Это сейчас пишут о темном ужасе ожидания ночного посещения. Возможно, так оно и было в Москве или других местах средоточия интеллигенции. В захолустной Костроме люди просто верили, что «дыма без огня не бывает», и никто заранее беды для себя не ждал.

УЛИЦА ДЕТСТВА

ДОЧЕРИ

*В маленьких теплых ладошках
Сердце мое ты держишь,
Жизнь мою продолжая,
Мир открываешь вновь.
Радуясь и тревожась,
Светлой живу надеждой.
Пусть тебя не коснется
Горечь моих костров.
Солнцу спеша навстречу,
В сердце мое вращаешь.
Жизнью такой единой
Хочется жить и жить!..
Я не звезда, и вечность
Мне не дана, я знаю.
Но для кого-то надо
Песню и мне сложить.*

*Вьюга стелется белой скатертью,
Как за памятью — за окном,
Где три девочки в дочери-матери
Заигрались давным-давно...
Где три девочки, как три веточки,
Торопили свою весну...
Платья выцветшие-отцветшие,
Я к ним бережно прикоснусь...*

*Думы детские — думы светлые,
Сны высокие — до небес,
Под березами ли, под ветлами
Детский след на траве исчез...*

*Подрастет моя дочка-ласточка,
Тоже выпорхнет из гнезда,
И тоскующим взглядом ласковым
Будет вслед глядеть поездам.*

*...Вьюга стелется белой скатертью,
Как за памятью — за окном.
Были — девочки, стали — матери
Все подруги мои давно...*

БАЮЛЬНАЯ

*Почему-то, почему-то
Не уснет моя Анюта,
Все ей шорох слышится:
— Что в окне колышется?
— Спи, Анютушка, не бойся,
Это Мурка шла к нам в гости,
Помахала хвостиком,
Спряталась под мостиком.
Мурка тоже будет спать,
В кухне Муркина кровать.
Баю-баюшки-баю,
Я вам песенку спою.*

*Гонят стадо коров. Бабы с хлебом в руках
У калиток Буренок встречают.
Медным гулом звенит над деревней закат,
Жаркий день с звездной ночью венчая.*

*Светят синим огнем ребятишек глаза
На мордашках смешных, загорелых.
И встают за Ветлугой большие леса —
Стройных елей зеленые стрелы...*

*Спелых яблок нарву, рукавом оботру,
И, отведав, вся сморщусь, как в детстве.
...У российской деревни стою на ветру,
Не могу на нее наглядеться...*

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Луч солнца тучи низкие прорезал
И лег пятном горячим на песке.
И капал дождь все реже, реже, реже,
Чуть всхлипнув на протянутой руке.

А в лужах — дети пятками босыми,
Задрав штаны, разбрызгивая смех,
Свой светлый мир старательно месили,
Один, как слово Родина — на всех!

И пахло свежесвыкошенным сеном,
И чем-то очень близким, дорогим...
И бесконечно длинной, откровенной
Казалась жизнь, как на воде круги...

Улица детства, улица детства!
Друг — по-соседству, мир — по-соседству,
Стрелы да войны — игры мальчишьи.
Птицею вольной в поле летишь ты!
Рожь ли волнами? Чуб ли вихрастый?
Небо над нами — синее счастье!
Теплой поземкой — пыль под ногами,
Улице звонкой солнце — как знамя!
Мы — босоноги, нам ли — бояться!?
Мы — словно Боги, улицы братство!
Речка за полем — словно девчонка,
Травы по пояс, песнь жаворонка...
Улица детства, улица детства,
Друг — по-соседству, мир — по-соседству...

В лугах, туманами намокших,
Блуждали мы вдвоем с луной,
И тихим всплеском голос Покиши
Сливался с этой тишиной.

Манил огнями санаторий,
В ржаных полях коростели
Про дух созревших теплых зерен
Неспешный разговор вели.

Свернувшись маленьким комочком,
За день набегавшись, спала —
Мой одуванчик легкий — дочка,
Оставив все свои дела.

А с моим сердцем билось где-то
Еще одно зерно любви,
И звезды на исходе лета
Опять пророчили: живи!

Живи, люби, надейся, помни, —
И нежность в сердце сохрани —
И тихий плес, и эту полночь,
И эти дальние огни...

Замело печаль-беду
Первою порошею,
Я теперь по ней иду
В валенках с калошами.

Ах, как звонко каблочки
По асфальту шелкали!
Мини-юбочки, очки
С крашенными челками...

Пряжи тоненькая нить
Тянется за спицею,
Говорили: не гонись,
Стерпится с синицею...

Полно, дочка! Не спеши,
Оставайся маленькой,
Зря печаль не вороши —
Надевай-ка валенки!..

Мой крестный сын,
Мой рыженький малыш,
Как долго шел ты через мирозданье!
Лежишь в моих руках,
На птиц глядишь,
Несущих, как и ты, Вселенной тайну.

Во искупленье ль будущих грехов,
Иль слыша каждодневные молитвы
Благословен да будет твой приход,
Как Солнца свет в траве, росой умытой.

Своих ошибок нам — не избежать,
Но дай нам Бог уйти, чтобы вернуться,
Чтоб твой потомок смог нас удержатъ
В своих руках, и Чуду, улыбнуться!

Ветер листья срывает с дерева
И уносит их вдаль, кружа.
Осень медленно, но уверенно
Раздувает в лесу пожар.

Так, осенним объятых пламенем
Нас, как листья, сжигает жизнь.
Мы пока не одни, мы — мамыны,
Но уже на ветру дрожим...

Нас знобит от предчувствий холода.
Как ликующая весна,
Отцвела, отцвела молодость,
Новой зеленью проросла.

...Унесу я листочком с дерева,
Кто-то будет о том жалеть...
Только б верилось, только б верилось,
Что корнями своими дерево
Навсегда приросло к земле!..

ИСТОРИЧЕСКИЕ АНЕКДОТЫ

ИЗ ЖИЗНИ РУССКИХ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ДЕРЖАВИН

Державин, только что поступивший на службу в Преображенский полк солдатом, явился за приказанием к прапорщику своей роты, князю Козловскому. В это время Козловский читал собравшимся у него гостям сочиненную им трагедию «Сумбека». Получив приказание, Державин остановился у дверей, желая послушать чтение, но Козловский, заметив это, сказал:

— Поди, братец, с Богом: что тебе попусту зевать, ведь ты ничего тут не смыслишь.

Державин был правдив и нетерпелив. Императрица Екатерина поручила ему рассмотреть счета одного банкира; который имел дело с кабинетом и был близок к упадку. Прочитывая государыне его счета, он дошел до одного места, где сказано было, что одно важное лицо, не очень любимое государыней, должно ему такую-то сумму.

— Вот как мотает! — заметила государыня. — И на что ему такая сумма?

Державин возразил, что князь Потемкин занимал еще больше, и указал в счетах, какие именно суммы.

— Продолжайте! — сказала государыня.

Дошли до другой статьи: опять заем того же лица.

— Вот, опять! — сказала императрица с досадой. — Мудрено ли после этого сделаться банкротом?

— Князь Зубов занял больше, — сказал Державин и указал на сумму.

Екатерина вышла из терпения и позвонила. Входит камердинер.

— Нет ли кого там, в секретарской комнате?

— Василий Степанович Попов, Ваше Величество.

— Позови его сюда.

Вошел Попов.

— Сядьте тут, Василий Степанович, да посидите во время доклада: Гавриил Романович, кажется, меня прибить хочет.

Одна дама вышла подушку, которую поднесла Александру I, при следующих стихах:

Российскому отцу
Вышла овцу,
Сих ради причин,
Чтобы мужу дали чин.
Резолюция министра Державина:

Российский отец
Не дает чинов за овец.

ГРИБОЕДОВ

Александр Сергеевич Грибоедов имел у себя камердинером крепостного человека Александра Грибова, которого он в шутку называл своим тезкой, баловал его, как любимица с детства, за что тот фамильярничал с баринном своим сверх меры.

Однажды Александр Сергеевич ушел в гости на целый день. Грибов, по уходе его, запер квартиру на ключ и сам тоже куда-то отправился. Часу во втором ночи Грибоедов воротился домой, звонит, стучит, но ответа нет. Помучившись напрасно с четверть часа, он отправился ночевать к своему приятелю, жившему недалеко от него.

На другой день Грибоедов приходит домой. Грибов встречает его, как ни в чем не бывало.

— Сашка! Куда ты вчера уходишь? — спрашивает Александр Сергеевич.

— В гости ходил, — отвечает Сашка.

— Но я во втором часу воротился, и тебя здесь не было.

— А почему же я знал, что вы так рано вернетесь? — возражает он обидчивым тоном.

— А ты в котором часу пришел домой?

— Ровно в три часа.

— Да, — сказал Грибоедов, — ты прав, ты точно, в таком случае, не мог мне отворить дверей.

Несколько дней спустя Грибоедов сидел вечером в своем кабинете и что-то писал. Александр

пришел к нему и спрашивает его:
— А что, Александр Сергеевич, вы не уйдете со двора?

— А тебе зачем?

— Да мне бы нужно сходить часа на два или на три в гости.

— Да ступай, я останусь дома.

Грибов расфрантился, надел новый фрак и отправился. Грибоедов оделся, запер квартиру, взял ключ с собою и опять отправился ночевать к приятелю. Время было летнее; Грибов воротился часу в первом; звонит, стучит, двери не открываются. Уйти ночевать куда-нибудь нельзя, неравно барин воротится ночью. Нечего было делать, ложится он на полу около самых дверей и засыпает богатырским сном. Рано поутру Грибоедов воротился домой и видит, что его тезка, как верный пес, растянулся у дверей своего господина. Он разбудил его и, потирая руки, самодовольно говорит ему:

— А? Что?.. франт, собака, каково я тебя прошколил?.. Славно отомстил тебе! Вот, если б у меня не было поблизости знакомого, и мне бы пришлось на прошлой неделе так же ночевать по твоей милости.

— Куда как остроумно придумали!.. Есть чем хвастать, — сказал, потягиваясь, встрепанный Грибов.

Грибоедов садится за фортепиано, у которого одна ножка была без колеса, и для поддержки под нее обыкновенно подкладывался какой-то брусок. На этот раз бруска не оказалось, и фортепиано шаталось во все стороны... Грибоедов зовет своего слугу Грибова и говорит ему:

— Ты, верно, опять играл без меня на фортепиано?

— Играл немножко, — отвечал тот фамильярно.

— Ну, так и есть! А куда девался брусок?

— Не знаю.

— А что ты играл?

— Барыню...

— Ну-ка, сыграй!

Слуга, без церемоний, садится за фортепиано и одним пальцем наигрывает известную песню:

«Барыня-сударыня

Протяните ножку».

Грибоедов прослушал его с полминуты, покачал головой и сказал ему:

— Ах, ты, дрянь этакая! И понятия не имеешь, как надо играть, а портишь мне фортепиано! Пош-ш-шел! Играй лучше в свайку или бабки!

В бытность Грибоедова в Москве в 1824 году, он сидел как-то в театре с композитором Алябьевым, и оба очень громко аплодировали и вызывали актеров. В партере и райке зрители вторили им усердно, а некоторые стали шикать; из всего этого вышел ужасный шум. Более всех обратили на себя внимание Грибоедов и Алябьев, сидевшие на виду, а потому полиция сочла их виновниками происшествия. Когда в антракт они вышли в коридор, к ним подошел полицмейстер Ровинский, в сопровождении квартального, и тут произошел следующий разговор:

— Как ваша фамилия? — спросил Ровинский Грибоедова.

— А вам на что?

— Мне это нужно знать.

— Я — Грибоедов.

— Кузьмин! Запиши, — сказал Ровинский, обращаясь к квартальному.

— Ну, а как ваша фамилия? — в свою очередь спросил Грибоедов Ровинского.

— Что это за вопрос?

— Я хочу знать, кто вы такой?

— Я полицмейстер Ровинский.

— Алябьев, запиши! — сказал Грибоедов, обращаясь к Алябьеву.

ГОГОЛЬ

После апатических вечеров Н.М. Языкова, на которых все присутствующие находились в состоянии полудремоты, Гоголь, после часа молчания или отрывистых замечаний, иронически приглашал гостей домой:

— Не пора ли нам, господа, окончить шумную беседу.

Николай Васильевич Гоголь обладал значительными актерскими способностями: подвижным лицом, комизмом в чтении и т.п. Простота и естественность Гоголя, при чтении им самим собственных произведений, доходили до того, что однажды, на вечере у Аксаковых, первые слова читанной «Тяжбы»: «Что это у меня?.. Точно отрыжка?.. — показались настолько правдивыми, что они испугались, думая, что не расстроил ли их обед желудок самого Гоголя!.. И только при дальнейших словах поняли, что это было уже начало чтения нового произведения.

Однажды Гоголь пришел к Жуковскому — спросить мнения о своей пьесе. После сытного обеда — Жуковский любил хорошо покушать, причем любимыми блюдами поэта были галушки и кулебяка, — Гоголь стал читать. Жуковский, любивший вздремнуть после обеда, уснул.

— Я просил вашей критики... Ваш сон — лучшая критика, — сказал обиженный Гоголь и сжег рукопись.

ЕЩЕ НЕ

ПРАЗДНОВАНИЕ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА У РАЗЛИЧНЫХ НАРОДОВ

Любезный читатель!

В одном из номеров «Губернского дома», надеемся, Вы уже познакомились с очерком Виктора Бочкова о нашей знаменитой землячке Александре Ишимовой, детской писательнице, основателе и издатель первого в России журнала для детей «Звездочка». Сегодня мы предлагаем Вам продолжить знакомство — рождественский материал Александры Ишимовой из журнала «Звездочка» найден специально для этого случая сотрудниками областной библиотеки в ее ценном фонде. Возможно, он поможет и вам провести Рождественские праздники веселее, чем обычно.

«Рождество! Рождество — день надежды и любви, — сказал какой-то писатель, — существует ли народ в христианском мире, у которого возвращение этого праздника не торжествовалось бы какими-нибудь особенными обычаями, играми, пением и преданиями, изменяющимися по стране и климату; принимающими оттенки характера национального, веселые или мрачные, печальные или игривые, смотря по тому, какое воображение создало их: живое или меланхолическое, более или менее любящее таинственность?»

Это совершенно справедливо: ни в каком празднике нет столько разнообразия и, надобно прибавить, веселости, как в праздниках Рождества Христова.

Во Франции, даже в самом Париже, бывала некогда в эту ночь Полуночная обедня, торжественно отправляемая, при таинственном свете лампад, духовенством в великолепном одеянии. Бесчисленное множество народа всех состояний присутствовало при этой службе. Рождес-

33. Великий трапез.

34. Великий трапез.

твенская вода, освещаемая во время этой обедни, считалась всеми хозяйками и домоправительницами очистительною для домов их. Они ходили за нею в ближние источники с пением священных рождественских пе-

сен. Вечер или, лучше сказать, ночь оканчивалась обедом, во время которого французская веселость имела случай выказаться в полной мере.

У поляков в праздник Рождества бывают рождественские хлебы, приготавливаемые и благославляемые священниками. Это род сухого пирога из лучшей крупчатой муки, толщиной с облатку, какая дается у католиков во время причастия, и величиною в две ладони. Этот пирог переходит от матери к детям и от господина к слугам в знак братства, в ту минуту, когда появление на небе первой звезды окончит пост и возвестит миру Рождение Спасителя.

У испанцев в это время бывают их фарандулы или пляски, в которых принимают участие целые населення, и которые растягиваясь длиною волнующеюся цепью по улицам, обнимают в полном смысле слова деревню или город. Они, так же как и португальцы и лангедогцы, едят во время этого праздника два особенные кушанья: из душистого меду или миндальный пирог.

У славянских народов, как например далматов, кроатов, сербов, босняков и других одноплеменных с нами, русскими, празднование Рождества Христова соединяется с такими простодушными и особенными от других народов обычаями, что мы верно угодим молодым читательницам и читателям нашим, представив им небольшой рассказ об этом одного немецкого путешественника:

«Празднование Рождества Христова в Сербии составляет отличительную черту религиоз-

ных понятий этой страны. Накануне этого торжественного дня, около вечера, отец семейства идет в лес и срубает там прямой молоденький дубок. Принеся его домой, он говорит: «Добрый вечер и счастливый праздник Рождества!». Ему отвечают: «Да пошлет тебе их Бог!» и с этими словами осыпают его зернами ржи; потом кладут дуб на очаг и зажигают его. На другое утро, которое всегда встречается пистолетными выстрелами, к каждому дому приходит гость, и, бросая в дверь также хлебные зерна, говорит: «Христос родился!» Присутствующие, до которых долетают зерна, отвечают ему: «Воистину родился!» Тогда гость входит в комнату, и, взяв железные шипцы, начинает колотить ими по дубу, еще догорающему на очаге, приговаривая: «Сколько искр, столько волов, лошадей, коз, овец, поросят, ульев». После того хозяйка дома набрасывает на гостя покрывало, а остатки дуба относят в огород. К обеду, который начинается вскоре после

исполнения всех этих обрядов, каждый из семейства приходит с зажженной восковой свечою в руках. После молитвы все обнимаются, говоря: «Мир Божий да пребывает с вами! Христос родился во истину, мы чтим Его!» И чтобы представить искренний союз всех членов семейства, глава его соединяет все свечи в одну связку, которую кладет на блюдо, только что принесенное и наполненное хлебными зернами разного рода. Кроме того вы видите на нем еще пирог из пресного теста.

Пирог разрезывается, и тот, кому достанется серебряная монета, запеченная туда, считается счастливым из всего семейства.

Стол уставленный кушаньями, остается открытым для всех в продолжение целых трех дней. До самого наступления Нового года сербы здороваются друг с другом словами: «Христос родился!» Это походит на наши приветствия друг другу в день Воскресенья Христова и следующие потом шесть недель до праздника Вознесения Его: «Христос воскрес! Воистину воскрес!»

Религиозные и народные обыкновения венгерцев также могут назваться примечательными. Накануне Рождества одеваются они в самые странные костюмы или, как говорят у нас,

маскируются и отправляются в саних из дома в дом, из деревни в деревню. Надеюсь, и часто очень справедливо, не быть узанными в своих нарядах, они позволяют себе во время этих разъездов и посещений все возможные шутки. Возвратясь до-

мой, садятся за обеденный стол, устроенный на сене в память ясель и ложа Младенца-Иисуса. Обед начинается раздачею особого пирога и оканчивается песнями и разговорами в меру песен, относящимися к празднику, между тем как беднейшие поселяне приходят также на пир, брэнча на сельском инструменте своем, похожем на нашу балалайку. За музыку и песни их им дают разного кушанья, платьев и даже иногда денег, потому что в этот праздник все люди считают себя братьями.

В Германии Рождество есть не только праздник религиозный и народный, но и детский. Он для немецких детей то же, что Новый год для французских, т.е. праздник подарков.

Вся земля немецкая приходит в движение столько же на берегах Рейна, как и на берегах Дуная и Эльбы, и начиная от Майнца до Вены и от Кенигсберга до Мюнхена, нет ни одного дома, ни одного семейства, какое бы оно ни было, благородное, купеческое или даже крестьянское, где бы в этот вечер не оделись в праздничное платье.

У добрых немцев детский праздник Рождества так важен, что они приготавливаются к нему за целый месяц. Для того в каждом городе учреждается ярмарка, продолжающаяся от двух до трех недель, и называемая детскою ярмаркою. Место ее обыкновенно на рыночной площади. Палатки, украшенные самою яркою драпировкою, и красивые деревянные домики, расписанные самою разнообразною живописью, рассеяны по всей площади; в этих домиках и палатках устроены магазины и лавки, в которых продается только то, что может служить подарком для детей. Все это множество вещей разложено купцами перед покупателями с таким искусством и вкусом, которым

нельзя не удивляться. Здесь игрушечные фабриканты Нюрнбергские с их бесчисленными куклами всех величин и видов: пастушками, знатными дамами, кухарками и крестьянками; с их полишинелями, оловянными солдатами, пушками, барабанами, ружьями и саблями для маленьких воинов. Там Гамбургская пирожница с своими чудесными вафлями, хрустящими на зубах, и пряниками, так хорошо представляющими собак, лошадей, кошек и других зверей. В этой стороне вы видите разные детские игры: волчки, воланы, кольца с колокольчиками, игры в гусь, в терпенье и проч. А какую приятную картину представляют эти папеньки, мамочки, дяденьки, тетеньки, одним словом все, имеющие какое-нибудь родное дитя и гуляющие по этому рынку с милыми малютками своими. С каким добродушным любопытством они подстерегают на лету взоры и слова какого-нибудь маленького мальчишка или маленькой девочки, чтобы понять в них желание и потом купить в тайне от ребенка ту самую вещь, которая более всего ему нравилась! В этом заключается часто лучшая часть праздника.

Наконец, время ожиданий миновало, настал радостный день детского праздника Рождества. Сколько молоденьких сердечек тревожно бьется во время этого часу, отделяющего обед от настоящего праздника, на котором каждый ребенок получает желанный подарок! Но вот уже отец семейства, взяв в руки свечу, сказал: «Христово дерево ожидает нас!» В одну минуту, большие и маленькие вскочили из-за стола и побежали вслед за хозяином. Уже с неделю, как любопытным малюткам не позволяли входить в залу (самую большую и лучшую из всех комнат в доме). Войдем туда в эту минуту вместе с ними, и глаза наши, ослепленные неожиданным блеском, прежде

всего увидят посреди комнаты Дерево Христа. Ветви его клонятся книзу от тяжести позолоченных конфет и бесчисленного множества зажженных восковых свечек; подле, на большом столе, богато украшенном, увидите вы прекрасную грядку

позолоченного песка, в которой посажено столько маленьких елочек, сколько детей в семействе; на ветку каждой привешен билетик с именем того, кому принадлежит она, а под нею разложены подарки, состоящие из игрушек и сладостей, которыми так много любовались во время прогулки по ярмарке. Нужно ли описывать, что чувствует сердце дитяти во время удовольствий этого вечера, ожидаемого целый год, этого вечера, приносящего с собою мгновенное исполнение стольких надежд, стольких сладостных желаний! Кукла, картонная лошадка, тарелочка конфет — вот великолепные затеи этого сердца, вот райские мечты его! Счастливое время! Счастливого возраст! Зачем проходишь ты так скоро! — В самом деле, молодые друзья наши, нигде, кроме Германии, не раздается в Рождество такое множество подарков детям, но если сказать правду, то эти подарки поражают более своею многочисленностью, нежели дороговизною.

В Италии с первую неделю поста перед Рождеством начинаются народные праздники, которые бывают как будто приготовлением к рождественским. Перед каждым домом останавливается почти беспрестанно певцы и музыканты. Южная часть Италии особенно богата

праздниками такого рода. Неаполь в это время бывает полон музыки: во всех сторонах слышишь звуки гитары, мандолины, свирели и рожка.

В Риме, это средоточие христианского мира на западе, с самым началом Рождественского поста приходят пастухи из Аbruццо и Калабрии: подобно пастырям вифлиемским они возвещают пришествие Христа пением священных стихов и молитв рождественских. Часто они сопровождают это пение игрою на рожке и свирели. Обыкновенно встречаются их по два вместе. На головах у них вы всегда увидите остроконечную Калабрскую шляпу, надетую на одно ухо; на плечах накинут темный плащ длиною до колена; бедра покрыты бараньим мехом; на ногах род старинных сандалий, красиво укрепленных ремешком, обвивающим в несколько раз ногу и выказывающим красу ее.

Приход этих пастухов составляет величайшую радость для римлян, потому что с ним начинается целый ряд праздников, начинается время благодати для души, время наслаждения и забав земных. Тотчас же нанимают их петь и играть все дни поста перед каждым домом, или, лучше сказать, перед каждой Мадонной, обыкновенно украшающей фасад каждого дома и каждой лавки в Риме. Изображение ее всегда освещается лампадой, которая содержится в течение целого года с такою же заботливостью, как некогда содержался священный огонь в храме Весты.

Детский праздник Рождест-

ва в швейцарских кантонах представляет очень заметную разницу с таким же праздником в Германии: в этой живописной стране озер, снежных гор и пенных водопадов, в этой стране, любимой более других путешественниками, все просто, все далеко от роскоши. Детский праздник Рождества проходит там без всяких пышных приготовлений; удовольствия его не заменяют удовольствий, ожидаемых в день Нового года, и напротив того бывают как будто веселыми предвестниками их.

На улице в это время встречаются молоденькие и веселые поселяне, одетые несколько странно: в шляпе из позолоченной картонной бумаги и с огромным букетом из лавровых ветвей в петлице. Вместе с ними идут иногда и толпы молодых девушек в маленьких Фрибургских корсетах, в соломенных шляпках, слегка наброшенных на самую верхушку головы; девочки несут корзинки, покрытые зелеными ветвями, мальчики — сумки, украшенные также зеленью, и все вместе повторяя хором песни преданий, весело выпрашивают у деревенских жителей хлеба, масла, сыру, плодов, чтобы вечером отпировать по-своему праздник.

Но посмотрим теперь на настоящий детский праздник Рождества Швейцарского. Он проходит очень просто. Дети и родители их собираются все в тот день в столовую комнату, которая в Швейцарии бывает обыкновенно и самая теплая. Когда все сойдутся, старшие начинают рассказывать молодым разные, по большей части страшные истории о колдунах, волшебниках и даже мертвецах; — все это для того, чтобы посмешить и позабавить молодежь, потому что на деле — вы, конечно, знаете, нет ни колдунов, ни волшебников, которые бы могли делать какие-нибудь чудеса; а о мертвецах и говорить нечего!

Что может сделать человек, лишившийся того, чем он мог действовать — души своей? Всякий, кто имеет сколько-нибудь рассудка знает это и рассказами о делах мертвецов можно разве пугать только самых маленьких детей. Может быть, в Швейцарии есть такие трусишки, и родители хотят отучить их от этого страха, для того и рассказывают им разные страшные случаи, из которых каждый оканчивается каким-нибудь смехом и пристыжает трусов и трусих. После

рассказов начинаются игры, похожие на наши фанты, а потом — гаданье оловом. Вы удивляетесь? Вы думали, что только у нас, русских, льют в вечер на Новый год олово и воск и потом рассматривают на стене тень вылившегося куска, чтоб узнать на что походят эти фигурки, и потом поговорить о них, как будто бы веря, что в изображениях их можно что-нибудь узнать о будущей судьбе своей. Смешно! Неправда ли, друзья наши? Хорошо, если бы так легко можно было узнавать о всем, что случится с нами! Но нет, и в Фрибурге, и у нас это только забава! Там большие и не занимаются ею, как иногда случается это у нас, но только маленькие, и вот как: берут столько кусочков олова, сколько в комнате детей; растапливают каждый в большой железной ложке на огне, нарочно приготовленном; потом осторожно выливают кипящее олово в хрустальный или серебряный стакан, наполненный холодной водою. Олово, упавая в холодную воду, подвергается сильным внутренним разрывам, от которых слышит-

ся пронзительный свист. Тот из детей, чье олово будет разорвано более всех других, считает себя более всех счастливым на наступающий год.

Вдруг общее молчание прерывается, какой-то таинственный голос раздается в ближней комнате. «Ай, это скупой старик!» — кричат в один голос все малютки и, прыгая от радости, бросаются к двери, у которой послышался шум. Самые смелые отворяют дверь и вдруг видят перед собою большую куклу, у которой вместо глаз две свечки, огромный рот шоколадного цвета и корпус, сообразный с величиною рта.

Посмотрев несколько минут на того, кого они называют скупым стариком, дети начинают просить у него конфет; не получая ответа, они приступают к скупцу силой и возятся около него до того, что картонный корпус его распадается на обе стороны и оттуда высыпаются, как из настоящего рога изобилия, конфеты, орехи миндальные, грецкие, изюм, пряники, чернослив и множество разных других лакомств, которые делятся без всякого спора и составляют на целую неделю радость детей в каждом доме Фрибурга.

Вот, друзья мои, сколько родов празднования Рождества знаете вы теперь. Который более всего понравился вам?

(Детский журнал «Звездочка», посвященный благородным воспитанницам института Ее императорского величества. Издатель Александра Ишимова. 1845 г. Публикуется в сокращении.)

ДЕТСКИЙ ГОСТИНЕЦ

или 25 загадок, взятых из древней истории, из всех царств природы и собранных для приятного препровождения времени родителей и детей в одной старой книжке 1794 года, которая так и называется — «Детский гостинец».

1. Есть на свете четыре брата весьма дружных. Один бежит, но не устает; другой ест, но не бывает сыт, третий пьет, но никогда не напивается до сыта; а четвертый поет; но слуху неприятно.

2. Один мельник, пришел в свою мельницу, имевшую четыре угла, увидел в ней в каждом углу по три мешка, на каждом мешке сидело по три старых кошки, а каждая кошка имела при себе трех котят. Спрашивается, сколь много тогда было в мельнице ног?

3. Три человека, играя вместе целую ночь, когда перестали; то каждый выиграл. Какие то были игроки?

4. Что такое? — Слепой видел бегущего зайца; хромой гнался за ним и поймал; а нагой положил в карман и принес домой.

5. Кто меня имеет, тот о том не говорит. Кто меня получает, тот не знает, а кто знает, тот не берет.

6. Как можно воду в решете принести?

7. Где деревья говорят, соколы рассуждают, кошки гордятся, барсы дают советы, воробьи печалются, предвидя будущую опасность?

8. Горшок не велик, но каша хороша.

9. Наподобие мира кругом обтекает меня море, а внутри меня находится животное. Но прежде, нежели получу я совершенную жизнь, часто аппетит твой меня уничтожает.

10. Какая собака не лает, не кусает и не защищает, а всегда с нами?

11. Какое четвероногое животное пьет хвостом?

12. Когда начали пряхсть на самопрялке?

13. Кто первой начал носить шелковые чулки?

14. Кто только несколькими днями моложе своей матери?

15. Кто имеет желудок в голове?

16. Какие животные не видят своих родителей?

17. Когда два человека ели вместе яйца: то один сказал другому: дай мне своих два, так будет у нас поровну; а тот отвечал: нет, лучше ты отдай мне своих два, так будет у меня в половину твоего. По сколько у каждого было яиц?

18. Какие люди питаются водою и ветром?

19. Говорю без языка, кричу без горла; беру участие и в радости и в печали,

но сердца не имею.

20. Кто поутру имеет четыре, в полдень две, а ввечеру четыре ноги?

21. Какой вещи, находящейся на открытом воздухе, не может освещать солнце?

22. Некогда шли вместе брат с сестрою, муж с женою, шурин с братом. Много ли их было?

23. Два отца и два сына поймали трех зайцев, а досталось каждому по одному; каким это образом?

24. Если на ноги поставить; то ходит на голове.

25. Какое животное выворачивает свой желудок и моет?

Читайте, гадайте и присылайте ответы в «Губернский дом» до 20 января.

Самых умных и находчивых ждет рождественский гостинец. А тех, у кого найдется своя интересная загадка, — целых два. Приятной всем забавы.

Ответы ждите в следующем номере.

ГУБЕРНСКИЙ

1/95

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

ДОМ

Время Общество Знание

Три монолога о детстве.
Встреча с потомком фабриканта и академика.
Фольклорист Татьяна Кирюшина: от песни к песне,
от судьбы к судьбе.

Свидетельства Архивы Документы

Народное здравие в Костромской губернии.
От Костромы до Соль-Галича. Записки путешественника.
Быт костромской элиты середины XIX века.
Клады, паны и разбойники.

Литература Искусство Культура

Ольга Гуссаковская. Персиковая коробка. Повесть.
Вячеслав Шапошников. Стихи.
Исторические анекдоты из жизни русских замечательных людей.

Редактор Николай Муренин
Художник Василий Чистов
Фото из коллекций Андрея Анохина, Георгия Белякова,
Сергея Калинина

Адрес редакции: 156000, г. Кострома, пр. Мира, 7, тел. 57-67-38.
Извините, рецензировать и возвращать рукописи не имеем возможности.

Сдано в набор 5.10.94 г. Подписано к печати 5.11.94 г.

Печать офсетная. Объем 10 п.л. Тираж 4000 экз. Цена свободная.
Макет и верстка выполнены издательским центром АОЗТ "Апогей",
г. Кострома, ул. Самоковская, 10.

Отпечатано в областной типографии им. Горького
управления по делам печати и массовой информации администрации
Костромской области, г. Кострома, ул. П. Щербины, 2.

Любезный читатель!

Приближается 50-летие Победы, и наш сугубо мирный «Губернский дом» не может пройти мимо этой даты. Так что уведомляем Вас, что вторая наша с Вами встреча в 1995 году будет посвящена Великой Отечественной войне.

Прекрасно понимаем, какая трудная это задача — рассказать о том, какой отпечаток на жизнь народа наложила эта война, как отразилась она в судьбах и характерах разных людей. Тех, кто сражался на фронте, и тех, кто кормил, одевал и обувал эти фронты, не оставляя себе и своим детям порой самого малого, самого необходимого. Тех, кто на нашей костромской земле выхаживал десятки тысяч блокадных ленинградских детей и раненых бойцов в тыловых госпиталях. Тех, кто детьми и подростками подставлял свои хрупкие плечи под непосильную ношу. Что думали тогда о выпавшем страшном испытании люди и как позднее попытались осмыслить это лихолетье наши соотечественники-земляки: писатели, художники, поэты. Какое отражение оставила война в фольклоре.

В традициях «Губернского дома» опираться на документальные материалы — неопубликованные или труднодоступные публикации. И, как обычно, в подготовке этого номера нам обещают помощь архивисты и музейные работники, костромские литераторы. Но мы уверены, что реликвии и доку-

ментальные свидетельства о Великой Отечественной войне — многие и не менее интересные — еще хранятся в семьях: фотографии, документы, дневниковые записи, сделанные в военные годы, и воспоминания, написанные для детей и внуков после Победы, письма военных лет — с фронта и на фронт. Во всем этом — живая, неприглаженная правда о минувшей войне, живая жизнь во всем ее многообразии; ответы на вопросы, которые еще долго будут волновать не только исто-

риков, но и просто любознательных к истории нашего Отечества потомков: чем жили люди в годы этой страшной войны, как жили, что питало их дух и их силы?

И мы обращаемся к Вам с приглашением стать соавторами журнального номера к 50-летию Победы, разделить с нами трудную, но благородную задачу: хоть небольшими новыми штрихами, документами пополнить сокровищницу народной памяти о Великой Отечественной войне, о той цене, которой заплачено за Победу 1945 года. И это тоже будет нашей памятью о погибших и умерших, выражением благодарности живым участникам Великой Отечественной.

Мы с интересом примем Ваши предложения, познакомимся с копиями материалов, выедем, чтобы на месте поработать с теми документами, которые бережно хранятся в семейных архивах, воспользуемся подсказанными Вами адресами.

Заранее признательны Вам за помощь и участие.